

ХАНТЫЙСКИЙ МИР ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

ХАНТЫЙСКИЙ
МИР ЧЕРЕЗ
ПРИЗМУ
РАЗНОСТРУКТУРНЫХ
ЯЗЫКОВ

Департамент образования и молодежной политики ХМАО – Югры
Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок

ХАНТЫЙСКИЙ МИР ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

Ханты-Мансийск
2019

УДК 81.511.14
ББК 81.665.1
Х 19

Авторы:

*А. А. Бурыкин, Н. А. Герляк, О. Ю. Динисламова, С. Д. Дядюн, О. Д. Ерныхова,
А. Д. Каксин, Г. Л. Нахрачева, В. Н. Соловар, Л. А. Федоркив, А. А. Шиянова.*

Редакционная коллегия:

*А. А. Бурыкин, д. филол. н., д. ист. н., Институт лингвистических исследований
РАН;
А. Д. Каксин, д. филол. н., Хакассский государственный университет им.
Н. Ф. Катанова.*

Рецензенты:

*С. С. Динисламова, к. филол. н.,
Ф. М. Лельхова, к. филол. н.*

Хантыйский мир через призму разноструктурных языков / Отв. редактор А. А. Шиянова. – Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2019. – 236 с.

В монографии представлены результаты труда коллектива авторов, объединенных общей идеей представить итоги своих исследований в русле проблем развития обско-угорской филологии, лингвистики, фольклористики. Рассматриваются ценные источники по географии, истории, этнографии Сибири, этнические контакты, оцениваются фрагменты этноязыковой картины мира обско-угорских народов, культурно значимые смыслы, закрепленные в языковом сознании и коммуникативном поведении. Описывается морфологический, лексический и синтаксический ярус.

Книга предназначена для филологов, фольклористов, преподавателей, студентов, а также рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся вопросами обско-угорской филологии и фольклористики.

*Рекомендовано к печати Научно-методическим советом
Обско-угорского института прикладных исследований и разработок*

ISBN 978-5-6044083-1-5

© Коллектив авторов, 2019
© Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, 2019
© Д. Г. Соловар, дизайн обложки, 2019
© ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», издание, 2019

**К юбилею
доктора филологических наук
Соловар Валентины Николаевны**

СОДЕРЖАНИЕ

Ерныхова О. Д. Слово о юбиларе	5
Бурыкин А. А. Ханты в сочинении Н. Г. Спафария «Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Н. Спафария в 1675 г.».....	14
Герляк Н. А. Бытовая лексика хантыйского языка (на материале казымского диалекта): этнолингвистическое исследование...36	
Динисламова О. Ю. Языковая репрезентация характера человека в дихотомии « <i>добрый – злой</i> » в мансийской и русской фразеологических картинах мира.....	54
Дядюн С. Д. Хантыйские сказки как средство нравственного воспитания детей	110
Каксин А. Д. О специфике модальной системы хантыйского языка (на материале казымского диалекта).....	117
Нахрачева Г. Л. Лексико-семантическая классификация глаголов поведения в хантыйском языке.....	128
Соловар В. Н. Картина мира хантыйского языка: семантические особенности хантыйских глаголов с провербами <i>-иҕ</i> и <i>-ким/кэм</i> (на фоне мансийского языка).....	149
Федоркив Л. А. Функционально-семантическая характеристика дейктических местоимений <i>иҕи</i> и <i>ин/иттам</i>	188
Шиянова А. А. Семантические особенности имен прилагательных хантыйского языка.....	213
Авторский коллектив	234

СЛОВО О ЮБИЛЯРЕ

2018 год стал юбилейным для Валентины Николаевны Соловар – доктора филологических наук, ведущего специалиста в области хантыйского языкознания. Она автор более ста научных статей, пяти монографий, пятидесяти учебно-методических пособий и учебников. Ее труды охватывают все разделы изучения хантыйского языка – фонетику, лексику, морфологию, словообразование, синтаксис, лингвокультурологию и диалектологию. А издание словарей на разных диалектах хантыйского языка под авторством Валентины Николаевны является самым ценным вкладом в хантыйскую филологию. Значение этих лексикографических источников ценно тем, что позволяет формировать устойчивые письменные нормы хантыйского языка, что является крайне необходимым в сложившейся на сегодняшний день ситуации по развитию письменности одного из коренных народов Югры.

Валентина Николаевна Соловар (в девичестве Ремезанова) родилась в селе Казым Березовского (ныне Белоярского) района Тюменской области 29 января 1958 года. Все, что окружало ее с детства, дышало особой привязанностью и бережной любовью к хантыйскому языку. Далеко не в каждой сельской семье понимают ценность древних сказаний, народных сказок, интересных слов и выражений родного языка. В большой семье дедушки, Никиты Ивановича Ерныхова, все родственники были неутомимыми собирателями хантыйского фольклора. Благо, все тети и дяди, окружающие Валентину Николаевну с детства, в том числе и мама – Анна Никитична Ремезанова (Ерныхова), почти все получили среднее специальное образование. Ибо сам дедушка никогда не воспрепятствовал этому, а, наоборот, всячески старался привить своим детям любовь к школе, образованию, поскольку понимал необходимость обучения подрастающего поколения. Надо сказать, что его позиция и твердость в вопросе образования своих детей стала причиной того, что все они без исключения усвоили на хорошем уровне базовые знания, которые прививаются в школе, а затем и в средних специальных учебных заведениях. А один из младших сыновей Никиты Ивановича, Иосиф Никитич, еще был связан и с литературной дея-

тельностью – он в конце 1950-х гг. работал корреспондентом в газете «Ленин пант хуват» и писал стихи на хантыйском языке. В семье Никиты Ивановича собирали сказки, загадки, записывали слова в записных книжках, в ученических тетрадах, а иногда и просто на оберточной бумаге. Как вспоминают старожилы с. Казым, дедушка, Никита Иванович Ерныхов, был еще и прекрасным знатоком хантыйского фольклора – исполнителем священных песен обрядового комплекса «Медвежий праздник». Именно он долгими зимними вечерами рассказывал любимой внучке предания об Ими-хилы – культурном герое народа ханты.

В семейном архиве В. Н. Соловар сохранилась записная книжка дяди, Ерныхова Алексея Никитича, – самого старшего из сыновей Н. И. Ерныхова. Записи в ней велись с 1946 года, с того времени, когда Алексей Никитич поступил в Салехардский зооветеринарный техникум. Помимо дневниковых записей в записной книжке дяди записана сказка «Ими-хилы». Сказка написана от руки на кириллице, используется знак л с апострофом для обозначения звука – л. Отрадно то, что уже в то время существовали попытки обозначить специфичные фонемы хантыйского языка. В семейном архиве также сохранились хантыйские сказки, записанные рукой дяди Валентины Николаевны, Иосифа Никитича Ерныхова. Записям уже более 70 лет, но они отлично сохранились. Одна из сказок «Жирный кулик», которая вошла в фольклорный сборник «Мифы, предания, сказки хантов и манси», составителем которого является Н. В. Лукина.

Стремление записывать фольклор хантов, в том числе и все свои мысли, было и у младшей дочери Никиты Ивановича, Полины Никитичны. Она работала учителем в д. Юильск Березовского (ныне Белоярского) района и скрупулезно записывала историю деятельности и жизни сельской учительницы, которая обучала хантыйских ребятишек. На страницах дневника отразились внутренние переживания, надежды и упования на то, что потомки обязательно продолжат дело, начатое семьей деда, Ерныхова Никиты Ивановича, связанное со сбором и фиксацией хантыйского языка и фольклора.

Все эти письменные свидетельства, связанные с паспортизацией родного языка и фольклора, явились для Валентины Нико-

лаевны символом любви к языку своих предков и «стартовой дорожкой» в деле исследования хантыйского языка. Никого уже из окружавших в детстве родственников старшего поколения Валентины Николаевны нет в живых, но как же благодарна она им за особую атмосферу в семье и привязанность к языку своих предков.

После окончания Казымской восьмилетней школы юная Валентина поступила в Ханты-Мансийское педучилище. По ее словам, это среднее учебное заведение дало ей базовые знания, необходимые для любого начинающего педагога. С теплотой она вспоминает всех своих преподавателей педучилища: Галину Николаевну Шаламову, Александра Николаевича Ребрину, Евдокию Андреевну Немысову. Следует отметить, что во время учебы Валентина Николаевна увлеклась легкой атлетикой: бегом на средние дистанции (от 800 до 3 000 м) и прыжками в длину. В связи с этим увлечением занимала призовые места на городских соревнованиях по бегу и прыжкам в длину.

После окончания педучилища, в 1977 году, поступила в Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена. Успешно училась на филологическом факультете, защитила дипломную работу по теме «Топонимика бассейна реки Казым». Стоит отметить, что в то время в ЛГПИ имени А. И. Герцена еще не сложилась практика защиты дипломных работ студентами на факультете народов Крайнего Севера. И именно в год выпуска Валентины Николаевны из института студенты-выпускники явились первыми инициаторами написания и защиты дипломных работ, связанных с языками северных народностей России. Как вспоминает Валентина Николаевна, первая в жизни ее научно-исследовательская (дипломная) работа печаталась на портативной печатной машинке, которая принадлежала Матрене Панкратьевне Баландиной – преподавателю родного языка. В то время иметь под рукой такую оргтехнику было пределом мечтаний каждого начинающего исследователя. У Валентины Николаевны остались в памяти самые теплые воспоминания о М. П. Баландиной: именно она явилась первым наставником в деле сохранения родного языка и фольклора.

В 1983 году в Ленинграде в соавторстве с Е. А. Немысовой и С. П. Молдановой выходит в свет первый труд будущего исследова-

дователя – «Словарь хантыйско-русский и русско-хантыйский». Надо отметить, что работа над учебным пособием Валентиной Николаевной велась еще в студенческие годы. Рукопись словаря неоднократно обсуждалась с редактором Ю. Н. Русской в издательстве «Просвещение» в стенах Ленинградского Дома книги. Это учебное пособие для учащихся начальной школы было первой попыткой представить в виде словника наиболее употребительные слова хантыйского языка. Затем в 1988 году этот труд был переработан, дополнен и вновь издан тем же составом авторов.

После окончания института в 1983 году Валентина Николаевна была принята на работу в Институт усовершенствования учителей (Ханты-Мансийск) на должность методиста национальных школ. Работа с преподавателями родного языка школ Ханты-Мансийского округа вдохновила Валентину Николаевну поступить в аспирантуру, получить послевузовское образование. Она отмечает, что преподавание хантыйского языка в школах округа было не на должном уровне, проблема заключалась в недостаточном изучении преподавателями теории хантыйского языка, полном отсутствии методических материалов.

В 1985 году Валентина Николаевна едет в Новосибирский университет, где на кафедре общего языкознания два года проходит стажировку, а в 1988 году поступает в аспирантуру Института истории, филологии и философии СО РАН. Доктор филологических наук, профессор М. И. Черемисина стала научным руководителем начинающего ученого. Самые теплые воспоминания у Валентины Николаевны связаны именно с ней: Майя Ивановна мягко и настойчиво вводила ее в мир академической филологии. Ей удалось найти подход к молодому специалисту со своей системой ценностей, присущей коренному жителю Севера. Валентина Николаевна согласовывает с М. И. Черемисиной тему будущей диссертации «Структурно-семантические типы простого предложения (на материале казымского диалекта хантыйского языка)». В своем индивидуальном плане работы аспиранта Валентина Николаевна объясняет свой выбор тем, что требуется скорейшее изучение вопросов синтаксиса в хантыйском языке из-за слабой изученности этого вопроса и отсутствия методической литературы для учителей родного языка. В се-

мейном архиве В. Н. Соловар сохранилась переписка с М. И. Черемисиной. Необходимо отметить, что письма Майей Ивановной всегда печатались на портативной пишущей машинке. В них – масса практических советов по улучшению диссертационного исследования, в них просматривается методика, которая была не раз апробирована на других диссертантах. Однако очевидно, что и здесь рождаются маленькие открытия и правильные решения. Например, М. И. Черемисина предлагает внести в структуру диссертационного исследования следующее: отказаться от формулирования «положений, выносимых на защиту», вместо этого изложить основные итоги. По мнению Майи Ивановны, «когда итоги разбиваются на несколько коротких “положений, выносимых на защиту”, общая картина как-то обедняется, не создается цельного представления о том, что же сделано». И ее предложением было «изложить целостно результаты исследования». Ее рекомендации были приняты Валентиной Николаевной и в автореферате диссертации «Структурно-семантические типы простого предложения (на материале казымского диалекта хантыйского языка)» действительно это отражено.

В 1991 году Валентина Николаевна переводится на заочное обучение в аспирантуре и возвращается на работу в Ханты-Мансийский институт усовершенствования учителей на должность старшего преподавателя кафедры национальных систем образования. В этом же году это учреждение было преобразовано в институт повышения квалификации педагогических кадров, и она становится доцентом кафедры национальных систем образования этого института.

Открытие научно-исследовательского института социально-экономического и национально-культурного возрождения обско-угорских народов (НИИ ВОУН) и желание заниматься именно исследовательской работой явилось причиной перевода Валентины Николаевны. Она была принята на должность старшего научного сотрудника сектора хантыйского языка, литературы, фольклора.

Занимаясь увлеченно родным языком, Валентина Николаевна пишет статьи, которые входят в сборники докладов Международных финно-угорских конгрессов и конференций. После кон-

гресса в Дебрецене (Венгрия) появляется ее работа «Структурно-семантические типы простого предложения хантыйского языка», которая впоследствии послужила основой будущей диссертации, которую она успешно защищает в январе 1992 года.

Валентина Николаевна имеет и непосредственное отношение к созданию общественной ассоциации «Спасение Югры». Как она вспоминает, что идея в необходимости создания общественного движения коренных малочисленных народов Ханты-Мансийского округа созрела в кругу небольшой группы национальной интеллигенции. Это произошло после проведения Второго Самотлорского практикума в июне 1989 г. в г. Ханты-Мансийске. Тогда В. Н. Соловар уже училась в аспирантуре и готовила кандидатскую диссертацию. Надо сказать, что «Самотлорский практикум – 1» состоялся в г. Нижневартовске. Это была «первая попытка инициативного движения этнического сообщества в экспертно-консультативной форме приложить знания о морали и воспитании к современной практике. Организаторы этого форума стремились апробировать идею гуманитарной экспертизы и консультирования и ее форму – этическую деловую игру». И первое, и второе мероприятия проходили в виде представления и разбора какой-либо проблемной ситуации в обществе и коллективных поисков решения проблемы. Вот тогда стала очевидной необходимость перемен в деле защиты прав коренного населения Ханты-Мансийского округа. Создание ассоциации «Спасение Югры» было поддержано первым секретарем Ханты-Мансийского окружкома КПСС Валерием Михайловичем Чуриловым, и начался процесс подготовки Устава и других документов. Общественную организацию, призванную защищать права коренных малочисленных народов Ханты-Мансийского автономного округа, возглавила Татьяна Степановна Гоголева. В то время для Валентины Николаевны была важна научно-исследовательская деятельность и дальнейшая работа над кандидатской диссертацией, и она постепенно отошла от этой общественной деятельности.

В начале 1990-х годов в Ханты-Мансийске возникла идея о создании в окружном центре филиала Нижневартовского педагогического института – одним из инициаторов этой идеи была Валентина Николаевна. Так в окружном центре в 1992 году по-

явился филологический факультет со специальностью «русский язык и литература, хантыйский, мансийский языки и литература народов Севера», где Валентина Николаевна стала заместителем декана факультета. После реорганизации факультета она продолжает работу в Югорском государственном университете, избиралась заведующей кафедрой хантыйской филологии Института языка, истории и культуры народов Югры. За период работы в Нижневартовском педагогическом институте она получила звание доцента, а в 2008 г. ей было присвоено звание «Заслуженный работник образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры».

Затем состоялся перевод в Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок на должность заведующей лабораторией по созданию УМК, затем на должность заведующей научно-исследовательского отдела хантыйской филологии и фольклористики. В 2011 году Валентина Николаевна Соловар завершила диссертацию по теме «Парадигма простого предложения в хантыйском языке» и успешно защитила ее, получив ученую степень доктора филологических наук. В настоящее время она трудится на должности главного научного сотрудника этого отдела.

Особо следует подчеркнуть значительный вклад Валентины Николаевны в образование хантыйской молодежи. Под ее руководством было успешно защищено множество дипломных работ, выполненных на самом высоком теоретическом уровне и вместе с тем обладающих практической значимостью. Темы дипломных работ охватывают лексику, морфологию, словообразование, синтаксис, лингвокультурологию и диалектологию. Вот темы некоторых дипломных работ: «Средства сравнения хантыйского языка», выполненная В. Е. Панышиной; «Язык хантыйской песни», выполненная О. Г. Дыбиной; «Лексика, связанная с обрядом деторождения», выполненная Н. Е. Тарлиной; «Концепт “Природа” в хантыйском языке», выполненная О. И. Рандымовой. На основе дипломных работ вышли совместные с вчерашними студентами монографии, такие как «Промысловая лексика хантыйского языка».

Помимо студентов Валентина Николаевна обучала теории хантыйского языка и зрелое население: большое количество

учителей, преподающих родной язык в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре и Ямало-Ненецком автономном округе, повысили свою квалификацию на занятиях и курсах, которые проводила В. Н. Соловар. Многие из ее учеников продолжают профессионально заниматься изучением хантыйского языка: несколько человек уже защитили кандидатские диссертации, другие готовятся к их защите. Они работают в разных учреждениях науки, культуры и образования – в Обско-угорском институте прикладных исследований и разработок, в Ханты-Мансийском технологического-педагогического колледже, музеях, школах округа. Можно сказать, что ныне существует школа молодых исследователей хантыйского языка под руководством В. Н. Соловар.

Валентина Николаевна прикладывает большие усилия к разработке учебно-методических комплексов для средней школы на разных диалектах хантыйского языка. В учебниках учтена текущая социолингвистическая ситуация, которая характеризуется снижением количества учащихся, свободно владеющих хантыйским языком как родным. Поэтому в новом поколении учебников реализуется уникальная методика, позволяющая учитывать потребности разных категорий учащейся молодежи.

Одним из важных направлений Валентины Николаевны является разработка орфографических норм хантыйского языка. Она шаг за шагом вырабатывает правила написания тех или иных слов, опираясь на основы теоретической грамматики и экспериментальной фонетики хантыйского языка. Тщательная проработка этого направления позволит развиваться наддиалектным формам хантыйского языка, постепенно будет формироваться литературный язык, учитывающий особенности всех диалектов хантыйского народа.

Представленные в сборнике статьи отражают широту научных интересов по проблемам развития обско-угорской филологии, лингвистики, фольклористики. Книга предназначена для филологов, фольклористов, преподавателей, студентов, а также рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся вопросами обско-угорской филологии и фольклористики.

В сборник вошли статьи 10 авторов, среди которых – соратники и коллеги Валентины Николаевны, ее ученики – как начинающие свой путь в науке, так и достигшие значительных результатов в деле изучения хантыйского языка и фольклора.

Коллектив Обско-угорского института прикладных исследований и разработок сердечно поздравляет Валентину Николаевну Соловар с юбилеем и желает творческих успехов, неугасаемой любви к родному языку и речи, интересных открытий и находок, великого вклада в изучение истории духовных ценностей народа ханты!

О. Д. Ерныхова

А. А. Бурькин, д. филол. н., д. ист. н.

**ХАНТЫ В СОЧИНЕНИИ Н. Г. СПАФАРИЯ
«ПУТЕШЕСТВИЕ ЧЕРЕЗ СИБИРЬ ОТ ТОБОЛЬСКА
ДО НЕРЧИНСКА И ГРАНИЦ КИТАЯ
РУССКОГО ПОСЛАНИКА Н. СПАФАРИЯ В 1675 г.»**

Аннотация. Статья представляет собрание выдержек из сочинения Н. Г. Спафария «Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Н. Спафария в 1675 г.», являющегося ценным источником по географии, истории и этнографии Сибири последней четверти XVII века. Автором рассмотрены два издания сочинения Н. Г. Спафария 1872 и 1960 г., приведены цитаты из этого сочинения, относящиеся к расселению, этническим контактам, материальной и духовной культуре, религиозным воззрениям ханты, к цитируемым фрагментам даются подробные комментарии. Материалы статьи представляют интерес для изучения этнографии сибирских татар и калмыков XVII века.

Ключевые слова: этнография, историческая география, историография, источники, Западная Сибирь, ханты, этнические контакты, топонимика.

Ранние источники по этнографии народов Сибири, относящиеся к концу XVI – XVII в., представляют большую ценность для исследования культуры и языков этих народов. Это связано с действием нескольких факторов. Во-первых, наиболее старые сведения о народах, живущих к востоку от Уральских гор, были получены в ходе походов казаков-землепроходцев на восток и концентрировались в отписках атаманов, наказных памятях атаманам, челобитных служилых казаков независимо от чина и других документах от перечня снаряжения для очередного похода до актов выдачи винной порции казакам – документах, сохраняющих имена рядовых участников отрядов. Здесь этнографические открытия выступали как последствия и как следствие географических открытий. Такие описания отражают границы расселения отдельных народов на момент прихода русских в регионы Сибири и Дальнего Востока, по разным причинам существенно изменявшиеся с течением времени за последние четыре столетия. Эти источники фиксируют традиционную культуру

туру и быт коренных жителей Сибири в том состоянии, когда эти народы еще не испытали на себе влияния русской материальной культуры в сферах хозяйства, не были подвержены воздействию новых экономических отношений, связанных с приведением в русское подданство и обязанностью выплачивать ясак пушниной, еще не испытали на себе присутствия христианского религиозного мировоззрения и православного вероучения, их социальная организация еще не перестроилась под воздействием русской администрации и по ее требованиям. Существенно и то, что документы конца XVI века и всего XVII века содержат важнейшие сведения о взаимоотношении коренных народов Западной и Восточной Сибири и народов, приходящих в северные регионы в позднейшее время, – разных групп сибирских татар, калмыков, в Восточной Сибири – якутов и разных волн тунгусов – эвенков и эвенов.

Как это ни странно, но западносибирские документы конца XVI – XVII в., опубликованные в монументальном 12-томном собрании «Дополнения к актам историческим» (1846–1858), содержат очень мало сведений как о хантах (остяках), так и о манси (вогулах)¹. В основном сообщения этих документов касаются военных действий коренных жителей против казаков. Тем не менее нам удалось собрать разрозненные сведения о языковой ситуации и о практике общения русских казаков и представителей администрации с коренными жителями – татарами, калмыками, ханты, манси, ненцами, в которой использовался татарский язык как язык межнационального общения, а также и языки других местных жителей Югры².

¹ См.: Дополнения к актам историческим. Указатель к первым десяти томам. – СПб.: Изд. Археографической комиссии, 1875. – С. 222, 225. Этнический указатель с заголовком «Народы» (С. 221–227), помещен в этом томе внутри Географического указателя (с. 173 и сл.) под буквой Н. Об этнонимах остяки и вогулы в современном узусе см.: Сироткина Т. А. Этнонимы «югра», «остяк», «вогул» в языке жителей Прикамья / Т. А. Сироткина // Вестник Уральского гуманитарного института. – 2001. – № 2 (Вып. 4). – С. 63–66.

² Бурыкин А. А. Языковая ситуация в Западной Сибири в XVI–XVII веках и практика общения русских служилых людей с коренными жителями: этнические, социальные, гендерные аспекты двуязычия в исторической динамике // Словцовские чтения – 2006. Материалы XVIII Всероссийской научно-практической краеведческой конференции. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2006. – С. 158–161. То же в кн.: Бурыкин А. А., Соловар В. Н. Исследования по этнографии и фольклору народов Северо-Западной Сибири / А. А. Бурыкин, В. Н. Соловар. – 2-е изд., доп. – Тюмень: Формат, 2017.

Сочинение Н. Г. Спафария (Николай Гаврилович Милеску-Спафарий (1636–1708)³, рассказывающее о его путешествии по Сибири в составе посольства, направленного в Китай царем Алексеем Михайловичем (1629–1676, правил с 1645) и вернувшегося в Россию уже при новом царе Федоре Алексеевиче (1661–1682), является ценным источником по истории, исторической географии и этнографии народов Сибири. Оно неоднократно использовалось – вместе с надежно атрибутированным Спафарием «Сказанием о Великой реке Амуре, которая разграничила русское население с китайцы» (в описании путешествия Спафария есть описания, названия лиц и топонимы, совпадающие со «Сказанием», отсылка на «Сказание» как на часть описания «Путешествия»⁴). «Сказание о великой реке Амуре...» давно вошло в научный оборот как источник по истории и географии Сибири и российско-китайского пограничья. Известно, что некоторые ученые включают «Сказание...» в «Описание Китая» как главу 59 этого сочинения⁵, но, как будет понятно из сказанного далее, это ошибочно. Сам Спафарий пишет: *«а тот камень, который идет возле Байкала и верхней Ангары, начинается от Севернаго Океанского моря, от устья Енисея реки, где она впадает в море с правой стороны, и идет по Енисею реке и по Тунгуске, и по Ангаре, и потом по Байкалу, и по верхней Ангаре и оттуда прямо простирается и идет до Океанского моря и в море также проходит будто стеною, и никто его конца не знает, а проведать нельзя: льды и погода не пустят; многоряды ходили с Лены проведывать, но суда разбило, и сказывают, что тот камень идет до самой Западной Индии, до Нового Света, но о том камне и об иных опишем во описании великой реки Амура»*⁶. И далее: *«А про реку Ингоду и про Онон, и про Шилку будет описание там, где опишется ниже сего великая река Амур»*⁷. В описании путешествия Спафария имеются по-

³ О нем см.: Белоброва О. А. Николай Гаврилович Милеску-Спафарий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII век. Ч. 2. – СПб., 1993. – С. 392–400.

⁴ Бурькин А. А. Имена собственные как исторический источник: По материалам русских документов об открытии и освоении Сибири и Дальнего Востока России XVII–XIX веков. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2013. – С. 322–323.

⁵ Спафарий Н. Сибирь и Китай. – Кишинев, 1960. – С. 13.

⁶ Спафарий Н. Сибирь и Китай. – Кишинев, 1960. – С. 103–104.

⁷ Спафарий Н. Сибирь и Китай. – Кишинев, 1960. – С. 121.

дробные описания Иртыша, Оби и Лены⁸. Описание Амура в нем отсутствует, и это обстоятельство может свидетельствовать о том, что «Сказание о великой реке Амуре...» и является отсутствующей на своем месте частью дневника Спафария. Показательно, что географы, предшественники Спафария, и в его дневнике, и в «Сказании...» именуются как «земнописатели», и это первая фиксация данного слова для русского языка XVII века⁹.

Продолжением этой книги Н. Спафария долгое время считалось его сочинение, которое принято называть «Описание Китая»¹⁰, известное в России во множестве рукописных копий, которое было опубликовано впервые только в 1910 г. и приписывалось ему без сомнений. Обе эти работы Спафарий написал в Сибири во время обратного путешествия: «Описание» датировано 17 ноября 1677 г. В России оно вызвало большой интерес, и в конце XVII и в XVIII вв. с него сделали много рукописных копий. К сожалению, археография сочинений Спафария до настоящего времени не разработана.

«Описание Китая» считалось оригинальной работой Н. Спафария до 1919 г., когда английский путешественник и историк Дж. Ф. Бэддели установил, что большая ее часть является переводом с латинского языка сочинения иезуита Мартино Мартини (1614–1661) «Новый атлас Китая» («Novus Atlas Sinensis», Amsterdam, J. Blaeu, 1655), в котором только две главы, описывающие путь посольства Спафария по Китаю, небольшие вставки написаны самим Спафарием¹¹. Это не снижает ценности данного сочинения Спафария как лингвистического

⁸ Там же. С. 32–42, 62–67, 113–116. О Енисее Спафарий пишет: «А описание реки Енисей не напишем подлинно для того, что по Енисею реке из Енисейска только 2 дня плавали. А после того плаваем по Тунгуске и до самого Байкала. А не пишем про Енисей и оттого, что вершина той реки не известна, откуда начинается, только сказывают, что вершина ее недалеко от обских» (Спафарий Н. Сибирь и Китай. – Кишинев, 1960. – С. 70).

⁹ Спафарий Н. Сибирь и Китай. – Кишинев, 1960. – С. 32, 40, 41, 61–64, 99, 100, 111, 115, 150, 161, 166, 167, 169, 266, 285 (в издании 1960 г. земнописатели, в издании 1882 г. – земнописатели); Словарь русского языка XI–XVII веков. Вып. 5. – М.: Наука, 1978. – С. 379.

¹⁰ Спафарий Н. Описание первой части вселенной, именуемой Азией, в ней же состоит китайское государство. – Казань, 1910.

¹¹ См.: Вернадский Г. В. История России. Т. II. Московское царство. – Тверь, Москва: Аграф, 2001. – С. 373, прим. 184, 185.

источника¹². Тем не менее в литературе продолжает тиражироваться ошибочное и тенденциозное мнение, согласно которому «материалами Спафария воспользовались иезуиты, проявлявшие тогда интерес к Китаю, где они прочно обосновались»¹³. Иезуитская миссия в Китае существовала с 1551 г. В 1775 г., ко времени прибытия Спафария в Пекин, она была по существу разгромлена самим же руководством ордена иезуитов, с другой стороны христианизация Китая не поощрялась и императором¹⁴. Фердинанд Вербист (Вербиест: 1623–1688) был переводчиком Спафария¹⁵, и именно он был источником информации о Китае для русского дипломата.

Сочинение Н. Спафария, являющееся главным предметом нашего внимания в настоящей работе, доступно в двух изданиях – в издании, подготовленном историком и специалистом по вспомогательным историческим дисциплинам Ю. В. Арсеньевым (1857–1919), вышедшем в 1882 г., и в публикации двух трудов ученого, изданной в Кишиневе в 1960 г. Издание Ю. В. Арсеньева имеет немногочисленные подстраничные примечания и снабжено комментариями преимущественно географического характера¹⁶ и указателями. Издание 1960 г. в приложении содержит «Словарь трудных слов»¹⁷.

Историко-этнографические сведения о хантах, содержащиеся в труде Н. Спафария, привлекали внимание специалистов по этнографии обско-угорских народов. Е. П. Мартынова пишет: «История изучения хантов и родственных им манси насчитывает не одно столетие. Начало знакомству с ними было положено еще в XVII в. поездкой по Сибири Н. Спафария [1882]. Его путевые заметки содержат одни из самых ранних достоверных

¹² Момина М. А. Этнические термины и названия должностных лиц и сословий в русском языке XVIII века (На материале "Описание Китая" Н. Г. Спафария): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Ленинград, 1965. – 18 с.

¹³ Главным источником его, похоже, является книга: Магидович И. П., Магидович В. И. Очерки по истории географических открытий. 3-е изд. Т. III. Москва, 1982. С. 146.

¹⁴ Дубровская Д. В. Миссия иезуитов в Китае. Маттео Риччи и другие. 1552–1775 годы. Москва, Крафт + ИВ АН, 2001. С. 155–159, 189–193.

¹⁵ Там же. С. 155–159.

¹⁶ Спафарий Н. Г. Путешествие чрез Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Н. Спафария в 1675 г. Санкт-Петербург, 1882. С. 179–199.

¹⁷ Спафарий Н. Г. Сибирь и Китай. Кишинев, 1960. С. 506–515.

свидетельств о расселении остяков, отдельных сторонах быта»¹⁸. Сочинение Спафария стало особо ценным источником по этнографии южных ханты, позднее подвергнувшихся ассимиляции¹⁹.

Заглавие сочинения, данное, очевидно, самим автором «Книга, а в ней писано путешествие царства сибирского от города Тобольска и до самого рубежа государства Китайского». Само сочинение, как указано в нем, начато 2 мая 7183 (1675) года в Тобольске [Спафарий, 1882: 30; 1960: 21]²⁰.

Нами избрана для дальнейшего изложения содержания труда Спафария следующая форма изложения. Из сочинения Спафария выбраны все фрагменты, в которых описываются места расселения ханты, характерные черты культуры и быта ханты или соседствующих с ними народов, неясные пассажи, а также примечательные особенности текста Спафария, проливающие или способные пролить свет на источники, которыми пользовался путешественник и дипломат. Описание путешествия Спафария содержит громадное количество топонимов разных регионов Сибири, среди которых имеется большое количество топонимов Югры, но их идентификация или этимологизация – это предмет отдельных объемных исследований.

Перейдем к исследованию интересующих нас фрагментов сочинения Н. Спафария:

«Деревня Балаева, русская, от деревни Вербуши по две версты. И против той деревни из Иртышу вылилась пролива. А от той проливы впала в Иртыш речка Иренжанка. То на правой стороне Иртыша. На той же стороне Иртыша впала речка Сорока, от речки Иренжанки в полуверсте. На той же стороне две проливы небольшие.

На правой стороне ям – юрт Иремзянский, от деревни Балаевы пол 6 версты и против того юрту на левой стороне протока, и в том юрте тоболские гребцы переменяются, а гребут Аремзянские татары. А от Ремзянского до другого Яму до юр-

¹⁸ Мартынова Е. П. Очерки истории и культуры хантов. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1998. – С. 6.

¹⁹ Мартынова Е. П. Южные ханты в XVII–XIX вв.: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – М., 1986. – 20 с.

²⁰ Здесь и далее ссылки на оба издания сочинений Н. Спафария даются в тексте в скобках: указанием на издание служит год публикации.

ту Натце 10 верст, а от деревни Аремзянки до Тоболска 45 верст.

На правой же стороне от юрту Аремзянского речка Нерсеюк.

На той же стороне речка Тетлинка от речки Нерсеюне в полуверсте.

Среди реки Иртышу стоит остров Кунтай от Аремзянского юрту 5 верст» [Спафарий, 1882: 31–32; 1960: 23].

Разброс форм, представляющих гидроним *Иренжанка* и производные от него – *юрт Иремзянский*, *Аремзянские татары*, *деревня Аремзянка*, – очевидно, свидетельство того, что Спафарий записывал разные формы названий от разных информантов. Все названия, похоже, являются отантропонимическими: представители патронимии Ремезановы (татарского происхождения) проживают в Югре до сих пор примерно в тех же местах, которые описаны в дневнике Спафария. В других документах упоминается *Аремзинская волость*: «А к Сургуту зимним путем как посылают из Тоболска для государевых дел служилых людей, и под ними гоняют от Тоболска до Аремзинские волости днище тоболские захребетные Татарове, а от Аремзинские волости от усть Иртыша реки гоняют тоболские ясачные Остяки 6 дней, а от усть Иртыша реки ходят нартами на собаках сургуцково уезду ясачные остяки»²¹. Здесь дается описание того же пути, что прошел Спафарий в конце весны водным путем, что указывает на важность Аремзянского яма для перемещений по течению Иртыша... Топографическая терминология, которой пользовался Спафарий (*пролива, протока, источина* и т. п.), требует отдельного изучения. *Ям* – почтовая станция, место остановки путешественников и смены гребцов на лодках и дощаниках. *Пол 6 версты* – пять с половиной верст.

...Да на правой стороне Иртыша, речка Атляра, а другая на другой стороне, против Атляры – Языр-Дурен, под деревнею Лебоуте.

Да на правой стороне Иртыша из озера исток, от речки Атляры верста.

²¹ Роспись Сибирским городам и острогам // Титов А. Сибирь в XVII веке. – М., 1890. – С. 17.

Да на той же правой стороне Иртыша из озера источина.

От сего места юрты татарские болиши того нет, а начинается народ остяцкий.

Да на той же стороне Иртыша – Кошелево городище, да Кошелево городище – высокое место, горы высокие и красиво место. А на горах растет всякий лес, а под ним озеро. Да на той же стороне Иртыша под Кошелевым городищем – деревня остяцкая [Спафарий, 1882: 34; 1960: 25–26].

Здесь Спафарий доступными ему средствами указывает границу между местами, заселенными татарами и остяками (ханты). Эти указания существенны для определения исторических границ расселения ханты в последней четверти XVII века.

Да на левой стороне Иртыша – юрт остяцкий Коренев, от речки Бобровки – полверсты. А пошли остяки от деревни Лебютено. А вера-де у них, сказывают, – есть-де мечети, а в мечетях вырезаны болваны серебряные, медные, деревянные и всякие. И молятся стоя, мызжут да пляшут; а как медведя в лесу убьют, волокут на двор и в избу с луками и стрелами, и стрелы потычут, и поют, и пляшут. А сказывают они, что де мы молимся шайтану, и ходит он по деревням [Спафарий, 1882: 35; 1960: 27].

Интереснейший пассаж, имеющий непреходящую ценность для изучения истории религий в Югре. В нем речь идет о храмовом сооружении, которое названо «мечеть», но мусульманской мечетью оно быть не может, в соответствии с исламским запретом на изображение человека в мусульманских храмах «болванов» быть не может. Храмовые сооружения под крышей, в которых осуществлялись бы коллективные моления, хантам неизвестны²². Скорее всего, здесь Спафарий объединяет услышанный им рассказ о калмыцком буддийском храме (хуруле), на что указывают медные и серебряные «болваны» – изображения буддийских божеств, и приведенные далее сведения о медвежьем ритуале²³. *И молятся стоя, мызжут да пляшут* – к каким

²² Рудь А. А. Культовые объекты восточных хантов в начале XXI в // Уральский исторический вестник. – 2016. – № 4 (53). – С. 136–141.

²³ Молданов Т. А. Картина мира в медвежьих игрищах: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Томск, 2002. – 22 с.

именно и чьим именно молениям относится эта фраза, непонятно, но *мызжут* здесь — определенно слово, заимствованное из татарского языка и являющееся дублетом к следующему далее русскому *пляшут*: ср. тат. *бию* ‘пляска’, *бие-* ‘плясать’, в татарских диалектах имеется форма *бйжй-* ‘плясать’, заимствованная из монгольского языка; ср. др.-тюрк. *büdi-*, *büdi-* ‘танцевать, плясать’²⁴. ...что де мы молимся шайтану, и ходит он по деревням. Вероятно, так в сознании ханты отразились впечатления от крестного хода, совершаемого православными священниками.

Да на правой стороне Иртыша речка Казенная, от реки Холодиловы верста, а под тою речкою Самаровский ям с четверть версты. А на Самаровской ям приехали мая в 8-й день. А с Самаровского яму поехали мая 10-го числа за 3 часа до вечера. Самаровского яму — 2 острова. А Самаровский ям потому словет, что был остяцкий князь в том месте, именем Самары, также и городок выкопан на высоких горах и шанцы по се время видятся. А Самаровские горы зело высоки и круглы, будут кругом верст с 20, а дале не идут. И горы неплодны, и на них болота и озера есть, и камень мелкий, и лес непотребный.

А ям Самаровский стоит на правой стороне Иртыша, а на яме есть 50 паев против Демьянского яма, и приказчик на нем есть, сын боярский, послан из Тобольска; и церковь Святого Николая есть. А от Самаровского яму на левой стороне, против яму, течет протока Казенная, а выйдет против Белогорских юрт, едучи к Березову. И от Самаровского яму до Березова доходят дощаником вниз по реке перво по Иртышу, а потом Обью в 6 дней. А река Иртыш от Самаровского яму еще верст с 15 течет до Белогорской горы, и там падет Иртыш в Обь реку, и болиши того не имянуется Иртыш, толко Обь река [Спафарий, 1882: 40; 1960: 31].

Версия происхождения ойконима Самарово от имени «князца» Самары (им. пад. Самар) удерживается в топонимической литературе до сих пор. Сам Спафарий не был в Березове, тем не менее указал путь, ведущий к Березову от Самарова.

²⁴ Древнетюркский словарь. 2-е изд. — Астана, 2016. — С. 141; Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Том 2. — М.: Наука, 1980. — С. 132.

...возвратимся к описанию славной реки Иртыша.

Вершины реки Иртыша текут из Монгольских гор, которые по-русски именуются Камень, и от того места разделяются вершины Иртыша на две протоки: и одну протоку называют монгольцы и калмыки Уренгой, а другую – Балаган. И от того места недалеко есть рубеж Китайского государства, и при вершине реки Иртыша кочует монгольской тайша Зурухта-кун. И от того места до самого китайского рубежа все Камень, и место тесное, и кочуют один род монгольский, а над ними владец – многие мелкие тайши.

А из Тобольска до самой вершины реки Иртыша можно легкими судами ходить. А от вышереченного Зурухта-куна тайши до другого монгольского тайши Ирдени-Сулева ходу 7 дней меж Камени, возле реки Иртыша. И от того тайши до другого тайчина первого монгольского тайши ходу 10 дней возле реки Иртыша.

И у тех монгольцев язык калмыцкий. А лес и трава займищами; а до озера Кизылбаи ходу 9 дней возле реки Иртыша. И сквозь то озеро прошла река Иртыш и не мешается с озером и опять за озеро течет своим течением. А в том озере вода пресная, зеленая и рыбы много, и зверей. И в нем есть зверь некоторый незнаемый, который ловит лебедей и гусей и иных птиц, будто крокодил; и может быть и крокодилом, только никто не ведает; а калмыцким языком именуют то озеро Кизылбаи... [Спафарий, 1882: 41–42; 1960: 33] и от того места разделяются вершины Иртыша на две протоки: и одну протоку называют монгольцы и калмыки Уренгой, а другую – Балаган. По современным географическим представлениям, Иртыш не образуется за счет слияния каких-либо двух рек. Однако слова сквозь то озеро прошла река Иртыш – это указание на озеро Зайсан, в которое впадает Черный Иртыш, из которого вытекает собственно Иртыш. ...разделяются вершины Иртыша на две протоки: и одну протоку называют монгольцы и калмыки Уренгой, а другую – Балаган. Судя по всему, ни то, ни другое название не являются гидронимами и указывают на находящиеся поблизости объекты: топоним Уренгой везде, где он встречается, – самодийского происхождения: ср. ненец. *варё'-нг-хой* ‘гора с проталинами’ (ненец. *варё*, *мн. ч. варё*” ‘проталина’, *хой* ‘гора,

хребет, холм’), *Балаган* – лексема монгольского происхождения со значением ‘жилище’ (ср. п.-монг. *balgasun* ‘город’ (формант *-sun* указывает на исходное значение ‘множество жилищ’) *до озера Кизылбаш ходу 9 дней возле реки Иртыша. И сквозь то озеро прошла река Иртыш* – точное указание на озеро Зайсан, однако название Кизылбаш – тюркское (*qizil* ‘красный’ + *baš* ‘голова’): возможно, так называли приверженцев красношапочного буддизма, поселившихся в верховьях Иртыша. *В нем есть зверь некоторый неизвестный, который ловит лебедей и гусей и иных птиц, будто крокодил* – одна из ранних записей о таинственном чудовище, живущем в каком-то из озер в Сибири,²⁵ наиболее известны такие истории, относящиеся к озеру Лабынкыр в Оймяконском улусе Якутии²⁶.

А от речки Енкуля до Долен-карагаю ходу день: Долен-карагай – калмыцким языком, а по-русски – стоят 7 сосен.

А от Долен-карагаю до Кабал-Гасуна ходу 2 дня: Кабал-Гасун – калмыцким языком, а по-русски – палата каменная: кирпич жженный, пустая. Дело старинное.

А от Кабал-Гасуна до Белых вод ходу 3 дня, все те места ходить подле реки Иртыша [Спафарий, 1882: 43; 1960: 35].

Долен Карагай – калм. *долан* ‘семь’, *харһа, шар харһа* ‘сосна’. Объект не имеет локализации, но по аналогии с топонимом Лабытнанги (хант. *лапэт науки* ‘с семьей лиственницами’, так может называться культовое место в тундре или лесотундре или особо приметное место. *Кабал-гасун* – п.-монг. *balyasun* ‘город’. Форма Кабал-гасун у Спафария встречается всего трижды (все контексты приведены выше), значение компонента *ка-* неясно.

Река Иртыш имя русское не имеет, для того что Иртыш именуется по татарски, а не по руски... Также река Иртыш приняла имя свое от Татар, потому что Кучюм, царь Татарской, владел по Иртышу пространно и не только над Татарами, но

²⁵ Шарина С. И., Бурыкин А. А. Фольклор и действительность сегодняшнего дня: традиционные фольклорные рассказы народов Сибири и современная мифологема реликтового динозавра // Серия «Мыслители». Смыслы мифа: мифология в истории и культуре. Вып. 8 / Сборник в честь 90-летия профессора М. И. Шахновича. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – С. 122–125.

²⁶ Степенцев Вяч. Чудеса и чудовища озера Лабынкыр // Вокруг света. – 2013. – № 4. – С. 114–117.

и над Остяками и над другими иноземцы, не токмо по Иртыше, но и по Обе реке и по иным сибирским реком. И ныне, хотя и в подданстве татары живут, однако же великое множество народа и веры их живет по Иртышу и по иным рекам; и простирается не токмо в Сибирском государстве нечестивая вера магометская, но и до Бухарской земли, и за Бухарскую до самой Индии та же нечестивая вера владеет. А по вершине Иртыша, как выше сего написали, по оба берега ее живут разные монгольские народы, а ниже по ней потом живут разные калмыцкие народы, из которых иные жилищем живут, а иные только кочуют на время при Иртыше. А после калмыков при Иртыше ниже живет народ татарский, смешан с русским до Тобольска города и за Тобольском близ Демьянского яма; и от того места начинаются жители реки Иртыша – народ древний, остяцкий (примечание: Остяки сами себя называют по-остяцки Кандаяхи). И они живут смешаны с русскими до самого Белогорья, где кончается река Иртыш и впадает устьем в Обь реку.

А остяки именуют Иртыш Сагашудж, се есть – черная вода, к разделению Оби реки, для того что в Оби реке вода белая и мутная. И там на устье Иртыша имеют большое капище идолов своих; но про народ остяцкий и про веру их пространно напишем в описании Оби реки, потому что они живут больше по Оби реке и по Кете, нежели по иным рекам. А мы опять возвратимся к Иртышу.

А жители реки Иртыша суть народы, сколько выше того именовали. А лес по Иртышу есть разный, и по займищам, что близ вершины ее, суть горы каменные, и лесные, и безлесные. А после того степь великая и песчаная. А потом следует лес тот, который идет и по Оби реке, и по всему Сибирскому государству до самого до Окианского моря, который преславный есть и превеликий и именуется от земнописателей по-еллински «Эркиниос или», а по-латински «Эрциниос силва», се есть Эркинский лес; и тот лес идет возле берега Окиана и до Немецкой, и Французской земли, и далее, и чуть не по всей земле, оттого и первый лес на свете и преименитый у всех земнописателей есть, однако же нигде нет такого пространного и великого, как в Сибирском государстве. Оттого и жилище разных зверей и особные есть, которые индеже на свете не ро-

дятся, наипаче соболи, которые по-сибирски именуются оди́нцы, но про соболей напишем во... (пропуск в рукописи. – А.Б.) листе пространно.

А ветры по Иртышу и по Обе реке наипаче суть северны, ибо государство Сибирское по самый северный вертеж. А рыбы в Иртыше многочисленны и разные, наипаче осетры, стерляди и иные многие и разные великие [Спафарий, 1882: 47–48; 1960: 39–40].

География расселения разных народов, принадлежащих к различным конфессиям, которая представлена у Спафария, представляет интерес, хотя в дневнике путешественника описан в основном бассейн Иртыша. Показательно, что Спафарий четко разграничивает монголов и калмыков – последние живут ниже монголов по течению реки – и отмечает наличие русско-татарской контактной зоны, простирающейся до Демьянского яма ниже Тобольска, а также образование русско-хантыйской контактной зоны ниже устья Иртыша. *А по вершине Иртыша, как выше сего написали, по оба берега ее живут разные монгольские народы, а ниже по ней потом живут разные калмыцкие народы, из которых иные жилищем живут, а иные только кочуют...* Любопытно, что, говоря о монгольских народах и калмыках, Спафарий ничего не говорит о буддизме, хотя описанное им «капище» по описанию более всего напоминает буддийский храм (хурул). Примечание: *Остяки сами себя называют по-остяцки Кандаяхи*. Кантэк – самоназвание восточных ханты. *А остяки именуют Иртыш Сагашудж, се есть – черная вода, к разделению Оби реки, для того что в Оби реке вода белая и мутная*. Название, приведенное Спафарием, не идентифицируется как хантыйское. Возможно, исходя из приведенного перевода, что это тюркское *кара су* «черная вода», неточно транслитерированное русской графикой, возможно, с румынского варианта латинской графики – однако неясно, где и как такая графика могла использоваться в конце XVII века. *И там на устье Иртыша имеют большое капище идолов своих – однако это капище едва ли принадлежало хантам (см. выше). ...Жилище разных зверей и особные есть, которые индеже на свете не родятся, наипаче соболи, которые по-сибирски именуются оди́н-*

цы. Данное сообщение проливает свет на происхождение названия Иртыш: ср. кетск. *эрь* ‘соболь’ + кетск. *сесь* ‘река’²⁷. Похоже, что река Иртыш и в самом деле получила свое название по своим соболиным богатствам.

А приехали в Сургут мая 23-го числа; а Сургут стоит на яру, на Оби, на левой стороне. А сказывали, что тут прежде сего бывала Пегая орда остяцкая [Спафарий, 1882: 55; 1960: 47–48].

Принято считать, что *пегая орда* – это селькупы, которых Спафарий не смог отличить от ханты. Мы склонны думать, что так именовалась обособленная группа ханты, потомками которой является хантыйская патронимия Алачевы, а сам патроним имеет тюркское происхождение (ср. др.-тюрк *ala* ‘пегий’)²⁸.

И тут близ моря и устья Оби живут самоедцы. А далее живут остяки, по Оби реке множество их, и до Нарыма и дале. А дале их по Оби реке живут татарове; а за Томским городом дале живут калмыки и до самой вершины реки Оби. А около Березова есть капища идольские остяцкие, и про тех пишут землеописатели, что тут есть идол Золотые Бабы, однако же золотых не сказывают, а что серебряных, деревянных крашенных множество, и медных льют же. И первое, что ловят изо всех зверей, им приносят [Спафарий, 1882: 68–69; 1960: 63].

В этом фрагменте описание Оби излагается в противоположном направлении – от устья к вершине. Дублирование описания рек – от истоков по маршруту и от устья обратно к истокам – какая-то странная особенность дневника Спафария: похоже, что он, записав маршрут своего путешествия, вписывал в дневник те материалы, которыми мог руководствоваться в выборе и составлении своего маршрута. Здесь имеется еще одно указание на границу расселения хантов и татар – район Нарыма (Парабельский район Томской области). ...*А за Томским городом дале живут калмыки и до самой вершины реки Оби*. Калмыки, носящие личные имена тибетского происхождения и исповедующие буддизм, неоднократно упоминаются в западносибирских доку-

²⁷ Бурыкин А. А. Имена собственные... С. 128.

²⁸ Древнетюркский словарь. 2-е изд. / Под редакцией Д. М. Насилова, И. В. Кормушина, А. В. Дыбо, У. К. Исабековой. – Астана, 2016. – С. 35.

ментах с 1656 г.²⁹ *А около Березова есть капища идольские остяцкие, и про тех пишут землеописатели, что тут есть идол Золотые Бабы, однако же золотых не сказывают, а что серебряных, деревянных крашенных множество, и медных льют же. И первое, что ловят из всех зверей, им приносят.* О «капищах идольских» Спафарий пишет с гораздо большей степенью уверенности (они упоминаются не менее трех раз), не указывая источников, но, говоря о Золотой Бабе, замечает «*пишут землеописатели*», давая общую отсылку на европейских авторов XVI века. Рассказы о Золотой Бабе, как зафиксированные в источниках, так и записанные от коренных жителей Югры, – замечательная коллекция абсурда, о котором многие предпочитают умалчивать или что-то не договаривать. Изобразительная практика ханты не показывает чего-либо, способствовавшего созданию образов, соответствующих Золотой Бабе средневековых рассказов. А. В. Лебедева пишет: «Самые ранние сообщения о мифологии угров имеются в русских хрониках XIV в. Там упоминается мифологический образ “Золотая Баба”, который особенно привлекал внимание зарубежных авторов XVI – начала XX в. – Матиаса, Герберштейна, Петрелиуса и других»³⁰. Не находим мы Золотой Бабы и в диссертации Е. М. Главацкой³¹. Л. В. Кашлатова также вообще не упоминает о Золотой Бабе ни в диссертации³², ни в специальной публикации о женских боже-

²⁹ Дополнения к актам историческим. Указатель к первым десяти томам. – СПб.: Изд. Археографической комиссии, 1875. – С. 223–224. См. также: Пузанов В. Д. 1) Русско-ойратские отношения на юге Сибири в первой трети XVII в. // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. – 2010. – № 2 (76). – С. 64–76; 2) Русские и Ойраты на Юге Сибири в XVII в. // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2011. – 136 с.; 3) Русская Сибирь и ойраты в XVII в. // Народы Евразии в составе двух империй: Российской и Монгольской. (Сибирский сборник – 3). – СПб.: МАЭ РАН, 2011. – С. 187–196.

³⁰ Лебедева А. В. Изобразительное искусство обских угров: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. – Барнаул, 2011. – С. 4.

³¹ Главацкая Е. М. Религиозные традиции хантов и их изменения в XVII–XX вв.: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. – Екатеринбург, 2006. – 47 с.

³² Кашлатова Л. В. Женские божества и духи в фольклоре и обрядовой практике среднеобских хантов: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата культурологии. – Саранск, 2014. – 18 с.

ствах ханты³³. Судя по накопившимся материалам, в недавнее время мифическая Золотая Баба ассоциируется с Казымской богиней, воплощающей образ женского божества Калтась-Ими или Каттась³⁴. Кажется, Золотая Баба остается предметом научно-популярных статей³⁵.

Нам хорошо известно, что мужчины у обских угров не могли служить женскому божеству, тем более – божеству в виде обнаженной женщины. Места, где якобы скрывали Золотую Бабу, не могли быть затоплены при строительстве ГЭС на Оби, поскольку ближайшая к землям Югры ГЭС находится в Новосибирске, далеко в верховьях от мест проживания ханты. Некоторые источники представляют Золотую Бабу в виде скалы. В начале 2010-х годов мы высказывали предположение, что Золотая Баба – это калькированное с татарского название святилища типа Ал Тым Апа «святилище, находящееся в низовьях какой-то реки (например: Тым – правый приток Оби в Томской области)»³⁶. Новые материалы позволяют сформулировать иное предположение: в тувинских богатырских сказках встречается словосочетание *золотой оваа* «золотое обо»³⁷ – святилище, чаще всего груда камней, сложенная на земле, или дерево с ленточками и флажками, часто имеющими надписи. Такое название святилища под открытым небом встречается в монгольских и тюркских языках: ср. монг. *овоо*, бурят. *обоо*, хакас. *обаа*, тувинск. *оваа* «куча, груда, насыпь». *И первое, что ловят из всех зверей, им приносят*. Такой же обычай, в котором ныне используются приготовленные блюда или вино, подносимые изображениям божеств, существует у калмыков (дееж).

А имя ее, кажется, что иноземное, однако же и латинское тоже есть имя Обь, а татарове именуют Обь-Амар. А леса всякого по обе страны Оби реки множество есть, и идут и до

³³ Кашлатова Л. В. Женский пантеон божеств и духов среднеобских хантов (по данным фольклорных источников) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2017. – № 04 (49). – С. 136–142.

³⁴ Хозяйка огня. Культурная атрибутика березовских хантов: каталог выставки / Ред.-сост. Л. С. Андриенко; авт. текста: Л. С. Андриенко и др. – Екатеринбург: Баско, 2007.

³⁵ Дятлов В. Заклятие Золотой Бабы // Итоги. – 2001. – № 48 (296). 4 декабря.

³⁶ Бурыкин А. А. Имена собственные... С. 157–164.

³⁷ Сказки и предания алтайских тувинцев / Сост. Эрика Таубе. – М., 1994. – С. 87, 92, 106, 255.

самого Океанского моря, и до степи. А гор высоких иных нет, опричь той горы, которая именуется Кряж, которая иногда приближает [Спафарий, 1882: 70; 1960: 63].

Обь-Амар – уникальное наименование, которое может заинтриговать топонимистов компонентом амар, сравнивавшимся с названием реки Амур, и редким тунгусским словом Амар ‘река’ (только в солонском языке и в арманском диалекте эвенского языка). При этимологизировании названия реки Амур мы нашли решение, согласно которому форма Амур соответствует монг. *xabur* ‘нос, мыс’³⁸. Видимо, Обь-Амар – это монгольское или калмыцкое названия места впадения Иртыша в Обь.

Но про реку Кеть довольно, а ныне про остяков напишем.

Народ остяцкий древний, как и иные разные народы царства Сибирского. Жители все те от скифов произведены суть, которые после потопа от Иафета, Ноева сына, поколение свое имели. И для того и обычай их, и простонравие. И идолослужение их, как сначала от исполина Неврода приняли, так и держат.

Сами себя именуют своим языком, которые по Оби живут и по Иртышу, – кандаях, а нарымские и кетские именуют же себя чугулы. А жилище их начинается от Иртыша и до устья реки Иртыша, где впадает в Обь, и потом по Оби на низ до Березова и до Океанского моря и вверх по Оби реке до Томского города, также и по Кети реке до вершины ее. И то место есть немалое. Только у них, хотя и един народ и вера одна, однако же языки у них живут разные, насилу друг друга выражут. Сей народ есть, который от греческих и латинских историков именуется ихфиофаги (хотя об них они только слухом слышали), се есть рыбаедацы, потому что все остяки ловят рыбу всякую множество много. И иные и сырую едят, а иные сушат и варят; однако же соли и хлеба они не знают, опричь рыбы, да корень белый – сусак, который они летом собирают в запас, сушат и зимой едят. А хлебом не могут жить. А которые насытятся хлебом, и те помрут. А жилище их – юрты. И не токмо для ради прокормления своего рыбу ловят, но и платье себе из рыбной кожи делают и сапоги и шапки. А шьют их рыбьими

³⁸ Бурыкин А. А. Имена собственные... С. 361–362.

жилами. А ходят они в лодках в самых легких, деланы деревянные, сидят по 5 и по 6 человек и больше. А всегда при них луки и стрелы есть, всегда готовы к бою. А жен у них множество, сколько хотят, столько и держат. Но про них писали и в иных местах; и ныне напишем опять путешествие наше, се есть Маковский острог и волок Маковский до Енисейска [Спафарий, 1882: 83–84; 1960: 68–69].

Кантаях – самоназвание восточных ханты *кантэк*. Чугулы – как считают специалисты, здесь Спафарием приведено самоназвание одной из групп селькупов *чумылькуп*³⁹. А жилище их начинается от Иртыша и до устья реки Иртыша, где впадает в Обь, и потом по Оби на низ до Березова и до Океанского моря и вверх по Оби реке до Томского города, также и по Кети реке до вершины ее. И то место есть немалое. Здесь Спафарий дает обобщение территории расселения ханты, пользуясь гидронимами и ойконимами в качестве ориентиров. Существенны указания автора на расселение хантов по Оби до Томска и в бассейне Кети. Только у них, хотя и один народ и вера одна, однако же языки у них живут разные, насилу друг друга выразумеют. – Это первое в истории сообщение о многодиалектности хантыйского языка и взаимной непонятности некоторых диалектов. И не токмо для ради прокормления своего рыбу ловят, но и платье себе из рыбной кожи делают и сапоги и шапки. А шьют их рыбьими жилами. Эти сообщения Спафария представляют большой интерес. В томе «Народы Сибири»⁴⁰ такие сведения отсутствуют, однако о такой одежде рассказывает Г. Новицкий⁴¹, сочинение которого по времени стоит ближе всего к дневникам Спафария.

Описание путешествия Н. Г. Спафария в Китай, изложенное им в дневнике, по факту представляет собой ценный источник по истории внешней политики России в отношении ее восточных соседей. По содержанию сочинение Спафария является источником ценных сведений по исторической географии и исто-

³⁹ Тучкова Н. А., Глушков С. В., Кошелева Е. Ю., Головнев А. В. и др. Селькупы. Очерки традиционной культуры и селькупского языка. 2-е изд. – Томск, ТГПУ, 2013. – С. 6–7.

⁴⁰ Народы Сибири. – М., 1956.

⁴¹ Новицкий Г. Краткое описание о народе остяком, сочиненное Григорием Новицким в 1715 году. – СПб., 1884. – С. 31, 38.

рической этнографии Сибири, прежде всего тех регионов, по которым проходили основные пути сообщения. Сведения Спафария о сибирских татарах, хантах, монголах, калмыках, тунгусах и других народах Сибири имеют непреходящую ценность и в наши дни. Безусловно, специального исследования заслуживает свод географических названий, содержащийся в дневнике выдающегося путешественника и ученого. Отдельные сюжеты исследования составляют источники сведений об открытиях землепроходцев XVII века в Восточной Сибири, использованные Н. Спафарием, а также соотношение сочинения Спафария и ряда современных ему документов, описывающих географию Сибири последней четверти XVII века, собранных в одной книге А. А. Титовым⁴², где из множества возникающих вопросов пока решен только один – принадлежность «Сказания о великой реке Амуре» к комплексу сочинений Спафария и его путешествию по Сибири и Китаю.

Список литературы и источников

1. Арсеньев Ю. В. Николай Спафарий и его время // Русский архив. – 1895. – Кн. 2. Вып. 7. – С. 349–360.
2. Бурыкин А. А. Имена собственные как исторический источник: По материалам русских документов об открытии и освоении Сибири и Дальнего Востока России XVII–XIX веков. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2013. – С. 322–323.
3. Бурыкин А. А. Языковая ситуация в Западной Сибири в XVI–XVII веках и практика общения русских служилых людей с коренными жителями: этнические, социальные, гендерные аспекты двуязычия в исторической динамике // Словцовские чтения – 2006. Материалы XVIII Всероссийской научно-практической краеведческой конференции. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2006. – С. 158–161.
4. Бурыкин А. А., Соловар В. Н. Исследования по этнографии и фольклору народов Северо-Западной Сибири / А. А. Бурыкин, В. Н. Соловар. – 2-е изд., доп. – Тюмень: Форум, 2017. – С. 21–24.

⁴² Титов А. А. Сибирь в XVII веке. – М., 1890. – 238 с.

5. Вернадский Г. В. История России. Т. II. Московское царство. – Тверь; Москва: Аграф, 2001. – 511 с.
6. Главацкая Е. М. Религиозные традиции хантов и их изменения в XVII–XX вв.: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. – Екатеринбург, 2006. – 47 с.
7. Дополнения к актам историческим. Указатель к первым десяти томам. – СПб.: Изд-во Археографической комиссии, 1875. – 263 с.
8. Древнетюркский словарь. 2-е изд. / Под редакцией Д. М. Насилова, И. В. Кормушина, А. В. Дыбо, У. К. Исабековой. – Астана: Гылым, 2016. – 760 с.
9. Дубровская Д. В. Миссия иезуитов в Китае. Маттео Риччи и другие. 1552–1775 годы. – М.: Крафт + ИВ АН, 2001. – 256 с.
10. Дятлов В. Заклятие Золотой Бабы // Итоги. – 2001. – № 48 (296). 4 декабря.
11. Кашлатова Л. В. Женские божества и духи в фольклоре и обрядовой практике среднеобских хантов: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата культурологии. – Саранск, 2014. – 18 с.
12. Кашлатова Л. В. Женский пантеон божеств и духов среднеобских хантов (по данным фольклорных источников) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2017. – № 04 (49). – С. 136–142.
13. Лебедева А. В. Изобразительное искусство обских угров: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. – Барнаул, 2011. – 28 с.
14. Магидович И. П., Магидович В. И. Очерки по истории географических открытий. 3-е изд. Т. III. – М.: Просвещение, 1982. – 304 с.
15. Мартынова Е. П. Очерки истории и культуры хантов. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1998. – 235 с.
16. Мартынова Е. П. Южные ханты в XVII–XIX вв.: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – М., 1986. – 23 с.
17. Молданов Т. А. Картина мира в медвежьих игрищах: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Томск, 2002. – 22 с.

18. Момина М. А. Этнические термины и названия должностных лиц и сословий в русском языке XVIII века (на материале «Описание Китая» Н. Г. Спафария): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Л., 1965. – 18 с.
19. Народы Сибири: этногр. очерки / Под ред.: М. Г. Левина, Л. П. Потапова. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – 1082 с.
20. Новицкий Г. Краткое описание о народе остячком, сочиненное Григорием Новицким в 1715 году. – СПб., 1884. – 116 с.
21. Пузанов В. Д. Русская Сибирь и ойраты в XVII в. // Народы Евразии в составе двух империй: Российской и Монгольской. (Сибирский сборник – 3). – СПб.: МАЭ РАН. 2011. – С. 187–196.
22. Пузанов В. Д. Русские и Ойраты на Юге Сибири в XVII в. // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2011. – 136 с.
23. Пузанов В. Д. Русско-ойратские отношения на юге Сибири в первой трети XVII в. // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. – 2010. – № 2 (76). – С. 64–76.
24. Рудь А. А. Культурные объекты восточных хантов в начале XXI в // Уральский исторический вестник. – 2016. – № 4 (53) – С. 136–141.
25. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Т. 2. – М.: Наука, 1980. – 395 с.
26. Сироткина Т. А. Этнонимы «югра», «остяк», «вогул» в языке жителей Прикамья / Т. А. Сироткина // Вестник Уральского гуманитарного института. – 2001. – № 2 (Вып. 4). – С. 63–66.
27. Сказки и предания алтайских тувинцев / Сост. Э. Таубе. – М.: Изд-во фирма Вост. лит., 1994. – 380 с.
28. Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII век. Ч. 2. – СПб.: Дмитрий Буланин 1993. – 439 с.
29. Спафарий Н. Сибирь и Китай / Сост. В. Соловьев и А. Кидель. – Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1960. – 514 с.
30. Спафарий Н. Г. Путешествие чрез Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Н. Спафария в 1675 г. – СПб., 1882. – 215 с.

31. Степенцев Вяч. Чудеса и чудовища озера Лабынкыр // Во-круг света. – 2013. – № 4. – С. 114–117.
32. Титов А. А. Сибирь в 17 веке. – М., 1890. – 238 с.
33. Тучкова Н. А., Глушков С. В., Кошелева Е. Ю., Голов-нев А. В. и др. Селькупы. Очерки традиционной культуры и селькупского языка. 2-е изд. – Томск: ТГПУ, 2013. – 318 с.
34. Хозяйка огня. Культовая атрибутика березовских хантов: каталог выставки / Ред.-сост. Л. С. Андриенко; авт. текста: Л. С. Андриенко и др. – Екатеринбург: Баско, 2007. – 104 с.
35. Шарина С. И., Бурыкин А. А. Фольклор и действитель-ность сегодняшнего дня: традиционные фольклорные рассказы народов Сибири и современная мифологема реликтового дино-завра // Смыслы мифа: мифология в истории и культуре / Серия «Мыслители». Вып. 8 / Сборник в честь 90-летия профессора М. И. Шахновича. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – С. 122–125.
36. Baddeley J. Russia, Mongolia, China... // In 2 Vol. (англ.). – L.: Macmillan and Co., 1919.
37. Janhunen Juha. On the ethnonyms Orok and Uryangkhai // Studia Etymologica Cracoviensia vol. 19: 71–81 Kraków 2014. – P. 71–81.

Н. А. Герляк

БЫТОВАЯ ЛЕКСИКА ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ КАЗЫМСКОГО ДИАЛЕКТА): ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Аннотация. Исследованием языковых единиц в культурно-историческом и этнографическом контексте занимается этнолингвистика. Под этнолингвистикой понимается направление в языкознании, рассматривающее соотношения и связи языка с духовной культурой, с народным сознанием и народным творчеством, в их взаимозависимости.

Предметом нашего исследования является бытовая лексика хантыйского языка (на материале казымского диалекта), в работе мы опираемся на данные двух смежных наук – лингвистики и этнографии. Являясь ценным материалом для этногенетических и лингвистических исследований, названия жилищ, хозяйственных построек, традиционной одежды и обуви, посуды и других предметов материальной культуры позволяют восстановить реалии жизни народа в прошлом, его отношение к окружающему, к своим национальным обрядам и поверьям.

Ключевые слова: бытовая лексика, лингвистика, этнография, номинация, хантыйский язык, казымский диалект, лексико-семантическая группа (далее – ЛСГ).

Бытовая лексика – весьма обширный класс, который составляет важную часть словарного состава любого национального языка. Семантические пласты бытовой лексики охватывают многочисленные стороны человеческого бытия, прежде всего – повседневной жизни. Известно, что многие предметы быта, обихода и обозначающие их слова возникли еще в древности. В историческом развитии языка они в определенной степени подвергаются модификациям, но функции и значения многих из них не сильно меняются. В этой связи изучение бытовой лексики любого языка позволяет не только выявить лексико-семантические особенности, характер функционирования данного разряда лексики, но и ознакомиться с материальной культурой народа, с его настоящим и прошлым.

Исследованию бытовой лексики посвящены труды зарубежных и отечественных финноугроведов: П. С. Палласа [1786],

А. О. Хейкеля [1888], Г. Ф. Миллера [1937], Г. Новицкого [1884], М. А. Кастрена [1999], К. Ф. Карьялайнена [1948], У. Т. Сирелиуса [2001], В. Штейница [1966–1991], А. А. Попова [1961], З. П. Соколовой [1957], Н. Ф. Прытковой [1953: 123–233; 1971: 101–112], Н. В. Лукиной [1985], Е. Г. Федоровой [2000] и др.

Следует подчеркнуть, что фактический языковой материал, который мы берем для изучения, собран самими носителями хантыйского языка. В то же время они являются исследователями родного языка: это З. И. Рандымова [1994: 113–119; 1995: 43–48], А. Д. Каксин [1999: 221–224], Т. А. Молданова [1999], А. М. Сязи [1999: 55–91], С. В. Онина [2003], Н. В. Новьюхова [2009], В. Н. Соловар, В. Д. Гатченко, П. Т. Тарлин [2010], В. Н. Соловар [2010], А. А. Шиянова [2013] и др.

Данная тематическая группа является очень обширной. Под термином «бытовая лексика» мы подразумеваем названия предметов быта, с которыми постоянно встречаемся в повседневной жизни. К таким предметам относятся: посуда и утварь, разные виды пищи, части дома, трудовой инвентарь, одежда и обувь и др. Для более плодотворного и результативного исследования мы решили рассмотреть только наименования меховой одежды, обуви, а также наименования кухонной и домашней утвари.

Лексико-семантическая группа «Наименования меховой одежды»

Одежда – один из наиболее важных компонентов народной культуры. Вместе с обозначениями жилищ, орудий труда и производственных навыков, пищи и утвари наименования одежды характеризуют широкую область материальной культуры народа. Формирование принципов номинации, изменение способов обозначения семантических констант в этой сфере – это своеобразная летопись исторического развития народа.

Основная функция хантыйской одежды – практическая, защищая человека от нежелательного воздействия природной среды (холода и жары, снега, дождя и ветра), она обеспечивает в значительной мере его существование.

Наряду с практической функцией, которую мы условно назовем утилитарной, едва ли не с самого своего появления

одежда выполняет еще одну, тесно с ней связанную функцию, которую столь же условно можно назвать дифференцирующей. Она является отражением знаковой системы (иногда довольно сложной), позволяющей различать людей по полу и возрасту, по территориальной, этнической, религиозной, социальной принадлежности. Так, у большинства народов различается одежда мужская, женская, детская, девушек на выданье, молодых и старых, бедных и богатых, одежда, употребляемая во время ритуалов, праздничная и будничная. Все эти признаки перекрещиваются между собой и изменяются сообразно природным и производственным условиям, образуя сложный комплекс народного костюма с его многочисленными вариациями.

Представления о жизни у коренных народов, живущих в северных широтах, были и остаются во многом иными, чем у представителей цивилизаций европейского типа. Возможно, благодаря своей философии они сумели выжить и донести свой образ жизни до сегодняшнего дня в первозданном виде.

Понятие 'одежда', как объясняет исследователь Г. И. Демидова, составляют такие компоненты, как собственно одежда, обувь, головные уборы, пояса, украшения, ткани, из которых шилась одежда, и другие предметы реквизита, так или иначе связанные с одеждой [Демидова, 2005: 146–151].

Так, для номинации меховой одежды в казымском диалекте хантыйского языка существует множество слов разных частей речи и устойчивых словосочетаний. Номинация есть закрепление за словом понятия, отражающего определенные признаки процессов [Серебренников, 1977: 101]. Широта этого разряда лексики объясняется потребностью ханты в меховой одежде, что в свою очередь вызвано суровыми климатическими условиями Севера. Одежда из меха теплая и удобная, позволяет избегать вредных воздействий на человека в холодное время года. По сравнению с другими народами Севера, у народа ханты имеется определенная специфика процесса изготовления одежды и оформления готового изделия, для которого важны функциональность, структура меха и орнамент. Функциональность подразумевает сохранение тепла в суровых климатических условиях и использование верхней одежды для

разных видов деятельности, поэтому для изготовления одежды (мужской / женской / детской; для оленевода / для охотника и т. д.) используется мех (чаще всего материалом служит шкура северного оленя, разные части которой предназначены для конкретных целей). Важной является эстетическая сторона: при изготовлении одежды обязательно используются разнообразные орнаменты из меха разных оттенков или из отделочных материалов (сукно, ровдуга, замша). Даже мужская зимняя одежда обычно украшена лаконичным орнаментом.

Изготовление одежды, народное творчество в этом направлении в регионах Тюменского Севера многообразно и по-своему уникально. Казымские ханты отличаются от более южных групп хантов и соседних народов стилем пошива и оформлением меховой одежды, подбором цветов ткани, сукна и бисера. Каждый орнамент несет свою смысловую нагрузку, символику, имеет свое определенное название.

Сами ханты, увидев человека в национальной одежде, сразу определяют не только по покрою и шитью, но и по орнаменту – откуда, с какой территории он приехал. Про человека из другого региона говорят, что он *pa tǝw xǝjat* ‘чужих земель человек’ [Сязи, 1999: 58].

Наиболее характерной разновидностью хантыйской мужской одежды является *kǝwǝs* ‘малица’ – глухая шуба из шкур оленя (при этом головной убор составляет с шубой единое целое). Существуют два основных варианта такого рода мужской шубы. Первый вариант – это малица из плотного оленьего меха, носимая в период самых сильных морозов (или при долгом путешествии, когда приходится сидеть неподвижно). Нижняя опушка такой малицы иногда опускается до самых пят (хотя чаще всего находится немного выше, чтобы нижняя часть малицы была достаточно высоко от земли и не цеплялась за разные предметы). Такую малицу надевают также во время обрядов и праздников, она подчеркивает достаток и благородство мужчины.

Второй вариант – малица из менее плотного оленьего меха, нижняя опушка которой находится чуть ниже колен. Это рабочая малица, повседневная, она меньше стесняет движения мужчины в процессе трудовой деятельности.

У хантыйских женщин верхняя одежда – распахная. Особое отношение было к зимней женской шубе – *săx*. Сах занимает достойное место в жизни ханты, являясь воплощением духа народного промысла, произведением искусства, хранящим традиции высокой культуры.

Мужская одежда, в отличие от женской, подпоясывается кожаным поясом (*ăntap kel* ‘ремень’ > *ăntap* ‘пояс’ + *kel* ‘веревка’; *ăntap* ‘пояс, ремень’) с медной или костяной пряжкой. Пояса подразделяются на повседневные и праздничные. Праздничные пояса надевали, когда ехали в гости в другое стойбище, поселок, город и т. д. На поясе всегда есть *sotap* ‘ножны’ и *leštan xət* ‘футляр из кожи для точила’. Ножны делают в основном из дерева; в настоящее время их украшают орнаментом *xər əjat* ‘олений рог’, *šəwər pał* ‘заячьи уши’. Ручку ножа изготавливают также из дерева, реже – из рога оленя. Футляр для бруска украшают очень редко. Кроме того, на поясе оленевода можно увидеть привязанную палочку с зарубками для подсчета оленей. Обязательным атрибутом пояса служит медвежий, иногда волчий клык на цепочке, он считается оберегом. Иногда на поясе пожилого человека можно увидеть кожаный мешочек для мелких вещей – овальной или продолговатой формы. Их обычно шьют сами мужчины – швом через край. В чуме мужской пояс находится в передней части или подвешивается на шест [Сязи, 1999: 66].

Одним из материалов, применяемых при изготовлении традиционной зимней обуви, являются камусы (шкуры с ног животных). В качестве единицы счета камусов применяется термин *teł* ‘комплект’ – это камусы с одного оленя (т. е. четыре штуки). С зимней обувью носят меховые чулки – *kenš*, сшитые мехом внутрь; в комплект входят и стельки, заготовленные летом из травы, расчесанной металлическим гребнем. Меховую мужскую обувь подвязывают под коленом шерстяными или ровдужными подвязками – *šanš kel* (букв.: *šanš* ‘колено’ + *kel* ‘веревка’).

При анализе названий меховой одежды мы опираемся на теоретические исследования выдающихся лингвистов.

Как справедливо отмечал Ф. П. Сороколетов, «исследовать лексику диалектов как систему – это значит исследовать состав и отношения элементов внутри тематических и лексико-

семантических групп, изучать вопросы варьирования, исследовать семантические и экспрессивно-стилистические связи, отношения и оппозиции, проявляющиеся в отношениях синонимии, антонимии, омонимии, в отношениях общего и частного, в различной сфере употребительности; это значит исследовать связи и отношения активного и пассивного запасов лексики, слов диалектных и общенародных, терминологической (специальной) и нетерминологической (неспециальной) лексики» [Сороколетов, 1978: 27].

Другой выдающийся лингвист, Д. Н. Шмелев, считал, что «группы слов, выделенные на основании предметно-логической общности, во многих случаях характеризуются и некоторыми общими для них собственно языковыми признаками» [Шмелев, 1964: 104].

В современной лингвистике перспективным признается изучение тематических групп (ТГ) – объединений слов, основывающихся «на классификации самих предметов и явлений» [Филин, 1982: 231]. Исследование ТГ как системных образований предполагает их разбивку на семантические группы (и подгруппы). В основе такого деления лежат лексико-семантические связи словесных единиц.

Рассматривая номинацию предметов меховой одежды в хантыйском языке в этой парадигме, мы выделяем наименования по следующим признакам:

1) Обобщенные термины для обозначения меховой одежды в целом: *ελα λomatti p̄nəŋ sōx* ‘зимняя одежда’ (букв.: *ελ* ‘тело’ + *λomatti* ‘надеть’ + *p̄nəŋ* ‘меховой’ + *sōx* ‘шкура, материя, ткань’), *p̄nəŋ λomatsōx* ‘меховая одежда’.

2) Возрастной и гендерный признак: *hawrem p̄nəŋ λomatsōx* ‘детская зимняя одежда’, *hawrem mōlsan* ‘детская малица’, *k̄iwās, k̄iwši* ‘гусь, малица мехом наружу’ (верхняя мужская одежда), *sāx* ‘женская шуба из оленьего меха’ (ягушка), *pāl̄ni* ‘женская шуба из ушек белок, оленя’, *χōnni* ‘женская шуба из беличьих брюшек’, *χə wej* ‘зимняя мужская обувь’.

3) По покрою – глухая и распашная; в единстве с головным убором – головной убор отдельно: *χōrəŋ mōlāps̄i* ‘малица с наверхшицей’ (букв.: малица, имеющая покрытие), *mōlāps̄i, mōls̄i, mōlsan* ‘малица’ (верхняя одежда из оленьего меха с

капюшоном), *χor̄ni* ‘шуба’, *śq̄ma* ‘головная меховая шапка, пришиваемая к гусю или парке’, *m̄ols̄aŋ mil* ‘шапка малицы’, *k̄iŋw̄əs̄, k̄iŋw̄si* ‘гусь’ (верхняя мужская, меховая одежда, носится шерстью наружу), *p̄or̄χa* ‘парка’ (мужская верхняя одежда), *s̄āχ* ‘женская шуба из оленьего меха’.

В эту группу можно отнести также элементы покроя зимней обуви, заимствованные у других народов: *j̄or̄aŋ wej* ‘ненецкие кисты’ (кисты, покроем которых заимствован у ненцев), *s̄āraŋ wej* ‘зырянские кисты’ (кисты, покроем которых заимствован у коми-зырян).

4) Материал, из которого сделана вещь, является отличительным признаком при наименовании следующих видов зимней одежды: *ñ̄uk̄ñi* ‘верхняя женская одежда из кожи’ (ровдуги), *p̄eš̄ñi* ‘шуба из пешки’ (из шкуры олененка), *laŋki s̄āχ* ‘беличья шуба’, *śñ̄i* ‘шуба из овчины / тулуп’, *n̄oj k̄iŋw̄əs̄* ‘суконный гусь’, *n̄oj s̄āχ* ‘суконная шуба’, *lep̄ak s̄ōχ kenš* ‘чижи из песца’, *kenš̄aŋ wej* ‘кенчики, кенчуры’ (оленьи сапоги из замши), *wej* ‘кисты’ (вид меховой обуви), *p̄ūrka* ‘бурки’ (вид обуви), *kenš* ‘чижи’ (меховые чулки из шкуры оленя, которые надевают внутрь кистов), *t̄op̄ar* ‘оленьи меховые полусапожки’ (тоборы).

Как известно, любой предмет одежды изготавливается из какого-либо материала, и его характер учитывается при наименовании меховой одежды у хантов. Большое внимание мастерицы обращали на цветовое соотношение материалов самого изделия и его отделки. Так, использовались разные типы шкур, мех различных оттенков, цветное сукно, кожа (ровдуга): *lep̄ak s̄ōχ* ‘песцовая шкура’ (букв.: *lep̄ak* ‘песец’ + *s̄ōχ* ‘шкура, материя, ткань’); *laŋki s̄ōχ* ‘беличья шкурка’; *ś̄ow̄ar s̄ōχ* ‘заячья шкурка’; *w̄ōχsar s̄ōχ* ‘лисий шкура’; *ñ̄ōχ̄as̄ s̄ōχ* ‘соболиная шкурка’; *w̄əj s̄ōχ* ‘шкура лося’; *m̄əjp̄ar s̄ōχ* ‘медвежья шкура’; *am̄p s̄ōχ* ‘шкура собаки’; *mis̄ s̄ōχ* ‘шкура коровы’; *w̄ont̄ar s̄ōχ* ‘шкурка выдры’; *w̄iŋli p̄ōrti w̄əj s̄ōχ* ‘волчий шкура’; *s̄ōχ-p̄iŋ* ‘шкура-шерсть’; *w̄enš̄ s̄ōχ* ‘шкура с головы животного’; *kep̄al* ‘кабус’ (лапы от ног копытных животных – лося, оленя); *sal̄t̄am* ‘вид камусов’; *p̄eš̄i s̄ōχ* ‘шкура новорожденного олененка’; *ñ̄ōp̄all̄aw* ‘шкура (без меха) молодого олененка’; *p̄iŋ* ‘перо, пух, шерсть, мех’; *ñ̄iŋki* ‘кожа’ (ровдуга); *n̄oj* ‘сукно’; *t̄ul̄əχ* ‘подшейный, длинный волос оленя’ (идет на изготовление воротников, обуви).

5) Цвет материала, из которого сделана вещь: *sałtəm kəpəl wejən* ‘кисы, сшитые из белых и черных камусов’, *piti tɔpər* ‘черные тоборы’; *nɔwi tɔpər* ‘белые тоборы’.

6) Особенности покроя одежды или ее частей – подчеркивается а) длина: *wan sǎx* ‘куртка, пальто’ (букв.: короткая шуба), *χəšəm wan sǎx* ‘пальто’ (букв.: теплая короткая шуба), *pərxšɔp* ‘куртка, свитер’ (букв.: половина верхней одежды), *pɪnən wej šɔp* ‘унты’ (букв.: половина меховых кисов), *aǰ sǎx* ‘повседневная шуба’ (букв.: маленькая шуба); б) указывается наличие / отсутствие тех или иных дополнительных деталей: *χǎnšən sǎx* ‘женская шуба с узорами’, *χɔlən wej* ‘кисы, украшенные узкими полосками’, *tɔpər wej* ‘повседневные кисы, сшитые без узора, иногда украшенные сукном’.

7) Часть тела, закрываемая одеждой (на что непосредственно надевается вещь): *kūr jɔwərtti sɔx* ‘портянка’, *šanš kəl* ‘подвязки для кисов’, *pəs* ‘рукавица, варежка’, *pəsən* ‘рукавицы’, *wet paɲər pəs* ‘перчатка’, *pərsatka* ‘перчатка’.

8) Способ изготовления вещи: *kǎšməłtəm wej* ‘кисы из камуса, прокопченные дымом’, *širwa wej* ‘обувь из оленьих лап, пропитанная смолой, носится в сырую погоду’.

9) Отдельные части зимней одежды и обуви, а также дополнительные аксессуары: *saɲχra* ‘подшивка малицы’, *mɔləpši pɪš* ‘подклад малицы’, *mɔlsi kǎšas* ‘чехол малицы’, *pɪnən pɪš* ‘меховая подкладка’, *sǎx mewəl* ‘передняя часть шубы’, *sǎx sil* ‘кайма шубы’; *tɪləx* ‘подшейный волос оленя’, *pǎšni* ‘опушка’, *šer* ‘карман’, *jɔləpti* ‘заплата / заплата’, *jɔl* ‘заплата / шов’, *nir pāti* ‘подошва обуви’, *wej ɔw* ‘верхняя часть кисов’, *sapəllak* ‘воротник’, *iləm* ‘стелька для обуви’, *wej nɔl* ‘носки кисов’ (букв.: нос кисов), *nir šeršəm* ‘петелька сзади обуви’; *wɪšar* ‘полоска, нашивка на нижнем крае одежды’, *ǎntəp* ‘пояс’, *pəs* ‘рукавица’; *jɔwəl* ‘подвязка вокруг колена у кисов’, *pɔšəx kəl* ‘завязки кисов’, *šɔta ɔw* ‘отверстие капюшона’.

10) Лексемы, описывающие манипуляции с одеждой (носить, надевать, снимать): *nɔx ɔmətti* ‘надеть’, например: *pərxšɔpəm nɔx ɔmətsem* ‘я надел куртку’; *nɔx pɔnti* ‘надеть’ (платок, шапку); *ɔməłtəti* ‘одеть, одеться’; *nɔx eɲxti* ‘снять, раздеться’, например: *miłəl nɔx eɲχəs* ‘он снял шапку’; *nɪkni laɲkti* ‘укрыться

шубой'; *põnantti* 'надеть головной убор'; *põnti* 'надеть на голову', например: *ta õxam põnlæt* 'я надену платок'; *õšamtti* 'напялить' (о головном уборе); *äntästi* 'подпоясать, надеть ремень, пояс'; *äntti* 'подпоясать', например: *äntäp äntäs* 'подпоясался поясом'; *ilämti* 'положить стельку в обувь', произошло от лексемы *iläm* 'стелька для обуви'; *läpstäti* 'накинуть на плечи', например: *säxäl äl läpstäsle* 'шубу просто накинула'; *lomätl'äti-põnantti* 'одеться-надеть головной убор'; *mörtäläti* 'измерить, примерить' (одежду).

Итак, в хантыйском языке представлено значительное количество слов, обозначающих меховую одежду. Все эти слова (и именные, и глагольные) объединяются в лексико-семантическую группу. Большинство из них относится к исконной лексике и восходит к периоду финно-угорской общности. Однако в некоторых фрагментах общей системы фиксируется ряд заимствованных слов.

Таким образом, таксономия именных и глагольных слов, обозначающих одежду (разные ее виды), производится по дифференциальным семантическим признакам. Суть (содержание) этих признаков определяется в свою очередь объективными свойствами разных предметов одежды: мужская – женская – детская; глухая – распахная; в единстве с головным убором – головной убор отдельно; для охоты – для занятий оленеводством; из шкуры оленя – из меха других животных; праздничная – повседневная; у мужчин – культовая и др. Выбирая тот или иной мотивационный признак при назывании предметов одежды, носитель языка исходит из своего практического жизненного опыта, познавая и оценивая свойства и качества этих предметов.

Конструкция и покрой одежды настолько стабильны, что на протяжении столетий они оставались в основном неизменными. Форма одежды постоянно изменялась, но основные принципы кроя и орнаментации были постоянными. Таким образом, с точки зрения принципов номинации в наименованиях традиционной зимней хантыйской одежды чаще всего реализуется признак, указывающий на покрой одежды, особенности покроя одежды, материал изготовления, в меньшей степени – признак, указывающий на способ изготовления, предназначение одежды для определенной части тела и ее цвет.

На данном этапе проанализирован преимущественно материал, выявленный в словарях хантыйского языка. Изучение функционирования выявленных лексем в высказываниях поможет в дальнейшем еще глубже описать эту традиционную сферу жизнедеятельности ханты.

Лексико-семантическая группа

«Наименования кухонной и домашней утвари»

В материальной культуре народа ханты важное место занимают предметы кухонной утвари и посуды. Они предназначены обслуживать самую важную потребность человека – в приеме пищи. Сложность процессов в этой сфере вызвана необходимостью подготовки и приготовления пищи (с целью сделать ее легко усваиваемой).

Наиболее широкое из этих понятий – ‘утварь’: оно обозначает совокупность предметов какой-либо области применения, обихода. Различается утварь сельскохозяйственная, корабельная, церковная, домашняя, кухонная и др. [Ожегов, 1989: 537].

Посуда – обобщенное название предметов быта, используемых для приготовления, приема и хранения пищи. Как отмечает Г. В. Судаков, в понятие «посуда» в русском языковом сознании уже в древности входили «посуда столовая (для подачи пищи на стол и для приема пищи), поваренная (для приготовления пищи) и погребная (для хранения столовых запасов и готовой пищи)» [Судаков, 2010: 163].

В финно-угорском языкознании вопрос о семантических полях ‘кухонная утварь’ и ‘посуда’ в той или иной степени освещался в работах таких исследователей, как И. П. Асанова [2007], А. Н. Ракин [2012: 40–44] и др.

Лексемы, называющие кухонную утварь, в хантыйском языке подразделяются на следующие тематические поля (или ЛСГ): «общие наименования посуды», «наименования кухонной утвари, необходимые для приготовления пищи и напитков», «наименования посуды и сосудов, предназначенных для длительного хранения съестных припасов и подачи съестных продуктов на стол», «наименования посуды, предназначенной для умывания, мытья или стирки».

ЛСГ «Общие наименования посуды» в хантыйском языке включает слова, выражающие понятие ‘посуда’ в общем виде,

безотносительно к её разновидности. Наиболее употребительными в этой группе являются следующие слова (и сложные слова): *an-sq̃n* ‘посуда (букв.: чашка-кузовок)’, *j̃j̃k p̃õntĩ tel* ‘емкость для воды’, *l̃ĩpi* ‘посуда, сосуд, емкость’, *tel* ‘сосуд, посуда’. Например: *Мõллĩ tel t̃ũwa, χ̃intem tekñs* ‘Принеси какую-нибудь посуду, кузов наполнился’; *An-sonlan kor xonann si omaslat* ‘Посуда вся возле печки стоит’.

Данные лексемы являются общеупотребительными: они входят в общенациональный словарный фонд и зафиксированы в лексикографических источниках по исследуемому языку [Соловар, 2014: 61; Соловар, 2015: 26; Кононова, 2002: 20; Немысова, 2007: 169, 317].

ЛСГ «Наименования кухонной утвари, необходимые для приготовления пищи и напитков»: *šaj an, šaj jañsi an* ‘чайная чашка’, например: *Saj anat telijewa šajn punman (wollat)* ‘Чашки полностью наполнены чаем’, *šaj p̃ūt* ‘чайник’, *šaj an p̃ũš* ‘блюдец’, *letĩ an* ‘чашка для еды’, *ãl* ‘крышка, покрывало’, *j̃j̃x an* ‘деревянная чаша для рыбы, мяса’, *χ̃j̃l an* ‘деревянная удлиненная чаша’, по краям которой клалась вареная рыба, а в середине была «макалка» из ухи и соли, *χ̃j̃l joša* ‘вертел для рыбы’, *kew kartan* ‘сковорода’, *kewan* ‘бутылка’, например: *In õw̃as m̃j̃w̃en, pa in katra seña lantĩ-χ̃ir ew̃alt šeš kewan werlat. Ñãl kewan šĩ werlat. (Katra šĩ w̃es̃at, šim̃as kewañat)* ‘На севере в старину из мучных мешков делали бутылки. Четыре бутылки выходило из одного мешка (в старину были такие бутылки)’, *k̃ũš̃am j̃j̃x* ‘палочка для короба’, лучинка, палочка для разжигания костра, *l̃̃p̃r̃x* ‘ковш для черпания льда’, *l̃õtp̃r̃j̃ ñãl̃ep̃ keši* ‘нож с рукояткой из олова’, *l̃õχ̃astõt* ‘точило’, *leštan (kew)* ‘точильный брусок’, *ɛ̃j̃etš̃op̃* ‘табакерка’, *p̃j̃l̃ap̃* ‘пробка’, *s̃ot̃ap̃* ‘ножны’, *s̃õt* ‘точильный брусок’, *p̃ūt* ‘котел’, например: *Imi χ̃oχ̃al̃man šĩ j̃ãj̃x̃al̃, ĩn ew̃el p̃ãĩ an ãk̃atman, p̃ūt, k̃ãt ñalĩ, k̃ãt keši, õlt̃ãχ̃il̃al̃, let̃et̃l̃al̃ m̃õj̃l̃al̃an meñ-ne itĩ šĩ ãk̃ats̃alle* ‘Жена забегала, для дочери стала собирать котел, две ложки, два ножа, постель, продукты, как невесту стала собирать’, *p̃ūt j̃j̃x* ‘таган’, *kew p̃ūt* ‘чугунный котел’, *suχ̃ta p̃ūt* ‘кувшин’, например: *Wuχ̃sar uχ̃al̃ suχ̃ta p̃ūt l̃ĩpija meš̃et̃i ãn werats̃alle, a tor χ̃j̃w̃ ñul̃al̃ l̃ĩpija meš̃as̃le pa isa letut les̃le* ‘Лиса голову в кувшин затолкать не смогла, а журавль длинный клюв внутрь засунул и все съел’, ‘крынка’, *ãst̃ãkan* ‘стакан’, *k̃j̃r̃ška*

‘кружка’, *kartan* ‘металлическая чашка, сковорода’, *keši* ‘нож’, *puw* ‘хвост ножа’, *hali* ‘ложка’, *wülka* ‘вилка’, *lij* ‘поварешка’, *jüχ lij* ‘деревянная поварешка’, *hah emästi kār* ‘лопата, которой ставят хлеб в печь’, *söχäl* ‘доска’, *wöhnsup* ‘набирушка для ягод’, *šarka* ‘чарка’ ‘рюмка’, *šömpäl* ‘берестяной черпак’, *saj* ‘кушеника’, *rešata* ‘решето’.

ЛСГ «Наименования посуды и сосудов, предназначенных для длительного хранения съестных припасов и подачи съестных продуктов на стол»: *sön* ‘берестяной кузов для хранения пищи’, *χint* ‘кузов для сбора и хранения ягод’, *wöhšär* ‘берестяной кузов для сбора ягод’, *kōrawñek* ‘корневатик, использовался для хранения домашней утвари, пищевых продуктов’, *kükär* ‘берестяной кузов для хранения продуктов’, *küšäm* ‘берестяной короб’, *pitän* ‘бидон’, *panka* ‘банка’, *karti χōšär* ‘жестяная банка’, *sakkar punti an* ‘сахарница (букв.: сахар, ложить, чашка)’, *sakkarī an* ‘сахарница’, *sul punti an* ‘солонка’, *wij punti an* ‘масленка’, *esämjinχ punti līpi* ‘молочник’, *sat* ‘садок для хранения живой рыбы’, *jink jinhäl* ‘кузов для переноски воды’, *χir* ‘мешок, сумка’, *panne χir* ‘мешок из рыбьей кожи (налима), используемого для хранения различных домашних вещей, главным образом муки’, например: *In imi wōn panne, wōn söχ χiräl aləmlälle pa nīk tallälə* ‘Жена собрала вещи, взяла большой мешок из налима и потащила к берегу’.

ЛСГ «Наименования кухонной утвари, предназначенной для умывания, мытья или стирки»: *pōška* ‘бочка’, *ōmpi* ‘ковш’, *karti an* ‘корыто (букв.: *karti* ‘железный’ + *an* ‘чашка’)’, *χūr* ‘корыто’, например: *χüljen ewalt χūr at woχsən* ‘У рыбки корыто надо было попросить (тебе)’, *tas* ‘таз’, *wetra* ‘ведро’, *ālaχ pūt* ‘бак (букв.: посуда с крышкой)’, *l’uχitijälit pūt* ‘умывальник’, *wōtlap* ‘деревянные стружки, используемые для хозяйственных и гигиенических нужд’, *wōtlap mōhχälī* ‘тряпка из стружек для стола, посуды’, *jōwəlsq* ‘веник’.

Таким образом, общекатегориальная сема ‘посуда’ отражается в значении каждого члена исследуемой ЛСГ, является типизированным значением, по которому можно судить о семантической структуре каждого существительного, называющего предмет посуды. Прежде всего, с имплицитным участием указанной семы называются предметы бытовой утвари для хране-

ния, приготовления, сервировки и употребления пищи. Некоторые предметы посуды одновременно являются единицами измерения жидкостей и сыпучих продуктов. Предметы посуды, представляющие определенную культурную и художественную ценность, приобретают статус произведений искусства хантыйского народа. Основным признаком, положенный в основу тематической группы «кухонная утварь» и «посуда», – функциональный.

Также можно выделить слова, заимствованные из русского языка: *ästäkan* ‘стакан’, *kürška* ‘кружка’, *pitän* ‘бидон’, *panka* ‘банка’, *šarka* ‘чарка’ (рюмка), *rešata* ‘решето’, *tas* ‘таз’, *wetra* ‘ведро’ и др.

Ханты широко пользовались берестяной или деревянной посудой, так как в ней дольше сохранялись продукты. Пользовались они и утварью из пихтовой коры, прутьев, корня кедра, черемуховых пластин.

Некоторые предметы были многофункциональными (например, чуман применяли в качестве тарелки, ковши для воды, в нём хранили ягоды, держали рыбу). С приготовлением пищи связаны различные доски для разделки рыбы, которые во время работы клали на чуман или долблёное корыто (в них складывали рыбу). Существовали специальные ножи для чистки рыбы, сделанные из заточенной с одной стороны лопатки оленя или куса дерева. Для измельчения продуктов (черёмухи, сушёной рыбы) использовали ступы разной формы, корыта, выдолбленные из дерева, и песты. Для поджаривания рыбы, мяса и хлеба у костра применяли рожны. Для приготовления пищи на огне служили металлические котлы, чайники. Котлы и чайники подвешивали над огнём на специальных деревянных крюках. Для помешивания пищи в котлах служили деревянные лопатки с развилкой на конце рукоятки или деревянные черпаки. Ими снимали жир, доставали из котла рыбу и мясо. В качестве тарелок использовали деревянные долблённые блюда, чаще всего прямоугольные, с закруглёнными углами. Встречались овальные и круглые блюда, круглые тарелки, плетённые из кедрового корня. Для жидкой пищи были удобны вырезанные из берёзового нароста чашки, из дерева вырезали и ложки (небольшие, по

форме похожие на черпаки). Воду носили и держали в берестяных вёдрах цилиндрической формы с пришитым дном и костяной ручкой. Воду черпали маленьким чуманом (плоскодонный сосуд с низкими стенками, сделанный из куса бересты, углы заворачивались конвертом), к которому привязывали длинную деревянную ручку. В чуманах большего размера хранили ягоды, варку, рыбий жир. Для хранения муки, сушёной рыбы и мяса служили берестяные коробки или мешки из рыбьей кожи. Продукты держали в больших берестяных ёмкостях (круглых, овальных или с трапециевидными стенками – заплечных кузовах). Некоторые продукты держали в туесах. Также в ходу были различные контейнеры для сбора, хранения и переработки продуктов, рюкзаки для переноски мяса [Федорова, 2000].

Тематическая группа «кухонная утварь» многочисленна по составу: она насчитывает около 70 лексических единиц (что составляет 23,3 % от общего числа зафиксированных лексем).

Но развитие языка определяется успехами и достижениями прогресса общества. И если, к примеру, в стародавней жизни народа широко использовались определенные предметы (например, изделия из дерева, бересты), а в наше время они заменены другими предметами (или аналогичными, но из другого материала), то выходят из употребления и слова, называющие их (перешли в пассивный слой лексики или получили новую смысловую нагрузку).

Существует и проблема наличия заимствований в этой сфере. По заимствованиям в хантыйском языке (а также в обско-угорских и финно-угорских) существует обширная литература. Хотя в результате языковых контактов происходят заимствования разных элементов чужого языка (слов, морфем, синтаксических конструкций и т. п.), обычно речь идет все-таки о заимствовании слов. Предметы материальной культуры, а вместе с ними и их названия, особенно легко заимствуются, отчасти из-за моды на эти предметы и престижа, состояния экономики и применения технических новшеств. Здесь в первую очередь можно выделить слова, заимствованные из русского языка: из числа других контактных русский язык оказал наибольшее влияние на хантыйский язык.

Выводы

Таким образом, с позиций этнолингвистики средства языка, репрезентирующие бытовую сторону жизни этноса, представляются сложной, разветвленной системой, а связи между отдельными ее элементами определяются как различные типы отношений. Подобный подход к предмету исследования дает возможность установить ценностную ориентацию носителей языка, что значительно дополняет и расширяет представление лингвиста о языковой картине мира.

Научная новизна исследования состоит в том, что оно представляет собой один из первых опытов комплексного анализа лексико-семантических групп традиционной отраслевой лексики ханты.

Теоретическая значимость нашей работы определяется тем, что подобным образом в этнолингвистическом аспекте могут быть изучены другие тематические группы отраслевой лексики хантыйского языка. Это даст возможность сопоставления лексики всех исследуемых тематических групп с аналогичной лексикой других языков в целях создания когнитивно-семантического сравнительного словаря языков коренных народов Севера. Данная работа, с одной стороны, позволит обратиться к истокам этнического самосознания, основам языковой картины мира, базирующимся на мировосприятии окружающей действительности, глубже познать и полнее представить принципы ориентации в системе естественных и духовных ценностей (констант). С другой стороны, в дальнейшем можно полнее раскрыть (определить) закономерности взаимовлияния и взаимообогащения в сфере бытовой лексики между языками определенного региона.

Практическая ценность работы определяется возможностью использования ее результатов при составлении диалектологического словаря хантыйского языка, словаря хантыйской отраслевой лексики. Материал, предлагаемый в настоящем исследовании, может быть использован в учебном процессе в школе и вузе: в кружках, при проведении внеклассных мероприятий, на семинарах по лексикологии, этнографии, краеведению.

Список литературы и источников

1. Асанова И. П. Лексика, отображающая крестьянский быт, в мордовских языках: этнолингвистическое исследование: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Йошкар-Ола, 2007. – 23 с.
2. Демидова Г. И. Историко-лингвистические и этнографические сведения об одежде жителей Сибири первой трети XVIII в. в материалах С. П. Крашенинникова // КЛИО. – 2005. – № 3 (30). – С. 146–151.
3. Каксин А. Д. Хантыйские заимствования из русского языка в области лексики, связанной с бытом и хозяйственной деятельностью (на материале казымского диалекта) // Языки коренных народов Сибири. Вып. 5. – Новосибирск, 1999. – С. 221–224.
4. Кастрен М. А. Путешествие в Сибирь (1845–1849 гг.). Сочинение в двух томах. Т. II. – Тюмень: Изд-во Мандрики, 1999. – 348 с.
5. Кононова С. П. Русско-хантыйский тематический словарь: Казымский диалект. – СПб.: Просвещение, 2002. – 216 с.
6. Лукина Н. В. Формирование материальной культуры хантов. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1985. – 363 с.
7. Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. – М.; Л., 1937. – 608 с.
8. Молданова Т. А. Орнамент хантов Казымского Приобья: семантика, мифология, генезис. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. – 261 с.
9. Немысова Е. А. Орфографический, орфоэпический словарь шурышкарского и казымского диалектов хантыйского языка. – СПб.: Миралл, 2007. – 239 с.
10. Новицкий Г. Краткое описание о народе остяцком. С пред. Л. Н. Майкова. – Памятники древней письменности. – СПб.: Тип. В. С. Балашева, Ленинград, 1884. – Т. 53. – 122 с.
11. Новьихова Н. В. Заимствованная лексика хантыйского языка (на материале казымского диалекта): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – СПб., 2009. – 21 с.
12. Ожегов С. И. Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов/ Под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. – 20-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1989. – 750 с.

13.Онина С. В. Отраслевая лексика хантыйского языка: словарный состав, связанный с оленеводством. – Йошкар-Ола: Стринг, 2003. – 154 с.

14.Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. – СПб., 1786. – Ч. II. Кн. 1. – С. 467.

15.Попов А. А. Жилище // Историко-этнографический атлас Сибири. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 131–226.

16.Прыткова Н. Ф. Одежда хантов // Сб. Музея антропологии и этнографии АН СССР. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. Вып. 15. – С. 123–233.

17.Прыткова Н. Ф. Один из источников изучения одежды народов Сибири (на материалах одежды обских угров) // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – начале XX в. – Л.: Наука, 1971. – С. 101–112.

18.Ракин А. Н. Лексика материальной культуры в пермских языках // Финно-угорский мир. – 2012. – № 3/4 (12/13). – С. 40–44.

19.Рандымова З. И. Бытовая лексика приуральских ханты // Народы северо-западной Сибири: Сборник / Под ред. Н. В. Лукиной. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. Вып. 1. – С. 113–119.

20.Рандымова З. И. Лексика, связанная с жилищем и перекочевкой в усть-обском говоре приуральских хантов // Народы северо-западной Сибири: Сборник / Под ред. Н. В. Лукиной. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. Вып. 2. – С. 43–48.

21.Сирелиус У. Т. Путешествие к хантам / Пер. с нем. и. публ. Н. В. Лукиной. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2001. – 344 с.

22.Соколова З. П. Обско-угорское жилище и его история [Текст]: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – М., 1957. – 16 с.

23.Соловар В. Н. Краткий русско-хантыйский словарь (казымский диалект). – Ханты-Мансийск: БУ ХМАО – Югры «Об.-уг. ин-т прикладных исслед. и разработок», 2015. – 52 с.

24.Соловар В. Н. Теоретические вопросы лексикологии и синтаксиса хантыйского языка: избранные труды. – Ханты-Мансийск: Типография «Печатное дело», 2010. – 128 с.

25. Соловар В. Н. Хантыйско-русский словарь (казымский диалект) – Тюмень: Формат, 2014. – 386 с.
26. Соловар В. Н., Гатченко В. Д., Тарлин П. Т. Промысловая лексика хантыйского языка. – Ханты-Мансийск: ИИЦ ЮГУ, 2010. – 174 с.
27. Сороколетов Ф. П. Традиции русской советской лексикографии // Вопросы языкознания. – 1978. – № 3. – С. 26–42.
28. Судаков Г. В. История русского слова / Департамент образования Вологодской обл., Вологодский гос. педагогический ун-т. – Вологда: ВГПУ, 2010. – 333 с.
29. Сязи А. М. Традиционные орнаментированные изделия нижнеобских хантов // Народы Северо-Западной Сибири / Под ред. Н. В. Лукиной. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. – Вып. 8. – С. 55–91.
30. Федорова Е. Г. Рыболовы и охотники бассейна Оби: проблемы формирования культуры хантов и манси. – СПб.: Европейский Дом, 2000. – 365 с.
31. Филин Ф. П. Очерки по теории языкознания / Институт русского языка АН СССР. – М.: Наука, 1982. – 336 с.
32. Шиянова А. А. Парные слова хантыйского языка (на материале шурышкарского диалекта): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Саранск, 2013. – 18 с.
33. Шмелев Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка – М.: Просвещение, 1964. – 244 с.
34. Языковая номинация. Виды наименований / Под ред. Б. А. Серебренникова. – М.: Наука, 1977. – 359 с.
35. Heikel A. O. Die Gebaude der Ceremissen, Mordvinen, Esten und Finnen // Journal de la Societe Finno-Ougrienne. Helsingfors, 1888. V. 4. 352 s.
36. Karjalainen K. F. Ostjakisches Worterbuch. – Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 1948. Bd. I-II. – 1199 s.
37. Steinitz W. Dialektologisches und Etimologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprachen. 1–13. Berlin, 1966–1991.

О. Ю. Динисламова

**ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ХАРАКТЕРА ЧЕЛОВЕКА
В ДИХОТОМИИ «ДОБРЫЙ – ЗЛОЙ» В МАНСИЙСКОЙ
И РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ КАРТИНАХ МИРА**

Аннотация. В статье на материале фразеологических единиц (ФЕ) мансийского и русского языков рассматривается языковая репрезентация характера человека в дихотомии «*добрый – злой*»; выявляется отражение народных представлений о *добром* и *злом* человеке; определяются универсальные и специфичные параметры образности, лежащей в основе метафорических переносов ФЕ; описываются компоненты семантики и образные внутренние формы, создающие национально-культурную специфику рассматриваемых фразеологизмов. Сопоставление исследуемых фразеологических картин мира (ФКМ), вычленение их общих черт и различий способствует пониманию изучаемых языковых явлений и в целом жизни народов.

Цель – исследовать особенности языковой репрезентации характера человека в дихотомии «*добрый – злой*» в мансийской и русской фразеологии в контексте лингвокультурологического содержания национальных картин мира.

Метод или методология проведения работы. Основными, собственно лингвистическими, методами при изучении параллельных идиоматических явлений в рассматриваемых языках являются сравнительно-сопоставительный и описательный. Частично использованы интерпретативный метод, метод сплошной выборки, а также собственно фразеологический метод идентификации. Материалом для исследования послужили фразеологизмы северного диалекта мансийского языка и русские ФЕ, репрезентирующие рассматриваемые качества характера.

Результатами проводимого исследования явились: описание образов *доброго* и *злого* человека в мансийском и русском языках; выявление национально-культурного своеобразия фразеологизмов мансийского и русского языков путём определения их универсальных и специфических признаков. Анализ и сопоставление фразеологического материала позволил отметить схожесть ФКМ мансийского и русского народов.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые предпринимается лингвокультурологический анализ феномена *человек* с точки зрения фразеологической репрезентации его характера в дихотомии «*добрый – злой*» в разносистемных языках.

Область применения результатов. Практическая значимость исследования определяется возможностью использования его результатов в лексикографической практике при составлении фразеологического словаря мансийского языка, а также словарей антропоцентрической фразеологии сопоставительного плана.

Ключевые слова: фразеологизмы, фразеологическая картина мира, характер человека, образ доброго человека, образ злого человека, добрый человек, злой человек, репрезентация характера человека, мансийская фразеология, русская фразеология, сопоставительный анализ фразеологизмов.

Сложная природа и многообразие проявлений человеческого характера вносят его в список одних из самых волнующих дискуссионных тем в плане познания человека во всем многообразии связей его внутреннего и внешнего мира. Каждый человек обладает своим особым, индивидуальным характером в различных его проявлениях, что не может не накладывать неповторимый отпечаток на социально-психологический, духовно-нравственный, мировоззренческий, культурный и поведенческий аспекты интегрирования человека в контекст действительности.

Наиболее многочисленными в исследуемой группе черт характера, проявляющихся в отношении человека к окружающим, являются фразеологизмы, репрезентирующие их в дихотомии «*добрый – злой*», где с точки зрения оценочности в сознании носителей мансийского и русского языков *доброта* является высочайшей, абсолютной всечеловеческой ценностью, причастность к которой наполняет жизнь человека смыслом, а *злость* является отрицательной энергией неудовлетворения, недоброжелательности, агрессии и т. п., в конечном итоге разрушающей личность.

В повседневной жизни характер обнаруживает себя во всех «сцеплениях» человека с действительностью, сопровождая его в любой сфере деятельности и общения в социуме, ярко запечатлеваясь в удивительном мире человеческих мыслей и чувств, «многоликости» вкусов, взглядов и оценок, в причудливых узорах взаимоотношений с другими людьми и окружающим миром, своеобразии поведенческих схем, манер и привычек, извечной борьбе желаний и голоса разума, сложном переплетении моти-

вов, волевых установок и поступков, во всех тончайших нюансах эмоциональных и эстетических переживаний [Кильдибекова, Зиганшина 2011: 1029].

В словарях встречается различное толкование характера человека. Так, в словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой *характер* толкуется как «совокупность психических, духовных свойств человека, обнаруживающихся в его поведении» [Ожегов, Шведова 1999: 860].

В словаре Д. Н. Ушакова *характер* толкуется как совокупность психических особенностей, из которых складывается личность человека и которые проявляются в его действиях, поведении [Ушаков 2009: 900].

Общее представление о характере, взятое из приведенных выше словарей русского языка, позволяет вывести заключение о том, что он представляет собой существенные черты человека, которые проявляются в его поведении и образе жизни. Кроме того, данные определения устанавливают его главную особенность как психического феномена, которая состоит в том, что характер всегда проявляется в деятельности, в отношении человека к окружающей его действительности и людям. Поскольку характер является, прежде всего, категорией психологической, считаем необходимым осмыслить его с психологической точки зрения.

В учебнике «Психология» под ред. Б. А. Сосновского характер определяется как «совокупность устойчивых индивидуальных особенностей человека, обуславливающих типичные для него способы поведения в определенных жизненных ситуациях и обстоятельствах» [Психология 2008: 157].

Л. Д. Столяренко определяет характер как «индивидуальное сочетание приобретенных в течение жизни наиболее устойчивых, существенных особенностей личности, проявляющихся в поведении человека, в определённом отношении к себе, к другим людям, к порученному делу, к различным трудностям» [Столяренко 2005: 298].

В большинстве случаев в русской психологической литературе понятию *характер* даются определения, которые опираются на точку зрения, отраженную в «Психологическом словаре» под ред. В. В. Давыдова, А. В. Запорожца, Б. Ф. Ломова и дру-

гих, где характер определяется как «индивидуальное сочетание устойчивых психических особенностей человека, обуславливающих типичный для данного субъекта способ поведения в определенных жизненных условиях и обстоятельствах» [Психологический словарь 1983: 396]. При этом в структуре характера выделяются две группы черт: первую группу образуют такие черты, в которых выражается система отношений человека к действительности (она включает отношение к другим людям, отношение к труду и его результатам, отношение к самому себе), а вторую группу образуют волевые черты характера [Психологический словарь 1983: 396–397].

В нашем исследовании мы опираемся на определение характера, данного Б. Байсаровым, которое считаем наиболее последовательным и четким. Б. Байсаров подчёркивал двустороннюю структуру характера как «единство динамических и содержательных сторон». Под динамической стороной понимается поведение человека, под содержательной – генерализированные мотивы личности. Соотношение этих сторон Б. Байсаров раскрывает следующим образом: «Недостаточность одного лишь содержательного усвоения в формировании характера проявляется в том, что потребность человека в каком-то поведении, желании вести себя соответствующим образом ещё не является достаточным условием реализации такого поведения как систематического. Формирование различных свойств характера становится возможным лишь при условии овладения человеком тем поведением, в котором выражаются и тем самым закрепляются эти характерологические свойства» [Байсаров 1976: 56]. Если содержательная сторона характера проявляется во фразеологических единицах обоих языков в виде определения различных черт человеческого характера, то наличие динамической стороны в его составе предполагает включение в материал исследования ФЕ, характеризующих поведение человека, обусловленное особенностями его характера, и небольшого количества ФЕ, характеризующих действия человека, т. е. «проявление поведения».

Прежде чем перейти непосредственно к исследованию национально-культурной специфики фразеологизмов, описывающих характер человека в исследуемых языках, считаем необходимым

рассмотреть такие важные для данного исследования понятия, как «национальный менталитет» и «национальный характер».

Проблема национального характера отражена в трудах лингвистов, лингвокогнитологов, лингвокультурологов, которые рассматривают её в сопряжении с исследованием проблем национального менталитета, национальной языковой картины мира (ЯКМ) и языка. Так, З. Д. Попова и И. А. Стернин полагают, что связь понятий «национальный менталитет» и «национальный характер» «сосредоточена» в человеке, но заключается в различных сферах его деятельности (менталитет связан преимущественно с логической, концептуальной, когнитивной деятельностью сознания, а национальный характер – с эмоционально-психологической сферой человека) и проявляется в национальном поведении [Попова, Стернин 2006: 10–11; Попова, Стернин 2003: 41]. Иными словами, национальный менталитет является национальным способом восприятия и понимания действительности, определяемым совокупностью когнитивных стереотипов нации.

Принято считать, что каждая нация, каждый этнос имеет свой индивидуальный набор характерных черт, и что некоторые вполне определённые черты характера закреплены за той или иной нацией. В зависимости от того, какие ценности поддерживает и культивирует какая-либо национальная общность, у человека развиваются и соответствующие устойчивые черты характера, которые определяют его поведение в типичных обстоятельствах жизни. Так, немцы традиционно ассоциируются с пунктуальностью, американцы с деловитостью, французы с галантностью, китайцы с мудростью, русские с отзывчивостью и т. п.

Разный национальный менталитет может воспринимать по-разному одни и те же предметные ситуации: он будто заставляет человека видеть одни вещи и не замечать другие. Для мансийского менталитета, например, как и в целом для менталитета северных этносов, характерно почтительное и бережное отношение к окружающей природе. Во всех их действиях, раскрывающих отношение к ней, заложен принцип: как я сегодня отношусь к природе, так в будущем буду жить я, моя семья, мой народ. У европейцев же отмечается совершенно иное отноше-

ние: издавна они стремились исследовать, раскрыть тайны, узнать законы природы и, раскрыв и узнав их, подчинить себе её.

Понимание некоторых жизненных реалий также во многом обуславливается менталитетом. Например, про разбогатевшего человека русский думает: «богатый – значит вор». Манси же в этом случае обычно размышляет так: «богатый – значит много/упорно/успешно рыбачил/охотился/занимался оленеводством и т. п.». В данном стереотипе проявляется одна из его основных ценностей – трудолюбие, активность. Напротив, лень, апатичность, вялость среди манси оцениваются негативно. По этому поводу существует даже такой фразеологизм: *нёвлам Ванька а́ги* ‘медлительная, вялая девушка (букв.: вялого Ваньки дочь)’. В данном стереотипе выражается отношение манси к русским: считается, что по сравнению с мансийскими русские женщины, девушки более медлительные и нерасторопные.

Или же другой пример: на Западе чем больше улыбается человек, тем больше, считается, он проявляет вежливость и дружелюбие. Русский же человек редко улыбается просто из вежливости или чтобы показаться дружелюбным. Он улыбается искренне либо настоящим друзьям, либо когда видит или слышит что-то действительно смешное.

Таким образом, менталитет преимущественно, как это было сказано выше, связан с оценочно-ценностной сферой, ценностным аспектом сознания. Он оценивает воспринимаемое как хорошее или плохое, как представляющее ценность, соответствующее ценностям или не соответствующее им. К примеру, значение фразеологизма *белая ворона* оценивается русским менталитетом негативно, так как существует традиционная русская ценность – соборность, коллективизм. В мансийском языке в значениях фразеологизмов *хўлыу нянь* ‘ленивый; медлительный (букв.: рыбный пирог)’, *савыу лёняхи* ‘бездельник (букв.: ленивая развалина)’, *савыу тўрхул* ‘ленивый (букв.: ленивый карась)’ негативно оценивается значение лени, так как для мансийского менталитета национальную ценность представляет трудолюбие, без которого в северной тайге сложно выжить.

В целом в содержание понятия *менталитет* включаются следующие компоненты:

1) образ жизни как относительно самостоятельная система форм жизнедеятельности человека, социальной группы, общества, связанная с национальным укладом, стилем, обрядностью, бытом и др.;

2) духовные основы жизни народа, взятые в широких исторических рамках (истоки в форме исторической памяти, историческое наследие как духовно-нравственный потенциал, проявляющийся в исторической идентификации);

3) национальная психология (национальный характер).

Последний компонент – национальный характер – является ключом к объяснению жизни народа, поскольку он аккумулирует в себе особый набор привычек, традиций, чувств, эмоций, сформировавшийся под воздействием различных условий жизни (образ жизни, географическое местоположение, уровень развития и т. д.).

По мнению Т. Г. Стефаненко, если рассматривать национальный характер как некое расплывчатое понятие, в которое исследователь в зависимости от своих методических и теоретических взглядов включает те или иные психологические особенности, отличающие один народ от другого, необходимо исходить из следующих принципов:

1) характер этноса – не сумма характеров отдельных его представителей, а фиксация типических черт, которые присутствуют в разной степени и в разных сочетаниях у значительного числа индивидов;

2) речь должна идти не о наборе тех или иных черт, а о степени их выраженности и о специфике их проявления;

3) черты характера можно понять лишь в соответствии с общей системой ценностей, зависящей от социально-экономических и географических условий, от образа жизни народа и его религиозных верований [Стефаненко 2004: 136].

Большое значение в воспроизводстве типичных для каждого этноса черт характера отводится процессу социализации, который заключается в «системе межпоколенной передачи опыта» с помощью такого социального инструмента, как язык, остаю-

щийся наиболее яркой идентифицирующей характеристикой этноса [Бромлей 1983: 40].

С. Г. Тер-Минасова при исследовании феномена национального характера выделяет ряд источников, подтверждающих его существование [Тер-Минасова, 2000: 138]. К данным источникам исследователь относит:

1) Международные *анекдоты*, полностью базирующиеся на стереотипных исследованиях о том или ином народе и построенные на шаблонном сюжете: представители разных национальностей, попав в одну и ту же ситуацию, реагируют на неё по-разному, в соответствии с теми чертами их национального характера, которые приписывают им на родине анекдота.

По мнению С. Г. Тер-Минасовой, эти стереотипы не столько отражают некие наиболее существенные и типичные черты народа, сколько формируют их в глазах других народов, и в собственных глазах. Так, например, в большинстве анекдотов про русских непременно отражается русская удаль и азарт: если русский что-нибудь задумает, то сделает это так, как никто другой не смог бы и додуматься. А, например, образ *чукчи*, один из наиболее популярных героев российских анекдотов, вынужден взвалить на себя нагрузку воплощать глупость, тёмность и невежество едва ли ни всех северных народов.

2) Национальная *классическая литература*, где слово «классическая» в контексте не является случайным, поскольку литература, имеющая этот статус, прошла испытание временем: её произведения заслужили признание, повлияли на умы и чувства представителей данного народа, данной культуры. Разумеется, необходимо принимать во внимание, что каждое художественное произведение имеет конкретного автора с его субъективным взглядом на мир, авторским его видением.

3) *Фольклор*, или устное народное творчество, как наиболее надёжный из всех перечисленных выше источников сведений о национальном характере. При этом в произведениях устного народного творчества стереотипны не только герои, персонажи, но и сюжеты, сам факт, что они представляют собой коллективное творчество народа, передаваемое из поколения в поколение, а также то, что они лишены субъективизма индивидуально-

авторских произведений, делает их наиболее надёжным источником и хранилищем информации о характере народа.

4) Самым надёжным и научно приемлемым свидетельством существования национального характера является *национальный язык*, поскольку он отражает и формирует характер своего носителя, являясь самым объективным показателем. Национальный язык, являясь одновременно продуктом и орудием культуры, формирует человека, определяет его поведение, образ жизни, мировоззрение, менталитет, национальный характер, идеологию.

На протяжении развития общества любой национальный язык не просто служит для общения, передачи друг другу информации, а для описания, хранения знания и опыта, приобретённых народом в процессе жизни. Поэтому для исследования соотношения языка и культуры необходимо учитывать тесную связь языка с культурой. В этом случае, чтобы глубоко изучать язык, принадлежащий определённому народу, без проникновения в соответствующую ему культуру не обойтись.

Очевидно, что в первую очередь основную культурную нагрузку в различиях между языками несёт их лексический состав в виде слов и словосочетаний. Именно из них в первую очередь складывается ЯКМ, определяющая восприятие мира носителями данного языка. Особенно наглядно и ярко этот аспект представлен устойчивыми выражениями, фразеологизмами, идиомами, пословицами, поговорками – то есть тем слоём языка, в котором непосредственно сосредоточена народная мудрость или, вернее, результаты культурного опыта народа.

Поскольку в процессе своего становления мансийский и русский народы сталкивались с различными реальными условиями жизни, по-разному формировали свой менталитет, специфический национальный характер, мировосприятие, систему ценностей и т. п., то с уверенностью можно утверждать, что наиболее значительные различия культуры манси и русских могут обнаруживаться во фразеологии их языков. Именно во фразеологизмах наиболее ярко и глубоко отражается специфический колорит национальных культур в связи с тем, что развитие их всегда тесно связано с окружающим миром.

У представителей одной и той же лингвокультурной общности совокупность ассоциаций, возникающих при восприятии человеком окружающего мира, складывается в определённую систему, которую Н. И. Жинкин назвал универсальным предметным кодом [Теория Н. И. Жинкина, 2015]. Последний, помимо фразеологизмов, совершенно отчётливо проступает и в метафорах, служащих средством освоения эмпирически познаваемой действительности и в то же время – её оценивания в образах-эталонах, имеющих прямое отношение к условиям жизни носителей данного языка, к их культуре, духовным и материальным ценностям. Вот почему столь важным представляется также рассмотрение метафоры, её функциональной роли в процессе метафоризации фразеологических выражений.

В рамках данной работы мы попытаемся ответить на следующие вопросы: 1) каким представляется образ доброго и злого человека в мансийском и русском языковом сознании; 2) какими являются универсальные и специфичные параметры образности, лежащей в основе метафорических переносов при репрезентации характера человека в дихотомии «добрый – злой»; 3) в рамках каких кодов культуры отражается мировидение мансийского и русского народов в системе рассматриваемых фразеологизмов; 4) какие образы используются во фразеологизмах, репрезентирующих *добрый* и *злой* характер человека в мансийской и русской фразеологических картинах мира (ФКМ).

В ходе проведения исследования мы будем основываться на том убеждении, что представления людей о том, что есть *хорошо* и что есть *плохо*, независимо от их принадлежности к определённой культуре, имеют общее ядро, содержащее некоторые базовые ценности. Преимущественно именно эти основополагающие ценности, а не особенности климатических, природных, историко-географических условий проживания народа, являются доминирующими факторами формирования морально-этических норм поведения.

Корпус исследуемого материала в мансийском и русском языках состоит из 88 ФЕ мансийского и 100 ФЕ русского языков, при этом 35 ФЕ мансийского и 44 ФЕ русского языков выступают в качестве средств репрезентации *доброго* человека и 53 ФЕ мансийского и 56 ФЕ русского языков – в качестве

средств репрезентации *злого* человека. Данная статистика свидетельствует о приблизительно одинаковой релевантности вербализации образов *доброго* и *злого* человека в рассматриваемых ФКМ.

Фразеологический материал получен методом сплошной выборки из следующих источников: мансийские фольклорные тексты – «Именитые богатыри Обского края» [Именитые богатыри, 2010; 2012; 2015; 2018], «Медвежьи эпические песни манси (вогулов)» [МЭПМ(В), 2012], «Мифы, сказки, предания манси (вогулов)» [МСПМ(В), 2005], «Героический эпос манси (вогулов): Песни святых покровителей» [ГЭМ(В), 2010]; личная картотека автора статьи, составленная в процессе работы с носителями языка: М. Т. Двинянинова, М. В. Кумаева, Г. П. Самбиндалова (верхнесосьвинский говор), Д. Т. Лисова, С. С. Динисламова, В. И. Иванова (среднесосьвинский говор), Л. Н. Панченко, Т. Д. Слинкина, Г. Н. Ларионова (сыгвинский говор); фразеологические словари на русском языке: «Фразеологический словарь русского литературного языка» А. И. Федорова [Фразеологический словарь русского литературного языка [ФСРЛЯ, 2008], «Фразеологический словарь русского языка» под ред. А. И. Молоткова [ФСРЯ, 1986] и «Фразеологический словарь современного русского литературного языка» под редакцией А. Н. Тихонова [ФССРЛЯ, 2004].

Лексикографических и фразеологических словарей по мансийскому языку не существует, что объясняется отсутствием комплексных исследований в области фразеологии, недостаточностью теоретического материала, обобщающего данные исследования, что не в последнюю очередь связано с трудоёмкостью сбора фактического материала ввиду экстремально малого числа носителей языка.

На сегодняшний день по некоторым вопросам фразеологии мансийского языка опубликованы статьи Д. В. Герасимовой [Герасимова, 1997; 1999; 2001а; 2001б], О. Ю. Динисламовой [Динисламова, 2013; 2016; 2017а; 2017б; 2017в; 2017г; 2018]. В близкородственном мансийскому хантыйском языке существенный вклад в развитие хантыйской фразеологии внесла В. Н. Соловар [Соловар, 1997; 1998; 1999а; 1999б; 2000; 2001; 2014; 2015; 2017; Соловар, Молданова, 2011; Сязи, Соловар,

2009; Миляхова, Соловар, 2013]. Исследованию фразеологии хантыйского языка посвящён также ряд работ, представленных А. А. Сязи (Шияновой) [Сязи, 2007; 2008а; 2008б; 2009; Сязи, Соловар, 2009; Шиянова, 2011], М. Е. Серасховой [2007; 2010; 2013], А. И. Кузнецовой [2001], А. Д. Каксиным [2011], З. С. Рябчиковой [2008], Ю. Г. Миляховой [Миляхова, Соловар, 2013], Е. С. Молдановой [Соловар, Молданова, 2011].

Репрезентация характера человека в сопоставляемых языках находит своё воплощение через систему прямозначных лексем и комплекс образных выражений разной структурной и семантической организации.

В мансийском языке для номинации *доброго* характера человека являются лексемы *ёмас* 'добрый' [РМС, 2005: 68], 'хороший' [СМРИМ, 1982: 346], *сымыу* 'сердечный' [СМРИМ, 1982: 115]; при номинации *злого* характера словари дают следующие синонимические ряды: *кантыу* со значениями 1) сердитый, злой, 2) грозный, лютый, 3) суровый, строгий [СМРИМ, 1982: 40]; *сымтāl* 'бессердечный' [РМС, 2005: 20]; *сымтāl-майттāl* [СМРИМ, 1982: 115]; *лёлъ* 'плохой, вредный' [СМРИМ, 1982: 58].

В русском языке при номинации *доброго* человека используются лексемы *добрый, добродушный, добросердечный, душевный, сердечный, отзывчивый, чувствительный, милосердный, мягкосердечный, человеколюбивый, добряк* и др.; *злой* человек номинируется посредством лексем *злой, злобный, лютый, свирепый, суровый, жёсткий, жестокий, сердитый, гневный, агрессивный, беспощадный, бессердечный, недоброжелательный, злодей, тиран, деспот*.

В словарях встречается различное толкование характеристик *добрый* и *злой*. По определению С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой, *добрый* толкуется как «делающий добро другим, отзывчивый, а также выражающий эти качества; несущий благо, добро, благополучие; хороший, нравственный» [Ожегов, Шведова, 1999: 169–170]; *доброта* определяется как «отзывчивость, душевное расположение к людям, стремление делать добро другим» [Ожегов, Шведова, 1999: 169]. *Злой* (человек) толкуется как «полный злобы, злости» [Ожегов, Шведова, 1999: 230].

В «Новом словаре русского языка» лексема *добрый* (человек) квалифицируется как «благожелательный, отзывчивый, готовый помочь людям; охотно делящийся с другими своими средствами, имуществом и т. п.» [НСРЯ, 2001: 394]; лексема *злой* (человек) – как «преисполненный чувства вражды, недоброжелательности; испытывающий злобу, сердитый, раздражённый; язвительный, насмешливый; свирепый, лютой» [НСРЯ, 2001: 555].

В словаре Д. Н. Ушакова *добрый* (человек) толкуется как «делающий добро другим; благожелательный, отзывчивый, обладающий мягким характером; хороший, нравственный» [Ушаков, 2009: 144]; *злой* (человек) определяется как «охваченный, проникнутый злом; дурной, недобрый, бедственный; исполненный злобы, злости; причиняющий боль, вред; жестокий; выражающий злость» [Ушаков, 2009: 204].

Таким образом, *доброта* в аспекте её оценочности в сознании носителей мансийского и русского языков является высочайшей, абсолютной, всечеловеческой ценностью, причастность к которой наполняет жизнь людей смыслом. Вследствие многогранного понимания *доброты* классифицировать выражающие её черты характера затруднительно, поскольку характер человека синкретичен. *Доброта* как душевное расположение к людям, благожелательность, отзывчивость и стремление делать добро другим включает в себя целый спектр таких качеств, как сострадание, сопереживание, желание блага, отсутствие порицания, отказ от осуждения попавших в беду, незлопамятность, позитивный взгляд на жизнь и т. п.

Злобность же является отрицательным духовно-нравственным качеством личности, проявляющимся как агрессия, мстительность, недоверие, подозрительность, насилие, угроза, жестокость, ненависть и т. п. Злой, злобный человек живёт низшими эмоциями, инстинктами, страстями, поэтому злобность является видом невежества. Наличие у человека этого качества свидетельствует о его низком духовно-нравственном развитии.

Итак, важнейшей сферой жизни для представителя любого этноса являются его отношения с людьми. Человек по своей природе и предназначению вынужден жить в обществе, непосредственно или опосредованно взаимодействуя с другими

людьми и в процессе такого общения проявляя различные свои человеческие качества. При этом характер любого человека значительно варьируется в зависимости от внутреннего мира, уровня интеллектуального развития, а также культурного развития своего этноса.

Поведение человека во всех сферах его деятельности, начиная личной и заканчивая профессиональной, регулируется моралью, а результаты его поведения в процессе взаимоотношений с окружающими могут быть как позитивными, так и негативными. Позитивные и негативные черты характера, отражаясь во фразеологии, получают при этом определенную оценку. Положительная оценка присуща фразеологизмам, описывающим человека, обладающего высокими морально-нравственными качествами, порядочностью, а также открытостью, искренностью и душевной простотой, способностью поддержать другого человека в психоэмоциональном плане и готовностью оказать помощь в трудных ситуациях. Отрицательная оценка свойственна фразеологизмам, репрезентирующим человека аморального, безнравственного, способного ради достижения собственных целей причинять неприятности окружающим, способного на низкие, подлые поступки и т. п.

Остановимся подробно на репрезентации образа *доброто* человека в мансийской и русской ФКМ, поскольку именно доброта вызывает к себе неизменно положительное отношение у всех народов, являясь одним из наиболее ценимых нравственных качеств человека. Так, манси про доброго человека говорят: *сяр мǎньси хурип* ‘хороший, добрый (букв.: совсем на манси похож)’. Во-первых, данный фразеологизм подтверждает, что доброта является высоконравственным качеством, присущим человеку любой культуры. Во-вторых, подчёркивает исключительную, если можно так выразиться, природную, врождённую доброту мансийского человека. В данном выражении в явном виде заключена мысль о манси как «эталоне» доброты.

Добрый человек в мансийском языке может быть репрезентирован такими фразеологизмами, как *акв пǎйтэт этпос*, *мǎт пǎйтэт хǎтал* ‘добрый (букв.: на одной щеке луна, на другой щеке солнце)’; *ёмас сымын* ‘добряк (букв.: доброе (хорошее))’.

сердце имеющий)'; *сымын хѳтна* 'добряк (букв.: сердце имеющий человек)'; *сыме рѳгы-посын* 'добрый (букв.: сердце = его тёплое, светлое)'; *сыме рѳг ѳньси* 'добрый, внимательный (букв.: сердце = его жар имеет)'; *сѳрниу сым* 'добрый (букв.: золотое сердце)'; *ласкат сымна* 'добрый (букв.: щедрое сердце имеющий)'; *мир ѳт мѳсхал ѳлы* 'добрый, спокойный (букв.: с людьми аккуратно живѳт)'; *мир нуыл ѳмас сунсы* 'добрый, спокойный (букв.: на людей хорошо смотрит)'. В русском языке *доброта* также исходит из сердечности, *добрый* человек представлен такими ФЕ, как: *золотое сердце, золотая душа, доброе сердце, добрая душа, человек доброй (добрейшей) души, душа-человек*.

Как видим, мансийские фразеологизмы *ѳмас сымын* 'добряк (букв.: доброе (хорошее) сердце имеющий)' и *сѳрниу сым* 'добрый (букв.: золотое сердце)' имеют полные русские эквиваленты: *доброе сердце* и *золотое сердце* – соответственно.

Доброта в сопоставляемых языках отождествляется с уступчивостью, мягкостью, покладистостью, например: манс. *кѳминѳт сым* 'добрый, уступчивый, ранимый (букв.: мягкое сердце)'; рус. *из мягкого теста*.

Заботливое отношение, внимательность к окружающим в мансийском языке могут быть репрезентированы фразеологизмами: *сым ѳнтас вѳрнѳ хѳтна* 'сердечный, сопереживающий, поддерживающий, помогающий человек (букв.: сердечную помощь делающий человек)'; *тав хѳтна нуыл ѳмас* 'добродушный (букв.: он в сторону людей хороший)'

Душевная щедрость человека в обоих языках выражается эквивалентными ФЕ *яныг сым* 'добрый (букв.: большое сердце)' и ФЕ *человек большого сердца*. В русском языке щедрый человек также предстает как *человек большой души, широкая натура, широкая душа*, то есть с указанием на большой размер, размах.

Доброта характеризуется и благородными поступками человека по отношению к окружающим: манс. *сыме миѳкве (мѳй-луптаѳкве) вѳрми* (букв.: сердце = своё отдать (подарить) может)'; *лылытѳ миѳкве вѳрми* (букв.: душу (= жизнь) = свою отдать может)'; *юи-ѳвыл пѳл лѳмтѳ мыг* (букв.: последний кусочек еды = своей отдаст); *юи-ѳвыл ѳлысове (алпихар суне) ѳнухуѳкве вѳрми* (букв.: последние штаны = свои (нательную рубашку) снять может)'; *вѳѳнѳ ляпат ѳлы* 'подставляет плечо (букв.: пле-

чо = его близко находится)'; *тав к̄тэ такви тактапитэ* 'оказывать помощь (букв.: он руку = свою сам подаст)', что сопоставимо с русскими ФЕ *подставлять плечо, подать (протянуть) руку помощи, снять (снимать) с себя последнюю рубашку, отдавать (отдать) жизнь за кого-либо, идти в огонь и в воду за кого-либо*. Фразеологизмы демонстрируют универсальность мировоззрения народов: и манси, и русские готовы отдать последнее, что имеют, во благо других людей, вовремя оказать поддержку и прийти на помощь.

Нравственная непорочность, чистота помыслов и поступков человека в мансийском языке заключена во фразеологизмах: *сымум сыстам* 'искренний, чистый (букв.: сердце = моё чистое)'; *сыме н̄яврам сым хурип* 'чистый (букв.: сердце = его подобно сердцу ребёнка)'; *тав т̄йврет сыстам вит ови* 'искренний, чистый (букв.: во внутренностях = его чистая вода течёт)'. В русском языке эти же свойства человека репрезентируются такими фразеологизмами, как: *ангел непорочный, чист душою, чист сердцем, ничем (ни в чём) не замечен, святая душа, праведная душа, как стёклышко*.

Открытость, искренность человека в мансийской ФКМ репрезентирована фразеологизмами *сымет н̄матыр л̄юль ат ънь-си* 'открытый, искренний (букв.: в сердце = своём ничего плохого не имеет)'; *сыме карект̄л* 'безгрешный, без плохих помыслов (букв.: сердце = его без греха)'. В русском языке качества открытости, искренности реализуются как *душа нараспашку, весь как на ладони, весь наружу*.

Доброту человека, его безотказность манси выражают в составе ФЕ *тав л̄атың мус ълы* 'безотказный (букв.: он до начала слова живёт)'; в русском языке – посредством фразеологизмов: *ангел без крылышек, палочка-выручалочка*. При этом ФЕ *ангел без крылышек* по отношению к излишне безотказному человеку несёт в себе отрицательную оценку.

Как правило, *добрый* человек обладает такими качествами характера, как незлобивость, спокойность, кротость. Например: *наскасыг пумтар ат манумты* 'спокойный, добрый (букв.: зря травинку не сорвёт)'. В русском языке эти качества репрезентированы большим числом фразеологизмов: *ангел доброты (кро-*

тости), ангельское сердце, ангельская душа, кроткий как ангел, кроткий как овца, кроткий как голубь, кроткий телёнок, кроткий как ягнёнок, комара (мухи) не обидит, божий одуванчик (о людях преклонного возраста).

Слишком кроткий или чересчур спокойный человек может вызывать неоднозначное отношение, например: манс. *аквтон а́кань колт о́лы* ‘кроткий, тихий (букв.: как будто в кукольном домике живёт (находится))’ и *суптáл-нѐлмтáл хóтпа* ‘чересчур тихий, спокойный человек (букв.: безо рта-языка человек)’; *та-веныл лáтыу ат хартэ́гын* ‘немногословный (букв.: из него слова не вытянешь)’; *тав потыртан суге таквинатэн ат суйты* ‘тихий, кроткий (букв.: произносимый им звук самому = ему не слышен)’; рус. *красная девица* (о слишком тихом молодом человеке), *воды (водой) не замутит, тише воды и ниже травы, божья коровка* при репрезентации *доброго*, кроткого человека имеют одобрительную оценку. Однако кротость, вытекающая из излишней мягкости, слабохарактерности или бесхарактерности, вызывает неодобрение, порой граничащее с презрением. Например: манс. *(саюм) ху́лыу ня́нь* ‘бесхарактерный (букв.: испорченный) рыбный хлеб (пирог)’; *сяр няхсам* ‘бесхарактерный (букв.: совсем как жабры)’; *во́р ся́нси* ‘слабохарактерный (букв.: лесной воробушек)’; рус. *мокрая курица, ни рыба ни мясо*.

Представленный фразеологический материал мансийского и русского языков позволяет установить, что существенная роль при репрезентации образа *доброго* человека принадлежит *соматизмам*. В мансийском языке его образ представлен в виде таких *соматических* компонентов, как: *сым* ‘сердце’, *пáйт* ‘щека’, *тйвырт (кйвырт)* ‘внутренности’, *суп* ‘рот’, *нѐлм* ‘язык’, *лылы* ‘душа’, *ва́ун* ‘плечо’, *ка́т* ‘рука’, *няхсам* ‘жабры’; в русском языке – *душа, сердце, крыло, ладонь, плечо, рука*. Таким образом, *сердце, душа, плечо и рука* являются универсальными соматизмами для обоих исследуемых ЯКМ.

Отметим, что *сердце* в обоих исследуемых языках и *душа* в русском языке являются наиболее продуктивными и частотными *соматическими компонентами*, лежащими в основе образования ФЕ при репрезентации *доброго* человека. Как символиче-

ски маркированный компонент, соматизм *сердце* входит в состав 13 фразеологизмов мансийского языка, что составляет 37,1 % от рассмотренного числа. В русском языке выявлено 11 ФЕ с компонентом *душа* и 5 ФЕ с компонентом *сердце*, что составляет 25 и 11,4 % соответственно от общего числа ФЕ. По определению А. В. Жукова, *сердце* и *душа* – символически маркированные компоненты, «исходное символическое значение которых в той или иной мере удерживается в семантике фразеологизма и достаточно регулярно воспроизводится в целом ряде фразеологических единиц» [Жуков, 1996: 41].

Понятие *душа*, номинируемая значительным количеством прямозначных лексем (*йис*, *лылы*, *исхор*), практически не отражено в составе фразеологизмов за исключением ФЕ *лылытэ минкве вёрми* (букв.: душу (= жизнь) = свою отдать может)'. Полагаем, что это связано с весьма сложной и разветвлённой системой мансийских представлений о *душе* как о нечто сакральном и, соответственно, табуированном.

Среди символов мансийской и русской культур *сердце* занимает одно из центральных мест, обозначая глубинные основания и полноту человеческого существования. В обеих исследуемых культурах *сердце* понимается в возвышенном смысле, как основа телесного, душевного и духовного существования человека. Будучи одновременно материальным и нематериальным, пространственным и непространственным, *сердце* воплощает в себе духовное и душевное состояние материи.

Душа же является средоточием внутреннего мира человека, его истинных чувств и желаний, т. е. всего жизненно важного. С точки зрения этики *душа* – носитель этического идеала, соответствие которому ценнее всех материальных благ. Понятие «души», по словам Т. Б. Радбиля, тесно связано с идеей воздуха, дыхания, которая подверглась «мифологическому метафорическому переосмыслению на базе обычного переноса семантики физической сущности на психическую» [Радбиль, 2010: 237–238]. *Душа* связывает человека с высшим духовным началом как орган, помогающий человеку ощутить мистический, потусторонний мир. Связь *души* с идеей воздуха, дыхания отмечается и в мансийской ЯКМ, поскольку *лылы* есть *душа*, *дыхание* и сама *жизнь*. *Душа* связывает человека с высшим духовным началом –

это тот квазиорган, с помощью которого человек ощущает мистический, потусторонний мир.

Сердце в образной ФКМ манси, а также *сердце* и *душа* в русской ФКМ при описании *доброго* человека обладают определёнными физическими свойствами (температурой, объёмом/размером), представляются созданными из различных материалов с определёнными характеристиками и качествами.

Сердце как предмет, имеющий температуру, показывает степень эмоционального напряжения, отсутствие/наличие чувств. В мансийском языке фразеологизмы с компонентом *сердце* наделяют его температурными характеристиками, репрезентируют через него образ *доброго* человека: *сыме рёгыш-посыш* ‘добрый (букв.: сердце = его тёплое, светлое)’; *сым рёг дньси* ‘добрый, внимательный (букв.: сердечное тепло (жар) имеет)’. В русском языке фразеологизм *горячее сердце* с указанием положительной температуры для объективации образа *доброго* человека не используется, данная ФЕ репрезентирует пылкого, страстного человека, способного к сильным чувствам, переживаниям.

Сердце в ЯКМ мансийского и русского языков, как и *душа* в русском языке, обладает размером. В мансийском языке при описании *доброго* человека используется фразеологизм *яныг сым* ‘добрый (букв.: большое сердце)’. В русском языке также имеются фразеологизмы, указывающие на большой размер *сердца* и *души*: *человек большого сердца, человек большой души*.

В сопоставляемых языках *сердце* (а в русском языке и *душа*) имеет схожее качество – *чистоту*, образно связанную с искренним отношением к людям, отсутствием порочных мыслей и мнений об окружающих: манс. *сымум сыстам* ‘искренний (букв.: сердце = моё чистое)’; рус. *чист сердцем, чист душою*. В основе метафоры – перенос, опирающийся на символизацию определённых чувственных ощущений: *чистое* как символ добродетели контрастирует с *грязным* – символом порока.

Помимо *чистоты* в мансийском языке *сердце* как образ обнаруживает ещё одно качество – *мягкость*, что выражено фразеологизмом *кәминьт сым* ‘добрый, уступчивый, ранимый (букв.: мягкое сердце)’. В русском же языке *мягкость человека* репрезентируется не в образе мягкости сердца, а в виде мягко-

сти *теста*: см. фразеологизм *из мягкого теста*. Как видим, образная основа в обоих фразеологизмах весьма близка: *доброта* человека реализуется через качество мягкости, эластичности, пластичности, податливости.

Сердце в мансийском и в русском языках, а также *душа* в русском языке уподобляются золоту: манс. *сѳрниу сым* ‘добрый (букв.: золотое сердце)’; рус. *золотое сердце, золотая душа*, что говорит не только о *ценности* сердца, но и о метафорическом образе *огня*, поскольку цвет золота подобен цвету пламени, горящего в груди доброго человека.

В мансийском языке ФЕ могут характеризовать *доброго* человека через наличие у него *сердца*, например: манс. *сымыу хѳтна* ‘добряк (букв.: сердце имеющий человек)’. В русском языке аналогии не обнаружено.

Вышеприведённые примеры с ключевым словом *сердце* показывают, что обе лингвокультуры выражают полную смысловую корреляцию как показатель общей культуры, т. е. универсального мировидения: единой логики мышления народов; как общая картина мира, в основе которой заложено единство представлений и образов. Обнаружены фразеологизмы, совпадающие по компонентному составу и общей оценке, но отличающиеся, тем не менее, в оттенках чувств, выражаемых ими.

В то же время в ряде фразеологизмов мансийского и русского языков со стержневым компонентом *сердце* для описания *доброго* человека обнаруживается их национально-культурное своеобразие. Например, в мансийском фразеологизме *сыме рѳгыу-посыу* ‘добрый (букв.: сердце = его тёплое, светлое)’, помимо указания на положительную температуру, присутствует указание на сердце как источник *света*. Положительная характеристика *доброго* человека метафорически связывается с образной коннотацией наличия света, освещённости, излучаемых *сердцем*, чего не наблюдается в русском языке.

Отличительной чертой исследуемых языков является наличие в русской ЯКМ фразеологизмов, связанных с христианским мировоззрением: *праведная душа, святая душа, иродова душа*. Национально-культурное своеобразие русских фразеологизмов с компонентами *душа* и *сердце* при объективации *доброго* человека заключается в том, что в своей структуре они часто содержат

компонент *ангел*, являющийся также одним из наиболее частотных в составе рассматриваемых фразеологизмов. Ангелом представляется сверхъестественное существо, посланник и исполнитель воли Бога на земле, репрезентирующее представление русского народа о доброте и кротости: *ангел без крылышек, ангел доброты (кротости), ангел непорочный, кроткий как ангел*. Этот компонент обнаруживается в составе фразеологизмов в сочетании с лексемами *сердце* и *душа*: *ангельское сердце, ангельская душа*. Значение их мотивировано ярким фразеологическим образом, основанным на метафорическом уподоблении человека *ангелу*. *Ангелы* – «духи бестелесные (потому невидимые) и бессмертные, как и наши души; но их Бог одарил более высокими силами и способностями, чем человека. Ум их совершеннее нашего. Они всегда исполняют волю Божию, они безгрешны, и теперь благодатью Божией так утвердились в делах добра, что и грешить не могут [ЗБ, 2003: 41]. Данные фразеологизмы восходят к традиционным христианским мифологическим и религиозным представлениям русского народа, согласно которым *ангелы* являются бесплотными существами, созданными богом и служащими ему. Считается, что *ангелы* воюют на стороне бога, охраняют праведников и переносят их души в рай, являются людям как вестники от бога, чтобы сообщить его волю.

Таким образом, ФЕ, репрезентирующие *доброто* человека посредством соматизмов *сердце* и *душа*, помимо универсального, имеют в своём компонентном составе и национально-культурный компонент: маркированность национальной специфики проявляется наличием специфических для данного народа слов, входящих в состав фразеологизмов.

Подводя некоторый итог, отметим, что фразеологизмы с соматическими компонентами *сердце* для обоих языков, а также – с соматизмом *душа* для русского языка, являются важными составляющими их ЯКМ и отражают специфику их восприятия. Понятие *душа* в русском языке неразрывно связано с моральными характеристиками и «тяготеет» к сердцу, поэтому *душа* и *сердце* в русских фразеологизмах часто составляют один ряд. В мансийском языке понятие *душа*, номинируемое значительным количеством лексем, которые являются ключевыми слова-

ми мансийской культуры, за единичным исключением не входит в состав фразеологизмов, репрезентирующих *доброго* человека.

Анализ фразеологизмов, репрезентирующих *доброго* человека в мансийской и русской ЯКМ, позволил выявить универсальные и специфичные параметры образности, лежащей в основе метафорических переносов.

В ходе анализа в обоих языках была выявлена *натуроморфная* метафора, объектами ассоциативной проекции которой служат явления природы. Источниками метафорической экспансии в этом разряде служат такие понятийные сферы, как *мир растений*, *животный мир*, *мир неживой природы* (ландшафт, метеорология, стихии и др.), то есть социальные реалии осознаются в концептах мира окружающей человека природы.

Зооморфная метафора в мансийском языке обнаруживается только в составе фразеологизмов, репрезентирующих не *доброту*, а кротость характера, вытекающую из *слабохарактерности* или *бесхарактерности* человека: *вѳр сѳѳси* ‘тихий, слабохарактерный (букв.: лесной воробушек)’ и (*саѳм*) *хѳлыц нѳнь* ‘бесхарактерный (букв.: (испорченный) рыбный хлеб (пирог))’. Более разнообразно данный вид метафоры реализован в русском языке: *кроткий, как голубь*, *кроткий, как овца*, *кроткий, как телёнок*, *кроткий, как агнѳнок*, *комара (мухи) не обидит*, *божѳья коровка*. Как и в мансийской, в русской ЯКМ зоонимические компоненты находят отражение в составе фразеологизмов, репрезентирующих слабохарактерных или бесхарактерных людей: *мокрая курица*, *ни рыба ни мясо*.

Подытоживая вышесказанное, можно прийти к выводу, что в мансийском и русском языках универсальное, общечеловеческое мировидение присутствует только при репрезентации *бесхарактерного* человека во фразеологизмах с зоонимическим компонентом *рыба*. Универсальным также является собирательный образ *птицы* (манс. *сѳѳси* ‘воробушек’; рус. *голубь*, *курица*) при репрезентации *слабохарактерного* человека в мансийской и *кроткого* человека в русской ЯКМ.

В рамках *натуроморфной* метафоры в понятийной сфере *мир растений* универсально была выявлена *фитоморфная* (растительная) метафора. Растительная лексика способна characterizo-

вать бытие и развитие различных сфер непереданного мира, этапы жизни человека, связь поколений внутри рода, внешний облик человека, его внутренний мир. Следовательно, включение знаний о растительном мире в систему средств характеристики человека, «расширение и углубление знаний о самом человеке посредством сравнения и сопоставления, поиска и подобия образам реального мира природы – закономерный и обязательный этап развития человеческого знания о себе и носит универсальный характер» [Богуславский, 1994: 190]. Данный вид метафоры находит отражение в виде следующих фразеологизмов: манс. *наскасыг пумтар ат манумты* (букв.: зря травиночку не сорвёт’); рус. *божий одуванчик, тише воды и ниже травы*. Данные фразеологизмы иллюстрируют, что в мансийском и русском языках выявленные фитонимические компоненты относятся к семантической группе *растения* (манс. *пумтар* ‘травиночка’; рус. *одуванчик, трава*), при этом образ *травы* является общим, универсальным фитонимическим образом при репрезентации *доброго* человека в обеих лингвокультурах.

Натуроморфная метафора, основанная на сравнении с явлениями *неживой природы*, в исследуемых языках находит отражение в образах таких фразеологизмов, как: манс. *акв пайтэт этпос, мот пайтэт хотал* ‘добрый (букв.: На одной щеке месяц, на другой щеке солнце)’; *сыме рёг оньси* ‘добрый, внимательный (букв.: сердце = его жар имеет)’; *сыме рёгыу-посыу* ‘добрый (букв.: сердце = его тёплое, светлое)’; *тав тиврет сыстам вит ови* ‘искренний, чистый (букв.: во внутренностях = его чистая вода течёт)’; рус. *идти в огонь и в воду за кого-либо, воды (водой) не замутит*. Представленный материал демонстрирует, что в мансийском языке компоненты *неживой природы* относятся к следующим семантическим группам: *космические объекты* (*Этпос* ‘месяц’, *хотал* ‘солнце’), *физические явления* (*рег* ‘жар, тепло’, *пос* ‘свет’) и *вещества* (*вит* ‘вода’); в русском языке – к семантическим группам *физические явления* (огонь) и *вещества* (вода). В рамках данного вида метафоры универсальным при репрезентации *доброты* человека является образ *воды*. Отметим, что данный вид метафоры более характерен для мансийской ФКМ, что связано с особенностями образа

жизни манси, в первую очередь с природно-климатическими условиями проживания.

Фразеологический материал позволяет установить, что в обоих исследуемых языках в составе фразеологизмов активно реализуется *артефактная* метафора, способствующая представлению, осмыслению, познанию и оценке сущности отвлечённых понятий в опоре на конкретные образы, отсылая нас к предметному, вещному коду традиционных культур манси и русских. По мнению А. П. Чудинова, в языковой картине данная группа метафор наиболее структурирована, поскольку человек реализует себя в создаваемых им вещах – артефактах, и «...созидательный труд – это деятельностьная концептуализация мира» [Чудинов, 2001: 152].

Артефакты неразрывно связаны с человеком в его существовании. Кроме того, «именно в системе артефактов происходят наиболее заметные изменения во времени (новые реалии чаще появляются именно здесь), что делает данную семантическую сферу наиболее активной и подвижной» [Балашова, 1999: 10]. Так, артефактная метафора, отсылающая к предметному, вещному коду традиционной мансийской и русской культур, находит отражение в виде следующих артефактов: манс. *аквтон а́кань колт ёлы* ‘кроткий, тихий (букв.: будто в кукольном домике живёт (находится)»; юи-овыл *ёлысове ауху́нке вёрми* (букв.: последние штаны = свои снять может); юи-овыл *алтихар супе ауху́нке вёрми* (букв.: последнюю нательную рубашку снять может); рус. *как стёклышко, палочка-выручалочка, снять (снимать) с себя последнюю рубашку*.

Таким образом, для объективации образа *доброго* человека используются такие артефакты, как: манс. *а́кань* ‘кукла’, *кол* ‘дом’, *ёлысов* ‘штаны’, *алтихар суп* ‘нательная рубашка»; рус. *стёклышко, палочка, рубашка*. Данные образы мансийского и русского языков универсально представляют собой преимущественно предметы, связанные с хозяйственным бытом и одеждой. Общим в обеих лингвокультурах является образ *рубашки* при репрезентации *доброго* человека, а фразеологизмы юи-овыл *ёлысове* (*алтихар супе*) *ауху́нке вёрми* (букв.: последние штаны = свои (нательную рубашку) снять может) и *снять (снимать) с себя последнюю рубашку* являются эквивалентными.

Универсально в системе фразеологических выражений, репрезентирующих *доброго* человека, присутствует аксиологически маркированный образ пространства, создаваемый в результате концептуализации действительности посредством языка и реализуемый в виде *пространственной метафоры*: манс. *тав тиврет сыстам вит ови* ‘искренний, чистый (букв.: во внутренностях = его чистая вода течёт)’; *вӕннэ ляпат олы* ‘подставляет плечо (букв.: плечо = его близко находится)’; *яныг сым* ‘добрый (букв.: большое сердце)’; рус. *человек большого сердца, человек большой души, широкая душа, широкая натура, идти в огонь и в воду за кого-либо, тише воды и ниже травы* и др. В образном представлении данных ФЕ *большое* символизирует добродетель, чистоту, достоинство; *широкое* символизирует доброту, душевную щедрость, выражает размах, «масштаб».

В мансийском и русском языках находит отражение такой вид концептуальной метафоры, как *антропоморфная*: манс. *ласкат сымпа* ‘добрый (букв.: ласковое сердце имеющий)’; *ёмас сымыу* ‘добрый (букв.: доброе (хорошее) сердце имеющий)’; рус. *доброе сердце, добрая душа, душа-человек, человек доброй (добрейшей) души*.

В ходе анализа при описании *доброго* человека в обоих языках была выявлена *гастрономическая* метафора: манс. *юи-овыл пул ломтэ мыг* (букв.: последний кусочек еды = своей отдаст); (*саюм*) *хӱлыу нӱнь* ‘бесхарактерный; медлительный, вялый (букв.: испорченный) рыбный хлеб (= пирог)’; рус. *из мягкого теста, ни рыба ни мясо*. Данные фразеологизмы являются свидетельством того, что в обоих языках образы *мучных изделий* (манс. *нӱнь* ‘хлеб (пирог)’; рус. *тесто*), а также образ *рыбы* (манс. *хӱл* ‘рыба’; рус. *рыба*) универсально репрезентируют мягкого, слабохарактерного человека.

Общей при вербализации образа *доброго* человека для сопоставляемых языков является *цветовая* метафора: манс. *сӧрниу сым* ‘добрый (букв.: золотое сердце)’; рус. *золотая душа, золотое сердце, красная девица*. Мансийская ФЕ *сӧрниу сым* ‘добрый (букв.: золотое сердце)’ и русская ФЕ *золотое сердце* являются полными эквивалентами. Таким образом, уподобление сердца *доброго* человека *золоту* в мансийском и русском языках

(как по цвету, так и по материалу) свидетельствует об одинаковом видении и членении окружающего мира обоими этносами.

Национально-культурным своеобразием мансийской ЯКМ при репрезентации *доброго* человека является наличие в ней концептуальной метафоры *вместилища*, например: *сыме рѣг ъньси* ‘добрый, внимательный (букв.: сердце = его жар имеет)’; *сымет нѣматыр лѳоль ат ъньси* ‘открытый, искренний (букв.: в сердце = своём ничего плохого не имеет)’; *тав тиврет сыстам вит ови* ‘искренний, чистый (букв.: во внутренностях = его чистая вода течёт)’, а также световой метафоры: *сыме рѣгыньпосыу* ‘добрый (букв.: сердце = его тёплое, светлое)’.

Важными лексическими компонентами, участвующими в образовании фразеологизмов любого языка, являются наименования мифологических, религиозных и др. персонажей. В мансийском языке при репрезентации *доброго человека* нам не удалось зафиксировать каких-либо фразеологизмов с вышеуказанными наименованиями в своём составе. В русском же языке были выделены два фразеологизма с компонентом *бог*: *божий одуванчик*, *божья коровка*, а также ряд фразеологизмов с уже рассмотренным компонентом *ангел*. Бог, являясь смыслообразующим ядром большого количества фразеологизмов, пословиц и поговорок русского языка, отражает монотеистическое представление христиан о единственном и всемогущем создателе Вселенной. В мансийском языке упоминание богов любого ранга без крайней необходимости находится под запретом. В целом для русской лингвокультуры является характерным отображение в ней христианского мировоззрения.

В составе исследуемых фразеологизмов в обоих языках наиболее частотными и продуктивными являются *субстантивные* фразеологизмы, в составе которых используются существительные, обладающие смыслообразующей ролью при формировании фразеологических образов: манс. *пайт* ‘щека’, *ѣтпос* ‘месяц’, *хѳтал* ‘солнце’, *сым* ‘сердце’, *мир* ‘народ, люди’, *пумтар* ‘травиночка’, *хѳтпа* ‘человек’, *нѳврам* ‘ребѳнок’, *рѣг* ‘жар’, *мѳньси* ‘манси’, *лѳтыу* ‘слово’, *тѳвырт (кѳвырт)* ‘внутренности’, *вит* ‘вода’, *ѳкань* ‘кукла’, *кол* ‘дом’, *лылы* ‘душа’, *пул* ‘откус (еды)’, *ломт* ‘кусок’, *ѣлысов* ‘штаны’, *алпихар сун* ‘натель-

ная рубашка', *вӑнн* 'плечо', *кат* 'рука', *нянь* 'хлеб', *няхсям* 'жабры', *суп* 'рот', *нӗлм* 'язык', *сӑнси* 'воробей', *ӧнтас* 'помощь', *карек* 'грех', *суй* 'звук'; рус. *ангел, крылышки, доброта, кротость, сердце, душа, одуванчик, человек, ладонь, тесто, стёклышко, комар, муха, голубь, овца, телёнок, ягнёнок, палочка, выручалочка, натура, плечо, рука, помощь, рубашка, жизнь, огонь, вода, божья коровка, девица, трава, курица, рыба, мясо.*

Имена существительные *сердце, душа, трава, человек, вода, рубашка, плечо, рука и помощь* являются лингвокультурными универсалиями в обоих сопоставляемых языках.

Значительная часть исследуемых фразеологизмов в обоих языках является *адъективной*. В составе данных фразеологизмов используются имена прилагательные, описывающие различные свойства, качества и признаки: манс. *ёмас* 'хороший; добрый', *кӑминьт* 'мягкий', *ласкат* 'щедрый', *рӑгыу* 'тёплый; горячий', *посыу* 'светлый', *сыстам* 'чистый', *сӧрниу* 'золотой', *яныг* 'большой', *юи-ӧвыл* 'последний'; рус. *непорочный, ангельский, божий, добрый (добрейший), золотой, мягкий, кроткий, праведный, святой, большой, чистый, широкий, последний, красный.* Имена прилагательные *хороший, добрый, мягкий, золотой, большой, чистый и последний* являются лингвокультурными универсалиями в обоих сопоставляемых языках.

Менее продуктивными и частотными в обоих исследуемых языках являются *глагольные* фразеологизмы, где глаголы преимущественно выступают в качестве опорных, а не смысловых компонентов.

Злобность как свойство характера находится в состоянии гневного раздражения, недоброжелательности, в агрессивном или тоскливом настроении, осуждать других, питается низшими качествами личности, негативными эмоциями, пагубными страстями и инстинктами, поэтому чаще всего это свойство проявляется в связке с мстительностью, подозрительностью, садизмом, жестокостью, ревностью и ненавистью. *Злобность* может идти от неправильного понимания истины и неудовлетворенных чувств на физическом или эмоциональном уровне. Она воинственно настроена ко всему внешнему миру. *Злобность* всегда является попутчицей зависти, обидчивости и гневливости.

В отличие от быстротечной злости, *злобность* переходит в хроническую стадию, глубоко лежащую в сердце, иными словами, *злобность* – это хроническая злость.

Наиболее злобному характеру человека сопутствуют такие качества, как *злой, свирепый, жестокий, беспощадный, агрессивный*. Описание данных черт характера находит значительное отражение во фразеологизмах исследуемых языков. Так, в мансийском языке свирепый, жестокий человек репрезентируется посредством таких фразеологизмов, как: *тэ́нэ-айнэ Куль* ‘злодей, тиран, деспот (букв.: пожирающий-пьющий Куль)’; *Куль наер а́ги* ‘злая женщина (букв.: Куля духа дочь)’; *канты́н явол* ‘злодей (букв.: злой дьявол)’; *анквы́н тэм* ‘негодяй, злодей (букв.: мать съевший)’; *съя́не-а́се ат салиты* ‘жестокий (букв.: мать-отца не жалеет)’; *сэ́мыл вільтуп* ‘злой, злодей (букв.: с чёрным лицом)’; *сэ́мыл сымпа* ‘злой, злодей (букв.: с чёрным сердцем)’; *сымтáл-мáйттáл* ‘бессердечный, жестокий (букв.: без сердца-печени)’; *тёры́н (кёры́н) вільт* ‘жестокий (букв.: железное лицо)’; *тёр (кёр) сым* ‘злой, жестокий (букв.: железо сердце)’; *тёры́н (кёры́н) хомлах* ‘злодей, негодяй (букв.: железный жук-стригун)’; *кү́тюв хури́па* ‘злой (букв.: собаке подобный)’; *пурхатнэ́ а́мп* ‘злой (букв.: кусающаяся собака)’; *а́кар хури́па* ‘злой (букв.: овчарке подобный)’; *хáрмис хури́па* ‘злой (букв.: быку подобный)’; *тү́лмах хури́па* ‘злой (букв.: росомaxe подобный)’; *куль хури́па* ‘злой, лю́тый (букв.: кулю подобно)’; в русском языке – *зверь зверем, лю́тый зверь, исча́дие ада, волчье сердце, иро́дова ду́ша, бешеная собака, дьяво́льское отро́дье, жесто́кий как зверь, жесто́кий (сви́репый) как волк, зло́й как че́рт, зло́й как соба́ка, зло́й (злобный) как це́пной пёс, зло́й (злобный) как хо́рёк, сата́нинское пле́мя, сата́не в дя́дьки годится, сата́на в ю́бке, че́рт в ю́бке, родно́го от́ца (ма́ть, бра́та) не пожа́леет (не поща́дит)*.

Менее выраженные в плане экспрессии негативные черты человека – хладнокровие, жёсткость, чёрствость, бездушность – в мансийской и русской ФКМ репрезентируется в составе таких фразеологизмов, как: манс. *ма́нь сым* ‘холодный, чёрствый (букв.: маленькое сердце)’; *сы́ме мо́тан* ‘чёрствый (букв.: сердце = его другое)’; *аквто́п сым ат о́ньси* ‘злой (букв.: как будто

сердца не имеет)'; *кант хұрыг* 'постоянно злой человек (букв.: со злостью мешок)'; *кант хусап* 'злой человек (постоянно) (букв.: со злостью короб)'; *кантэ ёт тотылытэ* 'злой (букв.: зло = своё с собой носит)'; *кантэ ляпат дньситэ* 'злой (букв.: зло = своё близко держит)'; *пōлям сым* 'жестокий, бессердечный (букв.: холодное сердце)'; *сымет аквтон яңк поталы* 'жестокый, бессердечный (букв.: в сердце = его будто комок (кусочек) льда)'; *сыме аквтон тыпылтастэ* 'равнодушный, чёрствый (букв.: сердце = своё будто потерял)'; *āмп āги* 'злая (женщина) (букв.: собачья дочь)'; *āмп пыг* 'злой (мужчина) (букв.: собачий сын)'; *āмп вильтуп* 'злой (букв.: с собачьим лицом (мордой))'; *āмп хола* 'негодяй (букв.: собачий мертвец)'; *кантыу Тāнвāрпэквa* 'злая старуха (букв.: злая Танварпэквa)'; *сыме сома хот-хāссыгтавес* 'чёрствый, равнодушный (букв.: сердце = его словно заплесневело)'; *сыме аквтон тув тосас* 'равнодушный, чёрствый (букв.: сердце = его будто высохло)'; рус. *без души (кто), нет сердца, холодное сердце, ледяное сердце, каменное сердце, сердце мхом обросло, чёрная душа, чёрное сердце, чёрствая душа, чёрствое сердце, никому спуску не даёт.*

В рассматриваемых языках коварные, подлые люди, прикидывающиеся добрыми, прячущиеся под маской кротости и способные к предательству, находят отражение в составе следующих фразеологизмов: манс. *лāве (кантэ) туйтнэ хōтна* 'коварный (букв.: лютость (злость) скрывающий человек)'; *хōтна тōпалэ яныг* 'подлый (букв.: человек вредность большая)'; рус. *волк в овечьей шкуре, змея/змеюка/гадюка подколодная, гад ползучий, коварный (хитрый, злобный) как змея (змея).*

Проявление злого, жестокого характера в процессуальных действиях по отношению к другим людям, а также мстительность в мансийской и русской ФКМ представлены такими фразеологизмами, как: манс. *тāн хартуункве* 'вытягивать жилы (букв.: жилы тянуть)'; *кēлп (тēлп) аюункве* 'кровь пить (букв.: кровь пить)'; *лāгыл нēл тальхыл ёл ваңкласаптуункве вēрми* 'подставить ножку (букв.: ноги кончиком носка уронить может)'; *сымум саватан ут* 'мучитель, приносящий страдания некто (букв.: сердце = моё мучающий некто)'; рус. *выжимать пот (из кого), выжимать соки (сок) (из кого), вытягивать все жилы (из*

кого), *высасывать кровь (из кого)*, *выматывать (вытягивать) (все) кишки, подставлять ножку (кому, чему), преградить дорогу (кому), портить всю обедню (кому), вставлять палки в колеса, держать камень за пазухой*. Заметим, что в русском языке данные отрицательные качества человека репрезентированы большим количеством ФЕ.

Грубость, скверность в характере человека проявляется в образах следующих фразеологизмов: манс. *āmp хольт олункве* ‘ссориться постоянно (букв.: собаке подобно жить)’; *āmp хольт пурхатуункве* ‘ссориться (со всеми) (букв.: собаке подобно кушаться)’; *каргуункв хаснэ ут* ‘злой (букв.: рычать умеющий некто)’; *āхвтаc cыm* ‘бессердечный, чёрствый (букв.: камень сердце)’; *āмп вит хāлт олункве* ‘жить в состоянии ссоры, ругани с окружающими (букв.: среди мочи собачьей жить)’; рус. *собачья душа, собачье отродье*.

Среди фразеологизмов мансийского и русского языков имеется ряд устойчивых выражений, которые в своём образном основании указывают на внешние проявления злобного характера человека, например: *сам сюрхилтанкве* ‘злобно смотреть (букв.: глаза суживать (сужить)’; *хāрмис самыл āнкватаункве (сунсуункве)* ‘злобно смотреть (букв.: бычьими глазами смотреть)’; *лёлъ (кантың) самыл сунсуункве (āнкватаункве)* ‘злобно смотреть (букв.: плохими (злыми) глазами смотреть (взглянуть)’; *самаге јлјал сāлэг (пāсгēг)* ‘злобно глядит (букв.: глаза = его огнём вспыхивают (капают)’; *тЭнэ-айнэ ут хольт сунсуункве (āнкватаункве)* ‘злобно, всепожирающе смотреть (букв.: как пожирающее-пьющее существо смотреть (глядеть)’; *самаге тЭгыг-аЭг* ‘злобно, с яростью смотрит (букв.: глаза = его едят-пьют)’; *āмп хольт каргуункве* ‘злобно ругаться (букв.: собаке подобно рычать)’; рус. *бирюком (волком) смотрит (глядит), букой смотрит (глядит), смотрит (глядит) чертом (дьяволом, лешим), смотрит (глядит) зверем, быком (бычком) смотрит (глядит)*.

Таким образом, анализ фразеологизмов мансийского и русского языков позволяет установить, что существенная роль при репрезентации образа *злого* человека принадлежит *соматизмам*, являющимся важными в силу своей универсальности, обусловленной онтогенетическими функциональными свойствами ча-

стей тела человека, компонентами в составе фразеологизмов исследуемых языков. Результаты исследования позволили установить, что почти половина (45,3 %) ФЕ, репрезентирующих образ *злого* человека в мансийском языке, является соматическими фразеологическими единицами, что свидетельствует о том, что слова-названия частей тела в мансийском языке при репрезентации *злого* человека обладают высокой фразеобразовательной активностью. В русском языке доля СФЕ составляет 34 % от общего числа рассмотренных фразеологизмов.

В мансийском языке образ *злого* человека представлен в виде таких *соматических* компонентов, как: *сым* ‘сердце’, *м̄йт* ‘печень’, *в̄льт* ‘лицо’, *сам* ‘глаз’, *л̄гыл* ‘нога’, *т̄ан* ‘сухожилие’, *т̄елп* (*к̄елп*) ‘кровь’. В русском языке в состав исследуемых фразеологизмов входят следующие соматизмы: *сердце*, *душа*, *шкура*, *кишки*, *кровь*, *жилы*, *нога*. В мансийской и русской ЯКМ в составе рассматриваемых ФЕ находят отражение продукты жизнедеятельности человека, напрямую и самым тесным образом связанные с организмом, но при этом не являющиеся соматизмами: манс. *вит* ‘моча’ (ФЕ *а̄мп вит х̄алт олункве* ‘жить в состоянии ссоры, ругани с окружающими (букв.: среди мочи собачьей жить)’; рус. *пот* (ФЕ *выжимать пот* (из кого)).

Универсальными для обоих исследуемых языков при репрезентации образа *злого* человека являются соматизмы *сердце*, *кровь*, *жилы*, *нога*.

Отметим, что *сердце* в обоих исследуемых языках и *душа* в русском языке являются наиболее продуктивными и частотными соматическими компонентами, лежащими в основе образования ФЕ при репрезентации *злого* человека. Как символически маркированный компонент данный соматизм входит в состав 13 фразеологизмов мансийского языка, что составляет 20,4 % от рассмотренного числа. В русском языке выявлено 8 ФЕ с компонентом *сердце* и 5 ФЕ с компонентом *душа*, что составляет 14,3 и 8,9 % соответственно от общего числа ФЕ. В мансийском языке лексема *душа* не находит отражения в составе фразеологизмов, репрезентирующих *злого* человека.

Сердце в образной ФКМ манси, а также *сердце* и *душа* в русской ФКМ при репрезентации образа *злого* человека предстают

как предметы, имеющие определённые физические свойства (температуру, размер), созданные из различных материалов, имеющих определённые характеристики (цвет) и качества.

Так, *сердце* как предмет, имеющий температуру, показывает нам степень эмоционального напряжения, отсутствие/наличие чувств. В мансийском языке *злой* человек репрезентирован фразеологизмами, имеющими в составе компонент *сердце*, наделённое отрицательными температурными характеристиками, например: *пӧлям сым* ‘жестокий, бессердечный (букв.: холодное сердце)’; *сымет аквтоп яӧк поталы* ‘жестокий, бессердечный (букв.: в сердце = его будто (комоч) кусок льда)’. В русском языке для описания *злого*, чёрствого человека также используются фразеологизмы с указанием на отрицательную температуру сердца – *холодное сердце*, *ледяное сердце*.

Сердце в ЯКМ мансийского и русского языков, также как и *душа* в русском языке, обладает размером. В мансийском языке при описании *злого* человека используется фразеологизм *мӧнь сым* ‘холодный, чёрствый (букв.: маленькое сердце)’. В русском же языке для репрезентации *злого* человека фразеологизмов, указывающих на маленький размер *сердца* или *души*, не обнаружено.

Сердце у бессердечного, жестокого человека может быть определено через материал, из которого оно у него создано. Как правило, это твёрдый, холодный, прочный материал. В мансийском языке такими материалами являются *камень*, *лёд* и *железо*: *ӧхвтас сым* ‘бессердечный, чёрствый (букв.: камень сердце)’; *сымет аквтоп яӧк (ӧхвтас, тӧр) поталы* ‘жестокий, бессердечный (букв.: в сердце = его будто комоч (кусоч) (камня, железа) льда)’; *тӧр (кӧр) сым* ‘злой, жестокий (букв.: железо сердце)’. В русском языке сравнения *сердца* с *железом* не обнаружено, но при этом присутствует его сравнение с *камнем* и *льдом*: *каменное сердце*, *ледяное сердце*. Наделение *сердца* характеристиками вышеуказанных материалов указывает на холодность, бездушность, неспособность человека к сопереживанию, сочувствию. К данным фразеологизмам может быть отнесён также фразеологизм *сердце мхом обросло*, семантика которого подразумевает, что в его основе, усиленной сочетанием *мхом обросло*, скрывается образ *камня* или *дерева*.

В исследуемых языках универсально отмечается наделение *злого* человека *сердцем* чёрного цвета: манс. *сѣмыл сымпа* ‘злой, злодей (букв.: чёрное сердце имеющий)’; рус. *чёрное сердце*. Также в русском языке *злой* человек может быть репрезентирован посредством фразеологизма *чёрная душа*.

В мансийском и русском языках фразеологизмы могут представлять образ *злого* человека посредством образного отсутствия *сердца*, а также отсутствия *души* при репрезентации *злого* человека в русском языке: манс. *сымтāl-мāйттāl* ‘злодей (букв.: без сердца-печени)’; *аквтоп сым ат ъньси* ‘злой (букв.: как будто сердца нет)’; рус. *нет сердца, без души*. В обеих ЯКМ образное отсутствие сердца/души выражает отсутствие способности человека чувствовать и ощущать.

При рассмотрении фразеологизмов мансийского и русского языков с соматизмом *сердце* обнаруживается значительное число выражений, совпадающих по компонентному составу и общей оценке, отличающихся в некоторых случаях в оттенках чувств, выражаемых ими. Анализ позволил установить практически полное, за исключением небольшого числа ФЕ, совпадение мансийской и русской ФКМ, что, несомненно, является показателем универсальности, общности их культур. Общей семантикой репрезентирующего компонента *сердце* является единая логика мышления мансийского и русского народов, общая картина мира, в основе которой заложено единство представлений и образов.

Обратимся к рассмотрению функционирования в составе фразеологизмов соматизмов *кровь, жилы и нога*, являющихся универсальными для исследуемых ФКМ.

В основе образов мансийских *тѣлп (кѣлп) аюункве* ‘кровь пить (букв.: кровь пить)’, *тāн хартуункве* ‘вытягивать жилы (букв.: жилы тянуть)’ и соответствующих им русских фразеологизмов *высасывать кровь (из кого)* и *вытягивать жилы (из кого)* лежат древнейшие архетипические оппозиции «жизнь – смерть», «духовное – телесное», «власть – подчинение». Мансийские компоненты данных фразеологизмов *аюункве* ‘пить’; *хартуункве* ‘тянуть’ и эквивалентные им русские *высасывать, вытягивать* соотносятся с антропным (человеческим) кодом культуры, а

компоненты *кровь* и *жилы* – с соматическим (телесным) кодом. В создании образа данных фразеологизмов участвует метафора, уподобляющая действие, направленное на изнурение, истощение душевных или физических сил человека, медленному вытягиванию из его тела жил, что причиняет ему нестерпимую боль и сильные мучения. Подобное значение в русском языке имеют фразеологизмы *выжимать пот* (из кого), *выжимать соки* (сок) (из кого), *выматывать* (вытягивать) (все) кишки, *драть шкуру*.

Мансийский фразеологизм *лӓгыл нӓл тальхыл ёл ванкла-саптуункве вӓрми* ‘подставить ножку (букв.: ноги кончиком носа уронить может)’ и его русский эквивалент *подставлять ножку* (кому) восходят к древнейшим формам осознания мира и соотносятся через компонент нога с телесным кодом культуры, т. е. с совокупностью обусловленных культурой стереотипных представлений о действиях, свойствах, пространственных и временных «измерениях» тела в целом или его частей, которые выступают как источник осмысления человеком мира. Данные фразеологизмы отображают представление о ногах как об основном «средстве», с помощью которого человек передвигается в пространстве, активно осваивает окружающий мир, что указывает на связь пространства, движения и деятельности в их образе. Посредством данных фразеологизмов реализуется пространственная метафора.

Также рассматриваемые фразеологизмы содержат антропоморфную (антропную) метафору, в которой неприятности, умышленно доставляемые какому-либо лицу в процессе осуществления им деятельности, уподобляются незаметно созданной преграде – ноге, подножке, вынужденно приостанавливающей движение человека при перемещении в пространстве. В составе образов фразеологизмов нога воспринимается как препятствие, мешающее человеку в осуществлении какого-либо дела. В целом данные фразеологизмы отображают стереотипное представление о тайном и намеренном нанесении кому-либо вреда, о стремлении помешать в каком-либо деле недобросовестными средствами, что в духовном коде культуры, понимаемом как совокупность нравственных установок и представлений, оценивается негативно. Схожим значением в русском языке обладают фразеологизмы *вставлять палки в колеса*, *дер-*

жать камень за пазухой, портить всю обедню (кому), преградить дорогу (кому).

Соматизмами, носящими национально-культурный оттенок и связанными с этнически маркированными элементами языкового сознания, в мансийском языке являются *мāйт* ‘печень’, *вйльт* ‘лицо’, *сам* ‘глаз’, в русском языке – *душа, шкура, кишки*.

В мансийской ЯКМ соматизм *мāйт* ‘печень’ занимает особое место наряду с соматическим компонентом *сым* ‘сердце’. Печень у манси считается органом, через который выражаются некоторые душевные качества и эмоциональные состояния человека, например: *мāйтум ул пувтэлн* ‘не делай мне больно (букв.: печень = мою не коли)’; *кантум аквтон мāйтумн ёхтыс* ‘сильно разозлился (букв.: злость = моя будто до печени дошла)’ и др. На Руси печень некогда считалась вместилищем жизненной силы [Этимология, 2014], что находит отражение во фразеологизме *сидеть в печёнках*, что буквально означает ‘отравлять жизнь, мешать жизни’.

Соматизм *вйльт* ‘лицо’ в составе мансийских фразеологических единиц, репрезентирующих злого человека, обозначает не только переднюю часть головы человека, но и выступает репрезентантом его психоэмоционального состояния: чувств, эмоций, настроения. В отличие от внутренних органов (сердце, печень), которым обычно отводится эта роль, *лицо* является открытой частью тела человека, доступной прямому наблюдению. Ключевую позицию в усилении семантики данных ФЕ с соматизмом *вйльт* ‘лицо’ занимают компоненты *сэмьл* ‘чёрный’, *тёрыу* (*кёрыу*) ‘железный’ и *āмп* ‘собачий’. Здесь имеет место цветовая символика, поскольку в традиционной культуре манси, как и во многих других, *чёрный* цвет ассоциируется с плохим началом, символизирует отрицательные явления; символика *железа* – с холодным, твёрдым, тяжело поддающимся воздействию материалом; символика собаки – с носителем негативных качеств (грубости, озлобленности, злости).

Важное место на лице человека занимают *глаза*. Они особенно точно передают внутреннее состояние, о чём гласит известная поговорка «Глаза – зеркало души». Данный соматизм в мансийском языке активно используется в составе фразеологизмов

при описании внешнего вида человека, находящегося в состоянии гнева, ярости: *лӱль (кантыӼ) самыл сунсуӼкве (ӱӼкватаӼкве)* ‘злобно смотреть (букв.: смотреть, глядеть плохими (злыми) глазами)’; *самаге тӅгыг-аӅг* ‘злобно, с яростью смотрит (букв.: глаза = его едят-пьют)’; *самаге ӱӱл сӱлӅг (пӱсгӅг)* ‘злобно глядит (букв.: глаза = его огнём вспыхивают (капают)’; *сам сюрхилтаӼкве* ‘смотреть исподлобья (букв.: глаза сузить)’; *хӱр-мис самыл сунсуӼкве (ӱӼкватаӼкве)* ‘злобно глядеть (букв.: бычьими глазами смотреть (глядеть)’. В русском языке в составе фразеологизмов при описании *злого* человека или человека, находящего в состоянии злости, соматизм *глаза* не встречается в явном виде. Указание на *глаза* в неявном, опосредованном виде заключено в составе фразеологизмов *бирюком (волком) смотрит (глядит)*, *букой смотрит (глядит)*, *быком (бычком) смотрит (глядит)*, *волком смотрит (глядит)*, *смотрит (глядит) зверем*, *смотрит (глядит) чертом (дьяволом, лешиим)*, *смотреть ежом*, *смотреть исподлобья*. В данных ФЕ присутствует указание на неприязнь, враждебное, недружелюбное отношение к кому-либо, явно проявляющееся во внешнем виде человека. Подобный фразеологизм имеется и в мансийском языке: *тӅнэ-айнэ ут холът сунсуӼкве (ӱӼкватаӼкве)* ‘злобно, пожирающе глядеть (смотреть) (букв.: как пожирающее-пьющее существо глядеть (смотреть)’.

Таким образом, проведённый анализ позволил выделить наиболее продуктивные и частотные соматические компоненты, которые легли в основу образования ФЕ при репрезентации образа *злого* человека и являются важными составляющими их ФКМ. В мансийском языке таким компонентом является соматизм *сым* ‘сердце’, а также в меньшей мере – соматизмы *вӱльт* ‘лицо’ и *сам* ‘глаз’; в русском языке – соматизмы *сердце* и *душа*, часто употребляющиеся в одном ряду.

Важными лексическими компонентами, участвующими в образовании фразеологизмов любого языка, являются наименования *религиозно-мифологических* и *фольклорных* персонажей.

В состав фразеологизмов мансийского и русского языков входят наименования мифологических существ, олицетворяющих злой и жестокий характер человека. Так, в мансийском

языке были зафиксированы фразеологизмы с компонентом *Куль*, где *Куль* является именем собственным, под которым подразумевается имя высшего бога в пантеоне Нижнего мира манси – *Куль-Õтыр*’а, например: *тәнэ-айнэ Куль* ‘злодей, тиран, деспот (букв.: пожирающий-пьющий Куль)’; *Куль наер āги* ‘Злая женщина (букв.: Куля духа дочь)’. *Куль-Õтыр* в мансийской мифологии является властителем загробного мира, а также злых духов – *кулей* (*хулей*) и болезней, проникающих на землю из преисподней. Он считается младшим братом (иногда – сыном) *Нуми-Тõрум*’а и должен подчиняться высшему богу, ибо даже болезни и смерть существуют по повелению высшего бога, чтобы население земного мира не умножалось слишком быстро.

Кроме того, в мансийском языке был зафиксирован сравнительный фразеологизм *куль хурипа* ‘злой, лютый (букв.: на куля похожий)’ с лексическим компонентом *куль*, где под данной лексемой уже подразумевается общее наименование для злых духов, подчиняемых *Куль-Õтыр*’у и являющихся персонажами низшей мифологии манси. *Кули* в мансийской мифологии для манси представляются врагами человека, являющими собой большую опасность, которая проявляется не столько в наличии у них сверхъестественных сил, а сколько в виде злобных проделок, совершаемых ими. Считается, что *кули* населяют леса и источники (*Вит-куль*), наделены обликом собаки или могут иметь собачью голову. Поверья о них близки и сходны с христианскими поверьями о *чёрте*, образ которого воплощён во фразеологизмах *злой как чёрт*, *чёрт в юбке*, *смотрит (глядит) чертом*. Согласно славянской мифологии *чёрт*, как и *куль* в мансийской мифологии, является злым духом и в сознании носителей русского языка представляет собой угрозу, воплощение злых сил. *Чёрт* является одним из самых популярных персонажей народной демонологии славян. В нём смешались христианские представления о *дьяволе* – враге человеческого рода, сверженном Богом в начале времён с небес в преисподнюю, и древнейшие языческие верования о демонах и духах, населяющих весь мир, ср. ФЕ *дьявольское отродье*, *смотрит (глядит) дьяволом*. В мансийском языке в результате заимствования лексемы *дьявол*

из русского языка возник фразеологизм *кантын явол* ‘злодей (букв.: злой дьявол)’.

В религиозных представлениях русского народа олицетворением зла на земле является *сатана* – главный противник небесных сил, толкающий человека на путь духовной гибели. Данная лексема в русском языке находит отражение в виде фразеологизмов *сатане в дядьки годится*, *сатанинское племя*, *сатана в юбке*. Также для номинации злого человека используется фразеологизм *иродова душа* по имени царя Иудеи Ирода, которому, по Евангелию, приписывается уничтожение всех младенцев с целью убить Христа, который по предсказаниям должен был стать царем Иудеи.

В мансийском языке существует фразеологизм, содержащий в своём составе имя злой мифологической колдуньи *Тāнвārпĕкв’ы*: *кантын Тāнвārпĕква* ‘злая, сердитая (женщина) (букв.: злая Танварпĕква)’. По представлениям манси, *Тāнвārпĕква* (букв.: нити плетущая женщина), являясь злой колдуньей или ведьмой, плела нити из сухожилий живых щенков, а также могла убить человека, зачекотав его до смерти. В русском фольклоре существует известный, подобный *Тāнвārпĕкв’е*, персонаж сказочной мифологии *Баба-яга (баба-яга)*, также являющийся фразеологизмом. Также в составе фразеологизмов русского языка при репрезентации злого, угрюмого, мрачного и необщительного человека были зафиксированы ещё два славянских мифологических персонажа – *бука* и *леший*: *букой смотрит (глядит)*, *смотрит (глядит) лешим*, где *букой* является подвид домового, которым пугают маленьких детей, а *лешим* – дух-хозяин леса.

Таким образом, универсальным образом среди *религиозно-мифологических* и *фольклорных* персонажей при репрезентации злого человека в обоих ЯКМ является образ *дьявола*.

Анализ фразеологизмов, репрезентирующих *злого* человека в мансийской и русской ЯКМ, позволил выявить универсальные и специфичные параметры образности, лежащей в основе метафорических переносов.

Представленный фразеологический материал позволил выделить в рассматриваемых ФКМ *натуроморфную* метафору, в

рамках которой в обоих исследуемых языках универсально были выделены *зооморфная*, *фитоморфная* метафоры и метафора, основанная на сравнении с явлениями *неживой природы*.

Зооморфная метафора в исследуемых языках обнаруживается в виде фразеологизмов, имеющих в составе следующие зоонимические образы: манс. *āкар* ‘овчарка’, *āмп* ‘собака’, *кўтюв* ‘собака’, *тулмах* ‘росомаха’, *хāрмис* ‘бык’, *хомлах* ‘жук-стригун’; рус. *собака*, *пёс*, *волк* (*бирюк*), *овца*, *змея* (*змея*, *змеюка*, *гад*), *гадюка*, *зверь*, *хорёк*, *бык*, *ёж*.

При использовании названий животных в составе фразеологизмов мансийский и русский народы склонны отмечать отрицательные черты значительно чаще, чем положительные. Так, во фразеологизмах, выражающих злой характер человека, в мансийском языке наиболее активно принимает участие зоонимический компонент *собака*, объективируемый посредством лексем *āмп* ‘собака’, *кўтюв* ‘собака’, *āкар* ‘овчарка’. Скрытый, неявный образ *собаки* присутствует и в составе фразеологизмов *каргууэк хаснэ ут* ‘злой (букв.: некто, умеющий рычать)’; *каргын ут* ‘злой (букв.: рычащий некто)’ и др.

Образ *росомахи* у манси является символом злости и коварства, в то время как *бык* – символом необузданной грубой силы, мощи, а также в качестве репрезентации внешнего проявления злобы. *Жук-стригун* ассоциируется со злом в связи с поверьем, что если он запутывается в волосах человека, то совершает *ўрас вāрнут* – плохое предзнаменование (букв. напасти делающее), что является причиной негативных эмоций, связанных с ощущением приближающихся неприятностей.

В русском языке, как и в мансийском, в составе рассматриваемых фразеологизмов чаще всего присутствует также зоонимический компонент *собака* (*пёс*). Помимо данного зоонима хладнокровный, жестокий человек может быть репрезентирован посредством фразеологизмов, имеющих в своём составе зоонимический компонент *волк*. Символом злости, коварства и хитрости в русской ЯКМ является образ *змеи*. В мансийском же языке змея считается священным животным – *ялтыу ўй* ‘змея (букв.: священное животное)’, поэтому использование её образа без существующей на то необходимости находится под запретом.

Жестокость человека в русской ЯКМ находит отражение и в виде фразеологизмов, имеющих в своём составе компонент *зверь*. Хищный, жестокий человек, по представлению русского народа, уподобляется хорьку, а внешнее проявление злости человека находит отражение в составе ФЕ с зоонимическими компонентами *волк (бирюк), бык (бычок), зверь, ёж*.

В связи с вышеизложенным можно прийти к выводу, что во фразеологизмах с компонентом-зоонимом *собака* при репрезентации злого, грубого человека присутствует универсальное, общечеловеческое мировидение манси и русских, что является признаком общности, существующей в их языковом сознании. Именно *собака* является одним из наиболее распространённых домашних животных, активно задействованных в повседневной жизни как мансийского, так и русского человека. Издавна считаясь, с одной стороны, другом человека, с другой стороны, *собака* выступает как носитель негативных качеств, прежде всего, злости и грубости. Универсальным для описания злого человека в сопоставляемых языках является также образ *быка* как носителя грубой, неконтролируемой силы, необузданной мощи, а также символа внешнего проявления злобы, ярости.

Наряду с общекультурными, универсальными компонентами-зоонимами были выявлены зоонимические компоненты, носящие оттенки национально-культурной специфики и связанные с этнически маркированными элементами языкового сознания. В мансийском языке данными зоонимами являются *росомаха* и *жук-стригун*, в русском языке – собственно *зверь, волк (бирюк), змея (гад, гадюка, змей), хорёк, ёж, овца*. Несовпадение данных компонентов может быть обусловлено географическими условиями, мировосприятием народов, ценностями культур и особенностями бытовой жизни. Таким образом, семантические свойства исследуемых ФЕ зависят от семантики зоонима, которая отражает обиходно-эмпирический, исторический и культурный опыт манси и русских, их национальный менталитет, своеобразие оценки окружающего мира.

В то же время необходимо отметить, что в целом в мансийском языке во фразеологизмах, имеющих в составе зоонимический компонент, принимает участие меньшее количество образов животных, репрезентирующих злой характер человека. Объ-

яснение данному факту можно обнаружить в основанных на анимизме традиционных представлениях манси об окружающем мире, согласно которым большое количество животных, в том числе птиц, насекомых, являются священными. Тотемистические их представления предполагают веру в родство той или иной группы кровных родственников (рода) с каким-либо животным (змея, медведь, волк, лошадь, кошка, лиса, бобёр, горноста́й, журавль, лебедь, гусь, сова, филин, чайка, ворон, гагара, синица, лягушка, стрекоза, паук, жук, комар, дождевой червь и др.), в связи с чем возникают запреты убивать и употреблять в пищу таких животных, формируются различные варианты их почитания и даже культы.

Фитоморфная метафора в исследуемых языках реализуется посредством таких фразеологизмов, как: манс. *сыме сома хот-хӓссыгтавес* ‘чёрствый, равнодушный (букв.: сердце = его заплесневело)’; рус. *сердце мхом обросло*. Выявленный в мансийской ФКМ компонент *хассыг* ‘плесень’ относится к семантической группе *грибы*. Отметим, что *грибы* не являются растениями, а относятся к отдельному царству, следовательно, корректнее будет указать, что в данном случае в мансийском языке выявляется не *фито*-, а *биоморфная* метафора. В русском языке выявленный фитонимический компонент *мох* относится к семантической группе *растения*.

Натуроморфная метафора, основанная на сравнении с явлениями *неживой природы*, в исследуемых языках находит отражение в образах таких фразеологизмов, как: манс. *тёрыу (кёрыу) вӓльт* ‘жестокий (букв.: железное лицо)’; *тёр (кёр) сым* ‘злой, жестокий (букв.: железо сердце)’; *тёрыу (кёрыу) хомлах* ‘злодей, негодяй (букв.: железный жук-стригун)’; *сымет аквтон ѓук поталы* ‘жестокий, бессердечный (букв.: в сердце = его будто кусок льда)’; *ӓхвас сым* ‘бессердечный, чёрствый (букв.: каменное сердце)’; *самаге улял сӓлэг (пӓсгег)* ‘злобно глядит (букв.: глаза = его огнём вспыхивают (капают)’; рус. *каменное сердце, ледяное сердце, держать камень за пазухой, преградить дорогу (кому)*.

Представленный материал демонстрирует, что в мансийском языке компоненты *неживой природы* относятся к следующим

семантическим группам: *физические явления* (уля ‘огонь’), *вещества, материалы* (тёр (кёр) ‘железо’), *состояния вещества* (янк ‘лёд’) и *природных объектов* (āхвтаc ‘камень’); в русском языке – к семантическим группам *состояний вещества* (лёд), *природных объектов* (камень) и *пространств* (дорога). В рамках данного вида метафоры универсальными при репрезентации образа злого человека являются образы камня и льда.

В мансийском и русском языках находит отражение такой вид концептуальной метафоры, как *артефактная*: манс. *кант хұрыг* ‘злой человек (постоянно) (букв.: со злом мешок)’; *кант хусап* ‘злой (букв.: со злом короб)’; рус. *сатана в юбке, вставлять палки в колеса*. Таким образом, для объективации образа злого человека используются такие артефакты, как: манс. *кант* ‘мешок’, *хусап* ‘коробка’; рус. *палка, колесо, юбка*. Данные образы мансийского и русского языков универсально представляют собой предметы, связанные с хозяйственным бытом, в русском языке также с одеждой.

Универсально в системе фразеологических выражений, репрезентирующих образ злого человека, присутствует образ пространства, создаваемый в результате концептуализации действительности посредством языка и реализуемый в виде *пространственной метафоры*: манс. *лāгыл нёл тальхыл ёл ванкласаптуункве вёрми* ‘подставить ножку (букв.: ноги кончиком носа уронить может)’; рус. *преградить дорогу (кому), подставлять ножку (кому, чему)*.

В мансийском и русском языках находит отражение такой вид концептуальной метафоры, как *антропоморфная*: манс. *кантэ ляпат дньситэ* ‘злой (букв.: зло = своё близко держит)’; *съяне-āсе ат салиты* ‘жестокий (букв.: мать-отца не жалеет)’; *тан хартуункве* ‘вытягивать жилы (букв.: жилы тянуть)’; *тёлп (кёлп) аюункве* ‘кровь пить (букв.: кровь пить)’ и др.; рус. *родного отца (мать, брата) не пожалеет (не пощадит), сатане в дядьки годится, чёрт в юбке, выматывать (вытягивать) (все) кишки, вытягивать все жилы, высасывать кровь* и др.

В ходе анализа при описании злого человека в обоих языках была выявлена *гастрономическая* метафора: манс. *тэ́нэ-айнэ Куль* ‘злодей, тиран, деспот (букв.: пожирающий-пьющий

Куль)'; *самаге тэгыг-аёг* 'злобно, с яростью смотрит (букв.: глаза = его едят-пьют)'; *тэ́нэ-айнэ ут хольт сунсуукве* (*а́нква-таукве*) 'злобно, всепожирающе смотреть (букв.: как пожирающее-пьющее существо смотреть (глядеть)'; *а́нквын тэм* 'негодяй, злодей (букв.: мать съевший)'; рус. *чёрствая душа, чёрствое сердце, выжимать соки (сок) (из кого), портить всю обедню (кому), высасывать кровь*.

Общей при вербализации образа злого человека для сопоставляемых языков является *цветовая* метафора: манс. *сэ́мыл вильтуп* 'злой, злодей (букв.: с чёрным лицом)'; *сэ́мыл сымпа* 'злой, злодей (букв.: с чёрным сердцем)'; рус. *чёрная душа, чёрное сердце*. Наделение сердца злого человека *чёрным* цветом в мансийском и русском языках свидетельствует об одинаковом видении и членении окружающего мира обоими этносами.

В обеих рассматриваемых ФКМ при репрезентации злого человека *выделена* концептуальная метафора *вместилища*: манс. *сымет аквтон Я́нк поталы* 'жестокий, бессердечный (букв.: в сердце = его будто кусок льда)'; *кант ху́рыг* 'злой человек (постоянно) (букв.: со злом мешок)'; рус. *волк в овечьей шкуре, вставлять палки в колеса, чёрт в юбке, сатана в юбке*.

Фразеологический материал показал, что в мансийском и русском языках при репрезентации злого человека выделяются гендерно маркированные фразеологизмы. Так, злой характер женщины в мансийском языке выражается фразеологизмами, содержащими образы *собаки*, *Ку́л'я* и *Та́нва́рпэ́кв'ы*: *а́мп а́ги* 'злая женщина (букв.: собачья дочь)'; *Ку́ль наер а́ги* 'злая женщина (букв.: Куля духа дочь)'; *кантын Та́нва́рпэ́ква* 'злая, сердитая женщина (букв.: злая Танварпэква)'. Злой характер мужчины представлен единственным фразеологизмом с образной основой *собака*: *а́мп пыг* 'злой мужчина (букв.: собачий сын)'.

В русском языке гендерно маркированными при репрезентации злого характера женщины являются фразеологизмы *Баба-яга (баба-яга)*, *сатана в юбке*, *чёрт в юбке*. Для номинации злого мужчины был выделен единственный фразеологизм, содержащий образную основу *пёс*: *злой (злойный) как цепной пёс*. В обеих ЯКМ отчётливо наблюдается гендерная асимметрия, а

именно в сторону превалирования фразеологизмов, называющих лиц женского пола, а также фразеологизмов, в состав которых входят феминные антропонимы (*Тāнвāрпэквa*, Баба-яга). Таким образом, женщина при репрезентации отрицательной черты характера *злой* в обоих языках выступает объектом маскулинной номинации, то есть именно мужчине отводится более активная роль в лингвокреативной деятельности. Общим, универсальным в составе гендерно маркированных фразеологизмов исследуемых языков является образ *собаки*.

В составе исследуемых фразеологизмов в обоих языках наиболее частотными и продуктивными являются *субстантивные* фразеологизмы, в составе которых используются существительные, обладающие смыслообразующей ролью при формировании фразеологических образов: манс. *сым* ‘сердце’, *мāйт* ‘печень’, *тāн* ‘жила (сухожилие)’, *тёлп* (*кёлп*) ‘кровь’, *сам* ‘глаз’, *вйльт* ‘лицо’, *лāгыл* ‘нога’, *нёл талих* ‘кончик ноги’, *āкар* ‘овчарка’, *āмп* ‘собака’, *кўтюв* ‘собака’, *хомлах* ‘жук-стригун’, *тулмах* ‘росомаха’, *хāрмис* ‘бык’, *ут* ‘существо (некое)’, *хōтпа* ‘человек’, *аука* ‘мать’, *сāнь* ‘мать’, *āсь* ‘отец’, *āги* ‘дочь’, *пыг* ‘сын’, *Тāнвāрпэквa* ‘Танварпэквa’, *Куль* ‘Куль’, *явол* ‘дьявол’, *хола* ‘мертвец’, *уля* ‘огонь’, *тёр* (*кёр*) ‘железо’, *Янук поталы* ‘кусок льда’, *āхвтас* ‘камень’, *кант* ‘зло’, *лав* ‘злость’, *тōпал* ‘вредность’; рус. *сердце*, *душа*, *нога*, *шкура*, *кишки*, *кровь*, *жила*, *пот*, *собака*, *волк*, *зверь*, *хорёк*, *пёс*, *змея*, *змея*, *змеюка*, *гадюка*, *гад*, *ёж*, *бык*, *бирюк*, *отец*, *мать*, *брат*, *дядька*, *баба*, *племя*, *отродье*, *исчадие*, *сатана*, *чёрт*, *дьявол*, *леший*, *бука*, *ад*, *мох*, *юбка*, *палка*, *колесо*, *сок*, *камень*, *пазуха*, *обедня*, *дорога*.

Имена существительные *сердце*, *кровь*, *жила (сухожилие)*, *нога*, *собака*, *бык*, *мать*, *отец*, *дьявол*, *камень* являются лингвокультурными универсалиями в обоих сопоставляемых языках.

Значительная часть исследуемых фразеологизмов в обоих языках является *адъективной*, что является особенно характерным для русского языка. В составе данных фразеологизмов используются имена прилагательные, описывающие различные свойства, качества и признаки: манс. *āмп* ‘собачий’, *хāрмис* ‘бычий’, *каргыу* ‘рычащий’, *кантыу* ‘злой’, *лйль* ‘плохой’, *пōлям* ‘холодный’, *тёрыу* (*кёрыу*) ‘железный’, *āхвтас* ‘каменный’,

сЭмыл ‘чёрный’, мōтан ‘другой’, мāнь ‘маленький’, яныг ‘большой’; рус. *собачий, волчий, бешеный, овечий, подколодный, ползучий, злой, злобный, жестокий, коварный, хитрый, свирепый, лютой, холодный, каменный, ледяной, чёрный, чёрствый, дьявольский, иродов, сатанинский*. Имена прилагательные *собачий, злой, холодный, каменный, чёрный* являются лингвокультурными универсалиями в обоих сопоставляемых языках.

Менее продуктивными и частотными в обоих исследуемых языках являются *глагольные* фразеологизмы, где глаголы преимущественно выступают в качестве опорных, а не смысловых компонентов.

Результатами проведённого анализа фразеологизмов при репрезентации образов *доброго* и *злого* человека в мансийской и русской ФКМ являются следующие выводы:

1) Согласно универсальным представлениям манси и русских, *добрым* является человек, обладающий мягким сердцем, внимательно относящийся к людям и в целом к окружающему миру. *Добрый* человек не способен кого-либо обидеть или навредить чему-либо, всегда готов оказать всяческую поддержку, подставить плечо, протянуть руку помощи даже в ущерб себе и отдать последнее во благо других людей. Под последним подразумевается не только материальное: мансийский человек готов поплатиться ради других своим сердцем, душой и жизнью, русский человек – своей жизнью. *Добрый* человек отличается чистотой помыслов и поступков, искренностью и великодушием, а также обладает такими качествами, как незлобивость, спокойность, тихость, кротость. Однако кротость, вытекающая из излишней мягкости, слабых характерности или бесхарактерности, у представителей обеих культур вызывает неодобрение.

В соответствии с проанализированным материалом в мансийской лингвокультуре *добрый* человек представляется безотказным, безропотным, в то же время обладает горячим и светлым сердцем. По нравственной чистоте такой человек уподобляется ребёнку, а также сравнивается по доброте с представителями своего народа, что, по-нашему мнению, подчёркивает природную доброту мансийского народа в целом.

Добрый человек в русском языке представляется совершенно открытым, с душой нараспашку, не замеченным ни в каких предосудительных делах. Религиозность, непорочность, невинность, добродетель, любовь к ближнему, смирение, жертвенность русского народа, сформированные православием, являются основной доминантой русского национального самосознания, что не могло не найти отражения в ФКМ при репрезентации образа *доброго* человека.

Злым, согласно универсальным представлениям манси и русских, в первую очередь является человек, у которого нет сердца, равнодушно и холодно относящийся к людям и в целом к окружающему миру. Представляется, что *злой* человек наделён дурными помыслами и намерениями и может совершать по отношению к окружающим действия, направленные на изнурение, истощение их душевных или физических сил, что может причинять им нестерпимую боль и сильные мучения, при этом подобные действия могут быть направлены даже на самых ближайших родственников. *Злой* человек в обеих ФКМ наделяется качествами различных животных – хищных и домашних. По представлениям манси и русских, жестокий, бессердечный человек обладает также каменным, холодным и даже ледяным сердцем, не способным к проявлению каких-либо добрых чувств или эмоций. Для *злого* человека характерны такие отрицательные качества, как чёрствость, бездушность, коварство, подлость и т. п. Семантика рассмотренных фразеологизмов позволяет отметить, что *злой* человек постоянно находится в состоянии вражды, ссор с окружающими, что чаще фиксируется в мансийской ФКМ. Более характерной для русской ФКМ является вербализация образа *злого* человека, помимо злобы, наделённого хитростью и коварством.

Таким образом, при репрезентации образов *доброго* и *злого* человека в мансийском и русском языках посредством фразеологизмов отмечается значительное сходство их семантики.

2) Понятие *доброты* и *злобности* в обоих языках обнаруживает высокую степень языковой репрезентации на фразеологическом уровне, что свидетельствует о её значимости в обеих лингвокультурах; фразеология как составная часть ЯКМ является одним из значимых источников интерпретации характера че-

ловека в плане реализации его национально-культурной специфики. В целом анализ фразеологизмов, характеризующих характер человека в дихотомии «добрый – злой», позволяет констатировать, что его оценочная номинация более обширно представлена в русском, чем в мансийском языке. Русская ФКМ располагает большим количеством средств для репрезентации образов *доброго* и *злого* человека;

3) Исследуемые ФКМ имеют поликодовый характер. При репрезентации образа *доброго* человека они связаны с такими кодами культуры, как соматический, цветовой, природный, растительный, антропный, пространственный, гастрономический и предметный, при этом в мансийской ФКМ отмечается тяготение к природному коду. Помимо универсальных в русском языке присутствует также зооморфный код культуры.

При репрезентации образа *злого* человека сопоставляемые ФКМ универсально связаны с соматическим, цветовым, природным, биоморфным, антропным, пространственным, гастрономическим и предметным кодами, при этом в русской ФКМ отмечается тяготение к зооморфному коду.

4) Основным средством создания образности ФЕ мансийского и русского языков при репрезентации образов *доброго* и *злого* человека является метафора.

Постоянными моделями, являющимися общими для сопоставляемых языков при репрезентации образа *доброго* человека, являются цветовая, гастрономическая, антропоморфная, пространственная, артефактная, фитоморфная и метафора неживой природы. Помимо универсальных в мансийском языке была выделена концептуальная метафора вместилища.

Моделями, являющимися общими для сопоставляемых языков при репрезентации образа *злого* человека, являются цветовая, гастрономическая, антропоморфная, пространственная, артефактная, биоморфная, а также метафора вместилища и неживой природы.

5) В результате анализа рассматриваемых мансийских и русских ФЕ было установлено, что общечеловеческое мировидение мансийского и русского народов при репрезентации образа *доброго* человека выявляется в довольно существенном количестве образов, представленных в виде:

– соматических компонентов: *сердце, душа, плечо, рука*. При этом универсальным является образ *сердца*, являющегося *большим, чистым и золотым*;

– зоонимических образов: общечеловеческое мировидение присутствует только при репрезентации *бесхарактерного* человека во фразеологизмах с зоонимическим компонентом *рыба*. Универсальным также является собирательный образ *птицы* (манс. *съяуси* ‘воробушек’; рус. *голубь, курица*) при репрезентации *слабохарактерного* человека в мансийской и *кроткого* человека в русской ЯКМ;

– фитонимических образов: общим образом является *травы*: в мансийском языке для обозначения человека, не способного причинить вред окружающей природе и людям; в русском – при репрезентации крайне тихого, спокойного, застенчивого человека;

– образов неживой природы: универсальным при репрезентации красоты человека является образ *воды*;

– цветообозначений: в обоих языках сердце *доброго* человека уподоблено *золоту*;

– артефактов: общим в обеих лингвокультурах является образ *рубашки* при репрезентации человека, готового отдать последнее в пользу других, а также образ *мучных изделий* (манс. *нянь* ‘хлеб (пирог)’; рус. *тесто*) и образ *рыбы* при обозначении мягкого, слабохарактерного человека.

Лингвокультурными универсалиями для обоих языков являются также лексемы *человек, помощь, хороший (добрый), мягкий, последний*. В целом наиболее многочисленными базовыми лексемами-репрезентантами *доброго* человека в составе мансийского языка является *сым* ‘сердце’ (37,1 %), в составе русского языка – *душа* (25 %), *сердце* (11,4 %) и *ангел* (13,6 %).

Общечеловеческое мировидение манси и русских при репрезентации образа *злого* человека также выявляется посредством существенного количества образов в виде:

– соматических компонентов: *сердце, кровь, жилы, нога*. При этом универсальным является образ *сердца*, являющегося *холодным, каменным и чёрным*;

– зоонимических образов: *собака*, с одной стороны, являющаяся другом человека, с другой стороны, выступающая как

носитель негативных качеств – озлобленности, злости, грубости; *бык* как носитель грубой, неконтролируемой силы, необузданной мощи, а также как символ внешнего проявления злобы, ярости;

– образов неживой природы: универсальным при репрезентации злого человека являются образы *камня* и *льда*;

– религиозно-мифологических персонажей: образ *дьявола* как репрезентант крайне злого, жестокого человека;

– цветообозначений: в обеих ФКМ сердце злого человека представляется *чёрным*.

Лингвокультурными универсалиями для обоих языков являются также лексемы *мать*, *отец*, *злой*. Наиболее многочисленными базовыми лексемами-репрезентантами злого человека в мансийском языке являются *сым* ‘сердце’ (24,5 %) и *āмп* ‘собака’ (20,8 %); в русском языке – *сердце* (14,3 %), а также *душа*, *собака*, *волк* и *злой* (злойный) (по 8,9 %).

Несмотря на внешнее сходство и даже частичное совпадение некоторых вышеперечисленных образных основ, в сопоставляемых языках в значительной части случаев выявляется их значительное лексическое, а также коннотативное несоответствие. Таким образом, большинство рассматриваемых ФЕ мансийского и русского языков, репрезентирующих образ *доброго* и *злого* человека, обладает ярко выраженными национально-культурными чертами.

Различия в восприятии и интерпретации тех или иных образов в составе мансийских и русских фразеологизмов можно объяснить действием не только объективного фактора, который состоит из природных и культурных реалий, характерных для одного народа и отсутствующих у другого, но и субъективного, который заключается в самой произвольной избирательности, основанной на разной трактовке одной и той же реалии во фразеологии исследуемых языков. Иными словами, исследование семантики ФЕ свидетельствует об их значительной антропоцентрической роли в отражении действительности и в общей системе номинативной деятельности языка, о возможности вербальной передачи средствами фразеологии характера человека представителями мансийской и русской культур.

В то же время, рассмотрев универсальные и специфические особенности фразеологизмов, репрезентирующих образы *добро-го* и *злого* человека, можно прийти к выводу, что выявленные совпадения в образных картинах мира мансийского и русского языков являются неизбежными как в силу единства человеческого феномена, так и в результате частичного совпадения картины объективной реальности.

Список литературы и источников

1. Байсаров Б. С. Вопросы психологии характера. – М.: Ашхабад, 1976. – 56 с.
2. Балашова Л. В. Роль метафоризации в становлении и развитии лексико-семантической системы (на материале русского языка XI–XIV вв.): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Саратов, 1999. – 42 с.
3. Богуславский В. М. Человек в зеркале русского языка, культуры и литературы. – М.: Космополис, 1994. – 237 с.
4. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. – М.: Наука, 1983. – 413 с.
5. Герасимова Д. В. Фразеологизмы в мансийском (вогульском) языке // *Ugor Műhely: előadások*, Budapest, Szeptember, 17–19, 1997. – Budapest, 1997. – С. 13–23.
6. Герасимова Д. В., Богдановская Н. В. Мансийские фразеологизмы в зеркале русской фразеологии // Теория и практика образования в контексте отечественной культуры: тезисы 11 докладов и сообщений VIII Международной конференции «Ребенок в современном мире. Отечество и дети», 18–20 апреля 2001. – СПб., 2001а. – С. 526–529.
7. Герасимова Д. В., Богдановская Н. В. Русско-мансийские фразеологические соответствия в учебниках нового поколения // Теория и практика образования в контексте отечественной культуры: тезисы докладов и сообщений VIII Международной конференции «Ребенок в современном мире. Отечество и дети». 18–20 апреля 2001. – СПб., 2001б. – С. 522–526.
8. Герасимова Д. В., Богдановская Н. В. Фразеологизмы в русском и мансийском языках (сопоставительный анализ) // Русский язык в диалоге культур народов России в год

А. С. Пушкина: материалы Всероссийской конференции. – СПб., 1999. – С. 157–159.

9. ГЭМ(В) – Героический эпос манси (вогулов): Песни святых покровителей / Сост. Е. И. Ромбандеева. – Ханты-Мансийск: Принт-Класс, 2010. – 648 с.

10. Динисламова О. Ю. «Внешний человек» во фразеологической картине мира манси // Вестник угроведения. – 2016. – № 1 (24). – С. 23–29.

11. Динисламова О. Ю. Антропоцентризм языка и его отражение во фразеологии мансийского и русского языков (на примере фразеологизмов с оценкой интеллектуальных качеств человека) // Вестник угроведения. – 2018. – Т. 8, № 2. – С. 229–248.

12. Динисламова О. Ю. Фразеологическая картина мира народа манси // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2013. – № 2. – С. 29–34.

13. Динисламова О. Ю. Функционирование лингвокультурного концепта *сьм* ‘сердце’ в мансийской языковой картине мира // Проблемы и перспективы социально-экономического и этнокультурного развития коренных малочисленных народов Севера: сб. ст. науч.-практ. конф. с междуна. участием, посвящённой 25-летию Обско-угорского института прикладных исследований и разработок (Ханты-Мансийск, 25 ноября 2016). Ч. 1: Филологические исследования. – Тюмень: Формат, 2017а. – С. 106–125.

14. Динисламова О. Ю. Языковая репрезентация базовой эмоции ‘гнев’ в мансийской фразеологической картине мира // Вестник угроведения. – 2017б. – № 3 (30). – С. 28–35.

15. Динисламова О. Ю. Языковая репрезентация базовой эмоции ‘страх’ в мансийском языке (на материале соматических фразеологических единиц) // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2017в. – Т. 11. № 4. – С. 7–19.

16. Динисламова О. Ю. Языковая репрезентация базовых эмоций ‘радость’, ‘печаль’ в мансийской языковой картине мира (на материале соматических фразеологизмов) // Вестник угроведения. – 2017г. – № 2 (29). – С. 19–30.

17. Динисламова О. Ю. Языковая репрезентация характера человека в мансийском и русском языках (на материале фразеологических единиц, характеризующих доброго человека) // Еже-

годник финно-угорских исследований. – 2018. – Т. 12. № 3. – С. 6–21.

18. Жуков А. В. Переходные фразеологические явления в русском языке. – Нижний Новгород: НовГУ, 1996. – 132 с.

19. 3Б – Закон божий для семьи и школы / Сост. протоиерей Серафим Слободский. – Нижний Новгород: Братство во имя св. князя Александра Невского, 2003. – 628 с.

20. Именитые богатыри Обского края. Книга вторая. – Ханты-Мансийск: Юграфика, 2012. – 171 с.

21. Именитые богатыри Обского края. Книга третья. – Ханты-Мансийск: Югорский формат, 2015. – 204 с.

22. Именитые богатыри Обского края. Книга четвёртая / Под ред. С. С. Динисламовой. – Тюмень: Формат. 2018. – 214 с.

23. Именитые богатыри Обского края. – Ханты-Мансийск: ИИЦ ЮГУ, 2010. – 150 с.

24. Каксин А. Д. Устойчивые сочетания на базе соматической лексики как предмет когнитивной лингвистики // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2011. – № 1 (13). – С. 11–15.

25. Кильдибекова Т. А., Зиганшина Г. Х. Базисные содержательные характеристики концепта «характер человека» // Вестник Башкирского университета. – 2011. – Т. 16. № 3. – С. 1028–1032.

26. Кузнецова А. И. Диахроническая информация лингвистического и экстралингвистического характера во фразеологии обско-угорских и самодийских языков (на примере идиоматических эвфемизмов) // *Finnisch-Ugrische Mitteilungen*. – Hamburg: Helmut Buske, Bd. 23. Verlag, 2001. – S. 99–103.

27. МЭПМ(В) – Медвежьи эпические песни манси (вогулов) / Е. И. Ромбандеева. – Ханты-Мансийск: Принт-Класс, 2012. – 658 с.

28. Миляхова Ю. Г., Соловар В. Н. Национально-культурные особенности языковых единиц сферы психоэмоционального состояния и поведения человека (на материале шурышкарского и казымского диалектов хантыйского языка) // Вестник угроведения. – 2013. – № 2 (12). – С. 44–49.

29. МСПМ(В) – Мифы, сказки, предания манси (вогулов) / Сост. Е. И. Ромбандеева. – Новосибирск: Наука, 2005. – 475 с.

(Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 26).

30.НСРЯ – Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. 2-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 2001. – Т. 1: А–О. – 1232 с. (Б-ка словарей рус. яз.).

31.Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.

32.Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка. – Воронеж: Истоки, 2006. – 227 с.

33.Попова З. Д., Стернин И. А. Язык и национальная картина мира. – Воронеж: Истоки, 2003. – 60 с.

34.Психологический словарь / Под. ред. В. В. Давыдова, А. В. Запорожца, Б. Ф. Ломова и др. – М.: Педагогика, 1983. – 448 с.

35.Психология: Учебник для педагогических вузов / Под ред. Б. А. Сосновского. – М.: Высшее образование, 2008. – 660 с.

36.Радбиль Т. Б. Основы изучения языкового менталитета: учеб. пособие. – М.: Флинта; Наука, 2010. – 328 с.

37.РМС – Русско-мансийский словарь: учеб. пособие для уч-ся 5–9 кл. общеобраз. учрежд. – СПб.: Миралл, 2005. – 360 с.

38.Рябчикова З. С. Соматическая лексика хантыйского языка: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – СПб., 2008. – 24 с.

39.Серасхова М. Е. Зоонимы во фразеологии хантыйского языка приуральского диалекта // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2013. – № 7. – С. 214–216.

40.Серасхова М. Е. Фразеологические соматизмы в хантыйском (приуральский диалект) и английском языках // Духовно-нравственные пути этнокультурного развития Югры: языки, история, культура. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2007. – С. 75–80.

41.Серасхова М. Е. Фразеологическое поле хантыйского языка (приуральский диалект) // Вестник Югорского государственного университета. – 2010. – № 3 (18). – С. 10–15.

42.СМРИРМ – Словарь мансийско-русский и русско-мансийский: Пособие для учащихся начальной школы / Е. И. Ромбандеева, Е. А. Кузакова. – Л.: Просвещение, 1982. – 360 с.

43.Соловар В. Н., Миляхова Ю. Г. Диалектные фразеологизмы хантыйского языка // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: материалы XV Всерос. науч. конф. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2015. – С. 261–263.

44.Соловар В. Н. Особенности семантики фразеологизмов с компонентом «сердце» в хантыйском и тюркских языках // Тюркская филология в XXI веке: проблемы и перспективы: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (г. Sterlitaмак, 21.03.2014). – Sterlitaмак: Башкирский гос. ун-т, 2014. – С. 169–172.

45.Соловар В. Н. Семантика фразеологизмов-соматизмов с компонентом сым/сӓм ‘сердце’ в обско-угорских языках // Финно-угорский мир. – 2017. – № 4. – С. 65–70.

46.Соловар В. Н. Соматическая лексика хантыйского языка (на материале хантыйского языка) // Финно-угроведение. – 1998. – № 1–2. – С. 51–56.

47.Соловар В. Н. Соматическая фразеология в хантыйском языке // Перспективные направления развития в современном финно-угроведении: тезисы Международной научной конференции (Москва, 18–19 ноября 1997 года). – М.: Диалог-МГУ, 1997. – С. 81–82.

48.Соловар В. Н. Соматические фразеологизмы хантыйского языка // *Lingvistica Uralica*. – Таллин, 1999а. – № 4. – С. 286–290.

49.Соловар В. Н. Фразеологизмы с соматическим компонентом в хантыйском языке // *Linguistica Uralica*. – 1999б. – XXXV. № 4. – С. 286–290.

50.Соловар В. Н. Фразеологизмы хантыйского языка, связанные с укладом жизни и обычаями // *Congressus Nomus Internationalis Fenno-Ugristarum*. – Tartu, 2000. Past II. – С. 272.

51.Соловар В. Н. Фразеологизмы хантыйского языка, связанные с укладом жизни и обычаями: материалы IX Международного конгресса финно-угроведов. – Tartu: Universitas Tartuensis, 2001. – Т. 6. – С. 240–243.

52. Соловар В. Н., Молданова Е. С. Номинации человека по внутренним параметрам (на материале казымского диалекта хантыйского языка) // Вестник угроведения. – 2011. – № 3 (6). – С. 33–37.

53. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология: учеб. для студентов вузов. 3-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 368 с.

54. Столяренко Л. Д. Основы психологии. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2005. – С. 298–306.

55. Сязи А. А. Лексико-семантические отношения сомонимов ох «голова» в хантыйском языке (шурышкарский диалект) // Духовно-нравственные пути этнокультурного развития Югры: языки, история, культура. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2007. – С. 90–93.

56. Сязи А. А. Соматизмы в составе фразеологизмов хантыйского языка: материалы XXIII международной конференции финно-угорских студентов. Ч. 1. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2008а. – С. 236–239.

57. Сязи А. А. Сомоним *сэм* «глаз» в составе фразеологизмов хантыйского языка (на материале шурышкарского языка) // Материалы третьей научно-практической конференции, посвящённой памяти А. А. Дунина-Горковича. – Нижневартовск: Издательский дом «Югорский», 2008б. – С. 69.

58. Сязи А. А. Соматическая лексика хантыйского языка (на материале шурышкарского и ваховского диалектов) // «Сородичи, я не таю прекрасное от ваших взоров...»: матер. науч.-практ. конф. с международным участием, посвящённой юбилею М. К. Вагатовой (Волдиной). – Ханты-Мансийск: Информационно-издательский центр, 2009. – С. 346–340.

59. Сязи А. А., Соловар В. Н. Словообразовательная структура и сочетаемость хантыйских сомонимов // «Сородичи, я не таю прекрасное от ваших взоров...»: матер. науч.-практ. конф. с междун. участием, посвящённой юбилею М. К. Вагатовой (Волдиной). – Ханты-Мансийск: Информационно-издательский центр, 2009. – С. 350–354.

60. Теория Н. И. Жинкина об особых кодах внутренней речи. 21.08.2015 г. URL: <https://lektsia.com/1x5a37.html> (дата обращения: 03.12.2018).

61. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово, 2000. – 624 с.
62. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка. Современная редакция. – М.: Дом Славянской книги, 2009. – 960 с.
63. ФСРЛЯ – Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13 000 фразеологических единиц / А. И. Федоров. – М.: Астрель, АСТ, 2008. – 880 с.
64. ФСРЯ – Фразеологический словарь русского языка / Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров; под ред. А. И. Молоткова. – М.: Русский язык, 1986. – 543 с.
65. ФССРЛЯ – Фразеологический словарь современного русского литературного языка: более 35 000 фразеол. единиц: в 2 т. / А. В. Королькова, А. Г. Ломов, А. Н. Тихонов; под ред. А. Н. Тихонова. – М.: Флинта, Наука, 2004. – 830 с.
66. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. – 238 с.
67. Шиянова А. А. Сомонимы *ёш* «рука», *кър* «нога», *съм* «сердце» хантыйского языка в лексико-семантическом аспекте (на материале шурышкарского диалекта) // Актуальные научные проблемы: Сборник научных трудов. – Екатеринбург: ИП Бируля Н. И., 2011. – С. 109–110.
68. Этимология некоторых русских поговорок. 27 мая 2014 г. URL: <https://www.liveinternet.ru/users/ladaivanova/post340283705> (дата обращения: 05.12.2018).

С. Д. Дядюн

ХАНТЫЙСКИЕ СКАЗКИ КАК СРЕДСТВО НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ

Аннотация. В последнее время наблюдается значительный интерес к применению метода сказкотерапии как одного из методов учебно-воспитательной работы с детьми дошкольного возраста. Сказкотерапия помогает скорректировать поведение, избавляет от страхов и способствует здоровому психо-эмоциональному развитию и нравственному воспитанию детей. Целью нашего исследования является анализ хантыйской детской сказки и ее влияния на развитие личности ребенка.

Ключевые слова: сказкотерапия, сказка, воспитание, символы, психология.

Сказкотерапия – это способ врачевания детской души, который является самым увлекательным, безопасным и безболезненным. Посредством сказок формируется некий жизненный сценарий человека.

Сказочные образы представляют собой язык символов, который близок нашему подсознанию. Эти символы пришли к нам из глубины веков и представляют собой результат работы исторического коллективного разума.

Детские сказки помогают ребенку выстраивать свой внутренний мир с подсознанием. Ребенок для себя не только определяет тот или иной тип поведения, но учится преодолевать различные ситуации. Это очень важно в психологическом плане, так как довольно часто главный герой попадает в опасные ситуации, когда рядом нет родных, которые могли бы помочь или подсказать, что ему делать. Описываемое поведение всегда активное и предполагает какое-то действие: главный герой побеждает зло и выходит из любой ситуации, т. к. он не бежит от опасности, а начинает активно действовать. Ребенок сопереживает герою, проживает вместе с ним в воображении все опасности. Это помогает значительно уменьшить страхи ребенка, повысить его самооценку, уверенность в своих силах и может пригодиться в жизни.

Во всех народных сказках психологи определяют чрезвычайно важные идеи. Окружающий мир – живой. В любой момент все может заговорить с нами. Идея важна для формирования бережного отношения к тому, что нас окружает, например: *Мэнь не венипи кярэц сәһхәма йухәтлән, тон не венипи кярэц сәһхәма йухәтлән* ‘К высокому берегу с лицом невесты придешь, к высокому берегу с лицом драгоценной женщины придешь’ [Кань кунш олаң, 1997: 36].

Ожившие объекты окружающего мира способны действовать самостоятельно, они имеют право на собственную жизнь. Таким образом, формируется чувство принятия другой реальности, другого мира. Собственно, для народа ханты в сказке нет неживых предметов: *Тепәллә хәтәл хуца мәнәс. Хәтәл пәлә лупәл: «Хәтлүйә, нәһ муй, йәна, вөн?»*. «*Вөнсмән ма ши вөлләм*». «*Ши ки вөн, – лупәл, – муйа пәләнән ләп төлүйән?*» – «*Пәлән хуты вөн*». ‘Пошёл Желудочек к солнцу и спрашивает: «Солнышко, ты, правда, великое?». Солнце отвечает: «Да, я живу со своим величием». «Если ты такое великое, – говорит, – то тогда почему тебя тучи закрывают?» – «Туча более могучая, чем я»’ [Тепәллә, 2012: 3]. Ситуация «вокруг сказки» очень живо отображает саму сказку: налицо «солнышко», внезапно стянувшее кожу Желудочка; налицо «туча», которая закрывает вдруг солнышко, это важные для ребенка «вещи» в целом; может быть, непонятные ребенку, но в итоге он начинает обращать внимание на природные явления. Разделение добра, зла, победа добра: поддержание бодрости духа, развитие стремления к лучшему, т. е. морально-нравственное развитие. При помощи сказки ребенку легче объяснить, что такое «хорошо» и что такое «плохо», т. к. герои делятся на две категории: хорошие и плохие. Эта особенность сказок играет большую и значимую роль в воспитании детей. Данные нравственные понятия закрепляются в реальной жизни и оказывают сильное влияние на становление взаимоотношений между ребенком и другими людьми. Отрицательные персонажи в сказках всегда получают наказание: *Щиты имәнән икәнән хәйәп вуйән ши шакәнсәнән. Хәнтәт щиты лупләт: «Хәйәп вуйән әл шакна*». *Тәм йасән лупләт, хөн хәннәхә вәра щәкәр* ‘Так муж с женой жиром кулика и захлебнулись. Есть народная поговорка: «Не захлебнись жиром кулика» – употреб-

ляется тогда, когда человек проявляет чрезмерную скупость' [Хайэпле, 2017: 3].

Вокруг нас множество помощников, и они придут нам на помощь, если мы не сможем справиться с заданием сами. Например: *Вөл нўша-нўша икилэнки, лўв ци шөкән-шөкән, хәтәл ләты ләтут нўл төп вөйтыйәл. Имәлтыйән вөлман па тураса ци йис. Йәтән вөлма питәс, и ики лўв пәләлә ци пүтәртәл: «Нәң хөн вөнта шөкәңлән? Нәң тәлта вўрты вөй, питы вөй вәлты питлән!»* 'Жил бедный-бедный мужичок, он с таким трудом находил себе пропитание. Однажды ему и жить-то надоело. Ночью ему сон приснился, один мужчина ему говорит: «До каких пор ты будешь бедствовать? Теперь ты красного зверя, черного зверя будешь добывать!»' [Касум мув моньшат-путрат, 2002: 244]. Идея важна для формирования чувства самостоятельности, а также доверия к окружающему миру.

Сказки о животных восприняли формулы вымысла из анимистических и антропоморфических представлений и понятий людей, приписывавших животным способность думать, говорить и разумно действовать [Аникин, 2004: 450]. Ребенка «привлекают животные, наделенные антропоморфными свойствами – теми или иными качествами человека (жадностью, глупостью, хитростью, ленью). В сказке осуждаются отрицательные черты животных» [Капица, 2002: 78], например, следующий текст учит ребенка трудолюбию: Чайка и Дятел были друзьями. Дятел, перед тем как улететь в теплые края, попросил Чайку подготовить нитки для плетения сетей, чтобы ловить рыбу. Каждое утро Чайка откладывала работу на следующий день, и в итоге друзья остались без запасов, после чего поссорились [Муй щирн Хонрайэн ухәл вўрта йис, 2016: 3–4]. Кроме воспитания трудолюбия в сказке присутствует описание времен года, также в тексте имеются воспитательные моменты и в сфере материальной культуры, а именно необходимость подготовки рыболовных снарядов в зимнее время.

В сказке *Хуты лауки кәби пила вөсүнән* 'Как белка с котом жила' показана подготовка к строительству жилища. При этом учитываются и физиологические особенности животных, воспитание уважения к окружающему миру, например: *Мәнәм лавәрт*

нух хөңхийэлты. Ицка йил, йошлам потлайэт. Мув хот вөрлэмэн 'Мне тяжело будет наверх залазить. Холодно станет, лапки мои будут замерзать. Давай построим землянку' [Monset navgremeta, 1935: 3].

Сильное эмоциональное впечатление на детей производит сказка *Көккөк* 'Кукушка' [Ханты моньшат, 1991: 3], в которой мать превратилась в кукушку, оставив своих непослушных детей. Хантыйские дети стараются во всем помогать родителям по хозяйству, испытывают уважение к родителям.

В бытовых сказках *Панне* 'Налим' [Сказки Иныревой, 2016: 36]; *Хумэсвөл семийэ па Турэн сэвийэ* 'Ягодка-клюквинка и Травяная косичка' [Хантыйский язык, 1995: 175]; *Вўлы дўв олэу па Вурна* 'Оленья косточка и Ворона' [Ханты моньшат, 1991: 2] рассказывается о превратностях семейной жизни, показаны способы разрешения конфликтных ситуаций. Сказки формируют здоровое отношение к невзгодам. Они состоят из отдельных эпизодов: их отличительная особенность – комический эффект, например: *Кэв нўтэн йицк кавэрти питэм артэн, Вурналэуки цухэл вўс эвэлт кэв нўт лыпийа еслэмтэс. Еслэммал йупийэн, и нўш төп ўтылэс: «Карр!»*. И каврэм йицка цив ицўнкэрсэ 'Как только вода закипела, Ворона прыгнула с отверстия чужала в котел. Успела только крикнуть: «Карр!» – и сварилась'; *Уллотэн омсам Хумэсвөл семийэл, ньэхэн йухэтса. Шци ньэхэс, ци ньэхэс, хунэл пелки похнэс* 'На сидящую на кровати Клюквинку смех напал. До того хохотала, хохотала, что живот лопнул'.

Сказки о хантыйских народных героях можно отнести и к психотерапевтическим. В них раскрывается глубинный смысл происходящих событий. Многие из них посвящены проблемам жизни и смерти. Они могут быть адресованы детям, если нужно объяснить потерю близкого человека, смерть родителей. Любимый детьми народный сказочный герой *Ими хилы* – мальчик-сирота.

Сказки о падчерицах имеют общее содержание.

Рассмотрим более поздний вариант сказки «*Йив эви*» [Сказки Иныревой, 2016: 70], по своему сюжету он сходен с известной русской сказкой «Морозко». Мачеха отправляет мужа отвести падчерицу куда-нибудь в лес, при этом не дает в дорогу девушке ни огня, ни ножа, ни топора – того, без чего в лесу человеку не

обойтись. Отец соорудил дочери в лесу домик, оставил там девочку. К девушке приходит в гости лесной человек, в итоге женится на ней. Мачеха отправляет мужа за «останками» дочери, и тот возвращается от дочери с наполненными мешками мяса и еды. Затем мачеха отправляет свою родную дочь, снаряжая ее приданым: «огонь в дорогу дала, чашки, котлы, ножи, топоры». В завершении сюжета дочь мачехи погибает.

Здесь мы сталкиваемся с «брачным соревнованием» [Неклюдов, 2002] между дочерью мачехи и падчерицы. Исходя из этого, можно говорить о том, что падчерица-сирота составляет основу отдельной группы сюжетов, нежели сирота-пасынок, сирота мужского пола.

В сказках типа «Йив эви» падчерица в лесу встречает жениха. Подарки от него она получает за то, что ведет диалог с ним правильно. Мачеха ей завидует и отправляет в лес свою дочь. Та ведет себя при встрече иначе, чем падчерица, поэтому погибает.

Эти сюжетные подтипы объединяет ритуальный диалог-испытание для девушек. В первом случае надо правильно ответить на вопросы суженого, во втором – протянуть время до рассвета.

Сирота получает награду за свою вежливость и доброту, а мачехина дочка карается за грубость.

В сказках, в которых падчерица встречается в лесу с лесным жителем, важно то, что падчерица получает награду за знание некоторого этикета, умение вести ритуальный диалог» [Сказки Иныревой, 2016: 70].

Практически всегда сказка начинается с какой-нибудь «беды» – для начала – это нарушение запрета: *Ими хи́лы ма́нты вўратэ́л тыйэ́н йухан тый пс́ла. Имэ́л ими лупэ́л: «А́л ма́на, йэ́ллы ма́нам ар вөс, йухлы йўвэм шимэ́л вөс»* ‘Тетиному племяннику захотелось отправиться в верховья реки. Тетя говорит: «Не ходи, много народу уходило в ту сторону, обратно мало кто возвращался»’.

Для хантыйских детей, живущих на стойбищах, в родовых угодьях, важно не заблудиться в лесу, и часто сказка дает понять, что если нарушается запрет, то можно попасть в очень опасные ситуации.

Дети терпеть не могут наставлений, а сказка раскрывает все напрямую, в ней нет никаких нравоучений, но есть интересные образы. И поэтому жизненно важная информация усваивается ребенком произвольно и незаметно.

Сказка дает ребенку возможность почувствовать новые ощущения и пережить новые ситуации, а это лучший способ уйти от ежедневной рутины и скуки. Такие легкие эмоциональные встряски очень полезны для становления детской психики и благотворно действуют на нервную систему ребенка.

Детские сказки активно развивают детское воображение и образное мышление. Они учат ребенка сопереживать чужому горю и разделять радость других. Также помогают ребенку различать, где настоящая действительность, а где выдумка, формируя, таким образом, критическое отношение как к сказочным, так и к жизненным ситуациям. Психологи отмечают и положительную роль сказок в установлении доверительных отношений между ребенком и родителями.

Польза сказок в воспитании детей понятна, но нужно учитывать возраст и психологическое развитие ребенка при выборе того или иного текста. Они оказывают сильное эмоциональное воздействие на малыша. Ребенок начинает задавать вопросы, кто он, откуда он взялся, и откуда вообще появился этот мир. Сказки дают детям множество ответов на самые различные вопросы и уверенность, что рано или поздно все закончится хорошо.

Список литературы и источников

1. Аникин В. П. Русское устное народное творчество: учеб. для вузов – М.: Высшая школа, 2004. – 735 с.
2. Кань кунш о́йяң: материалы Ханты-Мансийского окружного научно-фольклорного фонда. Вып. 1. – Ханты-Мансийск: Полиграфист, 1997. – 148 с.
3. Капица Ф. С., Колядич Т. М. Русский детский фольклор: учебное пособие для студентов вузов. – М.: Флинта; Наука, 2002. – 320 с.
4. Касум мув моньшат-путрат. Сказки-рассказы Земли Казымской / С. С. Успенская. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. – 292 с.

5. Муй щирэн Хоңхрайэн ухэл вўрта йис. Почему у Дятла голова красная. Хантыйская народная сказка (казымский диалект) / Сост., пер. на рус. яз. С. Д. Дядюн; ред. хант. текста д. филолог. наук В. Н. Соловар; пер. на англ. яз. М. Г. Волдина; ред. англ. текста Т. Г. Соловар. – Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2016. – 12 с.

6. Неклюдов С. Ю. Сирота в фольклоре / Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. – М.: Лаборатория фольклористики РГГУ, 2002. – URL: <https://ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/TROFIM2.htm/> (дата обращения: 25.02.2018).

7. Сказки Иныревой Екатерины Григорьевны (казымский диалект хантыйского языка) / Сост., пер. на рус. яз. С. Д. Дядюн; ред. д. филолог. н. В. Н. Соловар. – Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2016. – 80 с.

8. Тепэллє. Хантыйская народная сказка / Перевод на русский язык В. Н. Соловар; перевод на английский язык А. А. Бурыкина. – Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2012. – 16 с.

9. Хайэплє. Куличок. Хантыйская народная сказка (казымский диалект) / Сост., пер. на рус. яз. С. Д. Дядюн; ред. д. филол. н. В. Н. Соловар; пер. на англ. яз. А. Н. Нурмухаметов; ред. англ. текста Л. А. Андреева. – Ханты-Мансийск, Тюмень: Форумат, 2017. – 12 с.

10. Ханты моньсят (хантыйские сказки) / Е. Н. Вожакова. – Ханты-Мансийск: Ханты-Мансийская типография, 1991. – 25 с.

11. Хантыйский язык: Учеб. для 5 кл. (казым. диалект) / Г. А. Обатина, Т. Я. Прокина. – СПб.: Ленингр. отд-ние изд-ва «Просвещение», 1995. – 175 с.

12. Monset navremeta. D. V. Zalgberg i N. F. Pritkova. Hanti joh evlt hassajen. Horet A. K. Borovskajan Versajet. Detizdat-Leningrad, 1935. – 30 с.

О СПЕЦИФИКЕ МОДАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ КАЗЫМСКОГО ДИАЛЕКТА)

Аннотация. В статье указываются возможные в естественных языках черты, или признаки, модальной системы (включающей в т. ч. и средства выражения модальности). Модальность трактуется как сложнопостроенная функционально-семантическая категория, включающая множество частных значений (за исключением эвиденциальных). Проводится анализ разговорных фраз и их соответствий на письме (то есть предложений). В рамках данной статьи соотношение речи и текста (письма) рассматривается диалектически: они не противопоставляются, признаются различными, самостоятельными формами бытования языка, но при этом подчеркивается, что речь по определению интонационно богаче: письмо не располагает знаками для адекватного и полного отражения всех нюансов произношения. Проводится мысль о том, что основой точного выражения любого из модальных значений является интонационный контур фразы, различный при выражении (высказывании) утверждения, пожелания, согласия, запрета, возможности, необходимости, долженствования и других установок, исходящих от говорящего лица. На примере модальных частиц и имен, функционирующих в казымском диалекте хантыйского языка, определяются основные специфические признаки модальной системы того или иного языка (или группы языков): определенный состав (набор) наклонений; доля морфологических средств выражения модальности; соотношение лексических и грамматических средств выражения субъективной модальности; характер правил создания сложных модальных единиц из простых (и комбинирования тех и других); характер привлекаемых дополнительных средств для усиления или трансформации определенного модального значения. В качестве фактического материала служат полевые записи автора (сделанные в период 1985–2001 гг.).

Ключевые слова: система языка, средства выражения модальности, наклонение, модальные слова и частицы, функционирование языковых единиц, казымский диалект хантыйского языка

Введение

Специфика системно обусловленного функционирования средств выражения модальности в речи и тексте – актуальная проблема общего и финно-угорского языкознания. Большинство лингвистов, изучавших категорию модальности, полагали ее

сложное устройство и, значит, системность. Уже в разграничении объективной и субъективной модальности, дальнейшем их «дроблении» (и соотнесении выявленных разновидностей со средствами выражения) в неявном виде содержится указание на наличие целостной системы:

«Семантический объем субъективной модальности шире семантического объема объективной модальности; значения, составляющие содержание категории субъективной модальности, неоднородны... Средства субъективной модальности функционируют как модификаторы основной модальной квалификации, выраженной глагольным наклонением...» [Ляпон, 1990: 303].

В общем языкознании принято и так указывать два «центра консолидации» внутри зоны модальности:

«Это, во-первых, *отношение говорящего к ситуации* (или “оценка”) и, во-вторых, *статус ситуации по отношению к реальному миру* (или “ирреальность”)» [Плунгян, 2000: 309].

Авторы коллективной работы, выполненной в русле функционально-семантической грамматики (А. В. Бондарко и др.), также придерживаются широкой трактовки модальности, включая в эту сферу все выявленные ими типы модальных значений (исключая только значение утверждения / отрицания). Широко понимать модальность в данном случае помогает теория поля, в котором выделяются ядро и периферия. Далее в этой модели функциональной грамматики на передний план выдвигается анализ типовых категориальных ситуаций [Темпоральность&Модальность, 1990].

А вот как о системе глагола, после замечаний о системности языка в целом, писала выдающийся лингвист М. И. Черемисина:

«Грамматика представляет строение этой системы примерно так: сначала все множество форм глагола делится на два подмножества, на финитные и инфинитные, или личные и неличные, формы. Затем личные формы распределяются на формы наклонений: индикатив противостоит косвенным наклонениям» [Черемисина, 1998: 65].

Общие сведения о системе модальных средств в казымском диалекте хантыйского языка. Модальные частицы

Средств выражения модальности (в любом языке) достаточно много: интонационных, лексических, грамматических, смешан-

ных. Основным выразителем объективной модальности является глагольное наклонение; средства выражения субъективной модальности – более разнообразны. В названном выше энциклопедическом словаре они перечислены в следующем виде: специальный лексико-грамматический класс слов (как правило, вводных); модальные частицы; междометия; интонационные средства; специальный порядок слов; специальные (синтаксические) конструкции [Ляпон, 1990: 303]. В дальнейшем изложении, для развития вышеприведенных положений, на примере модальных частиц и имен, функционирующих в казымском диалекте хантыйского языка, определяются основные признаки (свойства) системы средств выражения модальности в казымском диалекте хантыйского языка.

Вопросы, связанные с выражением модальности в хантыйском языке, уже были в центре внимания лингвистов [см., напр.: Черемисина, 1986; Кошкарева, 1986, 2004; Черемисина, Ковган, 1989; Соловар, 1990, 1998; Черемисина, Соловар, 1995; Николаева, 1995; Каксин, 1996; Csepregi, 1999; Salo, 2001], хотя в указанных работах проблема специфики искомой системы и не выделялась специально.

В хантыйском языке, как и во всех других языках, модальная система сложна и многообразна; в ней находят выражение все типы модальных значений, в том числе: значения абсолютной и сравнительной оценки (аксиологические модусы), значения запретного и разрешенного (деонтические модусы), желательного и нежелательного (оптативные модусы), возможного и невозможного (алетические модусы), известного и неизвестного (эпистемические модусы). Важно заметить, что часто в контексте проблем модальности обсуждаются эпистемические значения известного и неизвестного, которые при другом взгляде выводятся из модальной сферы и рассматриваются как образующие отдельную категорию – категорию эвиденциальности. В отношении хантыйского языка мы придерживаемся этой, другой, точки зрения, т. е. эвиденциальные значения рассматриваем отдельно, как составляющие другой категории. При выделении модальных значений за инвариант принимается объективная модальность – значения времени и реальности / ирреальности, заключенные в замкнутой системе абстрактных синтаксических категорий времени и наклонения. Затем к ним относятся субъек-

тивно-модальные значения, которые выражают отношение говорящего к содержанию высказывания. Все виды модальности соотносятся со средствами различных уровней языка – интонацией, лексикой, синтаксическими конструкциями, некоторыми другими.

Очевидно, что любое из значений субъективной модальности можно выразить лексическими средствами того или иного языка. Кроме модальных глаголов и предикативов, в каждом языке имеется достаточное количество модальных лексем, относящихся к другим частям речи, но больше всего бывает неизменяемых слов, часто – сложносоставных, именуемых в грамматиках частицами. Системность языка проявляется и в том, что большинство этих единиц – полифункциональные: у них, безусловно, есть основная функция, но они же, в соответствующем контексте, могут иметь другое значение (выполнять другую роль).

Модальные частицы очень разнообразны по своему значению. Ниже перечисляются основные семантические группы модальных частиц хантыйского языка.

1) Частицы, выражающие сомнение и/или определенную уверенность: *verapa* ‘вряд ли’, *met* ‘хоть; хоть так; если так’ и др. Примеры: *verapa motorl šūkalas* ‘вряд ли мотор сломался’, *tāmχätl ja verapa jerta jil* ‘сегодня-то вряд ли пойдет дождь’, *met šorap, muχsanlat vujaŋat in* ‘хорошо хоть, что муксуны жирные нынче’, *met χöntti, ma isi juχtijllum* ‘если так, я тоже как-нибудь зайду’.

2) Частицы, выражающие неуверенность или недоверие: *χutaś* ‘что-то’, *pele* ‘ли; вроде’, *jina pele* ‘точно ли’ и др. Примеры: *tāmχätl χutaś melak* ‘сегодня что-то тепло (более тепло, чем ожидалось)’, *hiv χutaś tāmχätl keŋk* ‘он что-то сегодня строгий (что непохоже на него)’, *hiv pele šäta lol* ‘не он ли там стоит’, *jina pele šäχa juχatlat* ‘точно ли потом придут они’.

3) Частицы, выражающие предположение: *ši äntō* ‘вероятно, может быть’, *al* ‘наверное, может быть’ и др. Примеры: *ši äntō, hōrum šōpa šōšumsaŋan* ‘может быть, и через болото пошагали’, *al mānas in utem, ma hūvti!..* ‘наверное, пошел он, мой любезный, (вот) я его!..’

4) Частицы, выражающие убежденность (при поддержке соответствующей интонацией), а также удивление, восхищение: *ši!* ‘ну, конечно, несомненно, вот же’, *χōn!* ‘конечно, конечно,

не', *ānχōn!* 'конечно', *māna!* 'ты смотри-ка!' и др. Примеры: *śi, in jātm śajem jañśemum!* 'ну, конечно, чай мой замечательный выпили!', *śi pa mūltijlmen nāŋ, śi χurasup utem vōlmen!* 'вот, каким же ты уродился, мой хороший, ненаглядный!'; *lūv śimaś χōn, jātm-atum χotl śi tājlalle* 'она не такая, конечно: плохо ли – хорошо ли, дом содержит'; *pa śi luphum, ānχōn, lūv nūχtatala, lūv nemalt ānt tištal!* 'снова говорю: конечно, он и пустится в дорогу, ему все нипочем!'; *māna, muj kem śos vōnta omasmev!* 'смотри-ка, до какого часа сидели!'

5) Частицы, выражающие пожелание или безразличное отношение к выбору: *keši* 'ради' (совпадает с послелогом, обычно употребляется форма 1 л.), *at lōlŋ* 'хоть бы', *lōlŋ* 'бы; что бы не' и др. Примеры: *ma keši isa at ul* 'по мне, все время пусть спит', *ma kešama at pa juχatl* 'по мне, пусть и не приходит'; *at lōlŋ mānl* 'хоть бы ушел', *at lōlŋ vujumla* 'хоть бы уснул'; *lūw lōlŋ χōχat'l'al* 'что бы ему не сбегать', *nāŋ lōlŋ vantlen* 'тебе бы посмотреть его'.

6) Частицы, выражающие допущение, позволение: *at* 'пускай, пусть', *at kāj* 'да пусть' и др. Примеры: *at omasl* 'пускай сидит', *at ul* 'пусть спит', *at aŋśeml* 'пусть обзывается'; *at kāj jertlajum, iśimurt tātmχātł pōsantijlti* 'да пусть меня дождем намочит, все равно сегодня стирать придется'.

7) Частицы, выражающие побуждение к действию: *sār* '-ка', *ja* 'же' и др. Эти частицы употребляются, как правило, после императивных форм и обычно вносят оттенок нетерпеливого, усиленного побуждения: *omsa sār* 'сядь-ка', *vūje sār* 'возьми-ка его', *māna ja* 'иди же', *katle ja* 'держи же его'.

Рассматривая функционирование частиц, прежде других можно сделать следующий вывод: основой точного выражения любого из модальных значений является интонационный контур фразы, различный при выражении (высказывании) утверждения, пожелания, согласия, запрета, возможности, необходимости, долженствования и других установок, исходящих от говорящего лица.

Именные слова в системе модальных средств в хантыйском языке

Модальные слова являются средством выражения отношения говорящего к содержанию высказывания, к способу выражения

мысли и входят в состав средств выражения субъективных смыслов. Их целесообразно рассматривать именно как части речи: модальные глаголы, модальные существительные, модальные частицы. Частицы были рассмотрены выше, теперь обратимся к именам существительным с модальной семантикой. В русском языке это отвлеченные существительные типа *желание, возможность, необходимость* и т. п. С их помощью строятся конструкции типа: *Если есть желание, после обеда можно позагорать*; *Заходите – есть необходимость поговорить*. Но в русском языке все-таки более частотны конструкции с финитными формами модальных глаголов и с модальными предикативами: *Если хотите, после обеда можем позагорать*; *Заходите – нам необходимо поговорить*.

В хантыйском языке похожие конструкции предпочтительнее строить с помощью модальных существительных. Вот несколько хантыйских загадок, в которых встретились модальные существительные.

Si ver ki, śi pūl ki āntōm vōs, mūv sot mir, mir śuras mir vōlti śirel āntōm vōs (pānt pos jūχat) ‘(Если) не было бы его, не было бы их, то не могли бы люди жить (вехи)’ = ‘Не было бы его, не было бы их, то людям бы не было **возможности** жить (вехи)’.

Aren kiñśi ar suχumn lāp talum. Tōp śi suχmat poχla pōχalti śir āntōm (ñimsar imi pilt) ‘Дерево обвито множеством нитей. Только эти нити нельзя намотать в клубок (паутина)’ = ‘Только эти нити нет **возможности** намотать в клубок (паутина)’.

Pa mūv elti tūvum ut uχał uš pa kūrał uš āntōm (pušaχ) ‘Из далеких стран в привезенном предмете не узнать ни головы, ни ног (яйцо)’ = ‘Из далеких стран привезенное нечто – нет **возможности** узнать, где у него голова, нет **возможности** узнать, где у него ноги (яйцо)’.

Конструкции такого типа передают значения оптативности, возможности, необходимости. Их структуру составляют инфинитив смыслового глагола (с зависимыми словами и детерминантами), абстрактное именное слово и конечное сказуемое.

Хотя именное слово является вполне абстрактным, все же оно сохраняет известную степень лексического значения, функционируя в то же время в сфере «имя существительное как часть речи, обозначающая предмет (в широком смысле слова)».

В качестве стабильного компонента выступает инфинитив основного смыслового глагола (форма на *-ti*), который может иметь при себе зависимые слова.

Относительно переменным является компонент, который в конструкции является главным сказуемым. В качестве главного предиката могут выступать отрицание *äntö* ‘нет’, формы бытийного глагола: *võl* ‘есть’, *võs* ‘было’, *äntõm võs* ‘не было’. К именному слову с относительно абстрактным значением присоединяются обычно лично-притяжательные аффиксы, выражающие лицо – число субъекта действия. В определенных случаях (при обобщении) этот суффикс отсутствует.

Наиболее употребительными являются следующие именные слова (существительные): *kaš* ‘желание, охота’, *võir* ‘стремление, внимание’, *šom* ‘сила, физическая возможность’, *kõs* ‘выносливость, способность’, *piš* ‘возможность, способность’, *šir* ‘манера, способность’, *kem* ‘возможность’, *kõm* ‘ограниченная возможность’, *ver* ‘умение, желание, стремление, способность; необходимость’.

Слово *uj* ‘удача, счастье, талант’ также способно участвовать в создании предложений с модальным значением, со значением «внутренней» возможности (узуальной и актуальной):

Met šopañ kũrañ voj pavatti vera uj täjs ‘Честно говоря, он был чрезвычайно удачлив в добывании лося’ (букв.: лося добывать большую *удачу* имел).

Näj ujenan, mosañ, mätta xũl velluman ‘Благодаря твоей удачливости, может, какую-нибудь рыбу поймает’.

В этом примере значение субъективной уверенности вносится не столько модальным словом *mosañ* ‘может быть, может’ (оно как раз вносит оттенок сомнения), сколько упоминанием об удачливости на рыбалке собеседника. При опущении вводного *mosañ* ‘может быть, может’ значение уверенности сохраняется, даже и при введении других модальных компонентов, например, частицы *lõlñ* ‘бы’:

Näj ujenan mätta xũl velluman lõlñ ‘Благодаря твоей удачливости какую-нибудь рыбу поймает’.

Слово *numas* ‘ум; мысль’ также часто употребляется в модальных контекстах; прежде всего, оно способно участвовать в создании предложений со значением намерения, желания (или отсутствия такового):

Lŭŋ kŏrtema jăŋx-ti numas tăj-l-um ‘В летнюю деревню свою съездить думаю (имею намерение)’.

Ma lapkaja măn-ti numas ăn tăjłum ‘Я в магазин идти не намерен’.

Таким образом, модальные слова, выражающие субъективную модальность, обозначают различные оттенки отношения высказываемой мысли к действительности как возможной, вероятной, проблематичной, предполагаемой. Это также различные оценочные значения, характеристика высказывания с точки зрения его достоверности или недостоверности, выражение степени уверенности говорящего в своих словах и т. п. Для выражения этих значений и служат в хантыйском языке именные слова (и производные от них слова других частей речи) типа *kaš* ‘желание’, *kašaŋ* ‘желательный; желанный’, *kăšnarant* ‘надо же как’. В тексте модальные значения часто выражаются комбинированными (прежде всего – лексико-синтаксическими) средствами.

Заключение

Подводя итоги исследования, отметим три отдельных способа выражения модальности, или три типа конструкций, служащих для передачи модальных значений в хантыйском языке. В первую группу входят конструкции с модальными частицами и глаголами (а также словами других частей речи). В этом случае модальные слова функционируют как члены предложения (или находятся в составе члена предложения) или выполняют функцию вводных компонентов:

Xoj muj keman veritas, ši keman luv širal sajlati jasaŋ jastas ‘Кто как **мог**, так и говорил’.

*Olaŋŋ lŭv lupas: tăm jisn xănti jasaŋa vŏntijłti havremat ănt veritlat tŏsijeva rŏt jasaŋan putartti, vante, itŏx bukvajt xănti širn sašlat, šit pătı **mošł** kašaŋ bukva sašti širn lešatti* ‘И сначала она сказала: «В настоящее время дети, изучающие хантыйский язык, **не могут** правильно говорить на хантыйском языке, потому что некоторые буквы имеют специфическую звуковую основу; поэтому **необходимо** каждой буквой один соответствующий звук передавать».

Обратим внимание на то, что в модальном значении возможности в хантыйском языке стал употребляться глагол *verat-* ‘мочь’ (производный от именного слова *ver-* ‘дело’), ранее пре-

имущественно употреблявшийся в своем первом значении: *verat-* ‘одолеть, осилить’. Теперь его широкое употребление в модальном значении, кажется, выходит на первый план. Так же, как стало тенденцией употреблять модальный предикатив *räxl* ‘можно’ (от глагола *räx-* ‘оказаться годным, подходящим’) в другом модальном значении, в значении необходимости: *räxl* ‘надо, нужно, необходимо’ и *räx-* ‘быть нужным, необходимым’:

Šaxa räxal jastati: janapa xoјatat ulmel, janapa voj täјmel; јana turam täјmel; јana ulampsa täјmel; лuv muvelan, лuv јinјelan, neš, ulti хоšmel, moństi хоšmel! ‘Затем **необходимо** сказать: действительно, люди так жили, оказывается, оленей держали, небу поклонялись, хорошо жили; на своей земле, оказывается, жить умели, сказывать умели’.

Šalta luv јasanјal evalt uša јis, хuti mўn јoxlўva vўn mirхot pu-rajн röpitti most pa muјsar verat јelli јāmalli räxl ‘Из его речей стало ясно, как нашим людям нужно работать во время большого собрания, и какие дела дальше улучшать **необходимо**’.

Tām хätl ši räxl хоlpat vantti ‘В такой день **надо** сети **проверять**’.

Если в первом случае семантика необходимости выражена не очень отчетливо, то во втором и третьем случаях она настолько явная, что можно говорить о высокой степени необходимости – о долженствовании. Впрочем, семантическое расхождение между хант. *(ān) most* ‘(не) нужно’ и *(ān) räxl* ‘можно/ нельзя’ проявляется в большинстве случаев, и не только в тех примерах, где они оказываются рядом:

Kāšaja ānt јiti pāta јoš luńsaхn јāma nuх l’uхatti pa kavartum јinјk јaństi most; һar һuхi pa kapaн pušхat јāma kavartti, mўvn pa јўхn enumti putalet šeнk kavrum јinјkan šošumti pa ši јўpiјn räxl leti ‘Чтобы не заболеть, мыть руки с мылом и пить кипяченую воду **необходимо**; сырое мясо и яйца долго варить, овощи, фрукты и ягоды обдавать кипятком, и только после этого **следует** (можно) есть’.

Вторую группу составляют конструкции с модальными существительными типа *ver* ‘дело’, *šom* ‘возможность, сила’, *piš* ‘возможность’. Они более специфичны в хантыйском языке (по сравнению с другими языками), чем предложения с обычными

модальными и вводно-модальными словами. Предназначены они в основном для выражения различных оттенков возможности, необходимости, долженствования (см. выше).

В третью группу входят конструкции, выражающие разную степень достоверности, и это конструкции с предикативами типа *nili* ‘кажется’, *pele* ‘вроде (бы)’, *χurasup* ‘похоже (что)’. Такой тип конструкции есть во многих языках агглютинативного строя, но именно в хантыйском языке он наиболее широко употребляется для выражения оттенков значения предположения (различных степеней достоверности / недостоверности).

Все названные группы модальных средств хантыйского языка образуют систему: все группы равны по степени значимости и употребительности, потому что приспособлены для выражения различных модальных значений. В свою очередь существование именно такой равновесной системы выражения модальности (и с таким набором средств, между которыми распределены различные функции), предопределено спецификой хантыйского языка. Если проводить сравнения, можно заметить, что существенных отличий от системы, представленной, скажем, в русском языке, нет. Однако это положение верно, если речь идет только о наборе средств выражения. Внутреннее устройство, распределение функций между разными средствами в том и другом языке, конечно, различно. Эта разность в свою очередь обусловлена характером (типом) соотношения категорий модальности и эвиденциальности в этих языках: в хантыйском языке названные категории разделяются уже на уровне глагольных форм наклонения, а в русском – очень сильно переплетены, и часто выражаются одними и теми же средствами. Пожалуй, только фразовая интонация однозначно выражает либо модальное, либо эвиденциальное значение.

Список литературы и источников

1. Каксин А. Д. Способы выражения достоверности в казымском диалекте хантыйского языка // *Linguistica Uralica*. – 1996. XXXII. № 4. – С. 278–282.
2. Кошкарева Н. Б. Модальное сказуемое в хантыйском языке (на материале казымского диалекта) // *Компоненты предложения (на материале языков разных систем)*. – Новосибирск: РИО Новосиб. гос. ун-т, 1986. – С. 33–38.

3. Кошкарева Н. Б. Способы выражения модус-диктумных отношений в уральских языках Сибири (на материале хантыйского и ненецкого языков). // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. Т. 3. Вып. 1. Филология. – Новосибирск, 2004. – С. 49–63.

4. Ляпон М. В. Модальность // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. редактор В. Н. Ярцева. – М.: Изд-во «Сов. энцикл.», Ин-т языкознания АН СССР, 1990. – С. 303–304.

5. Николаева И. А. Обдорский диалект хантыйского языка. – М.; Гамбург: Herstellung: Copi Shop, 1995. – 256 с.

6. Плунгян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 384 с.

7. Соловар В. Н. Средства выражения отрицания в хантыйском предложении // Морфология глагола и структура предложения (Сборник научных трудов). – Новосибирск: Управление делами Сибирского отделения АН СССР, 1990. – С. 93–99.

8. Соловар В. Н. Соматическая лексика хантыйского языка (на материале казымского диалекта) // Финно-угроведение. – 1998. – № 1–2. – С. 51–56.

9. Темпоральность. Модальность / Под общей редакцией А. В. Бондарко. – Л.: Наука, 1990. – 264 с.

10. Черемисина М. И. О системе спряжения хантыйского глагола // Языки народов севера Сибири: сборник научных трудов. – Новосибирск: РИО Новосиб. гос. ун-т, 1986. – С. 3–19.

11. Черемисина М. И. Язык как явление действительности и объект лингвистики / Новосибирский государственный университет. – Новосибирск: РИО Новосиб. гос. ун-т, 1998. – 128 с.

12. Черемисина М. И., Ковган Е. В. Хантыйский глагол: Методические указания к курсу «Общее языкознание». – Новосибирск: РИО Новосиб. гос. ун-т, 1989. – 50 с.

13. Черемисина М. И., Соловар В. Н. Выражение сравнения в хантыйском языке // Народы Северо-Западной Сибири. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1995. – С. 23–39.

14. Csepregi M. Modalitást kifejező igenévi szerkezetek az osztjában. In: Budapesti Uráli Muhely I. Ugor Muhely. MTA Nyelvtudományi Intézet. – Budapest, 1999. – S. 9–18.

15. Salo M. Modal auxiliary verbs in Khanty dialects // Congressus Nonus International Fenno-Ugristarum. 7–13.08.2000. Tartu. Pars VI. – Tartu, 2001. – P. 138–143.

Г. Л. Нахрачева, к. филол. н.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ГЛАГОЛОВ ПОВЕДЕНИЯ В ХАНТЫЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье представлена лексико-семантическая классификация глаголов поведения в хантыйском языке (на материале шурышкарского, казымского и сургутского диалектов); определяется семантический признак, согласно которому проводится отбор глаголов в лексико-семантическую группу (далее – ЛСГ) глаголов поведения (далее – ГП); описываются семы, участвующие в распределении глаголов по подгруппам. Предметом исследования являются особенности семантики и функционирования глаголов поведения.

Автор ставит целью выявить и описать семантику, определить состав и структуру глаголов поведения в хантыйском языке.

Метод или методология проведения работы. В работе применялись метод компонентного анализа, метод контекстного анализа, сравнительно-сопоставительный анализ значения лексемы и экспериментальный анализ, связанный с работой информантов, при помощи которых проводилось уточнение значений глаголов.

Результаты. Глаголы поведения хантыйского языка до настоящего времени не были подвергнуты специальному монографическому исследованию; в основном изучение глаголов данной семантики в хантыйском языке носит лишь фрагментарный характер. Нами были выделены десять семантических групп: глаголы неестественного, самовольного, неискреннего, несерьезного, безответственного, безнравственного, бесцеремонного, неуравновешенного, нечестного поведения, глаголы поведения человека по отношению к материальным благам. Далее в рамках данных групп глаголов поведения были вычленены подгруппы глаголов, которые образуются на основе повторяющейся дифференциальной семы. Выделенные группы находятся в сложных семантических связях, пересекаются друг с другом, образуя комплексную семантическую систему, формируются в основном за счет единиц, которые обозначают различные формы негативного поведения.

Область применения результатов. Материалы и выводы исследования могут быть использованы при составлении словарей хантыйского языка, при сопоставлении генетически родственных языков.

Ключевые слова: лексико-семантическая группа; поведение человека; глагол поведения; хантыйский язык.

Поведение определяется нами как целесообразная система действий или их совокупность, осуществляемых индивидом и создающих целостное представление о нем и об образе жизни; образ действий, характер поступков в отношении кого-либо в соответствии с правилами этикета. Соответственно, глаголы поведения являются базовыми репрезентантами категории «поведение человека».

На основе анализа словарных дефиниций, представленных во всех доступных нам учебных и научных изданиях, словарях по хантыйскому языку, а также данных анкетирования информантов, выявлены глаголы, содержащие в своей семантической структуре инвариантную сему «поведение человека».

На материале русского языка глаголы поведения рассматривал Л. М. Васильев. Исследователь отмечает, что глагол обязательно должен сочетаться с названием лица-агенса и оценочным словом, а также с названием лица-адресата, если он выражает отношение поведения к другому лицу. Например: Он манерничает, он рисуется передо мной. При этом оценка может быть выражена как эксплицитно, так и имплицитно, то есть в самом глаголе. Например: Она ведет себя робко, она робеет [Васильев, 1981: 54].

На материале хантыйского языка к глаголам поведения мы будем относить те глаголы, которые характеризуются семантическими моделями «кто-то ведет себя как-либо» и «кто-то ведет себя как-либо по отношению к кому-либо».

Особенности поведения, отношения человека с другими людьми находят свое отражение в глагольной лексике, которая представляет собой социально значимый фрагмент национальной картины мира. ЛСГ глаголов поведения русского языка впервые была очерчена Р. М. Гайсиной [1973]; автором были вычленены и описаны модели их лексико-синтаксической сочетаемости. Они изучались с точки зрения их семантики и компонентного состава [Васильев, 1981; Исаченко, 2000; Сандомирская, 1991], словообразования [Панченко, 2005], функционального потенциала [Жданова, 1986: 37–44], в русле когнитивной лингвистики [Плотникова, 2008; Старостина, 2004]. В последнее время снова возродился интерес к словообразовательной семантике ГП русского языка [Фатхутдинова, 2016]. Автором описы-

ваются стереотипы и модели поведения, представленные в лексико-словообразовательной семантике русских глаголов. Сопоставительному исследованию глаголов поведения на базе русского, английского и татарского языков посвящена работа А. М. Айдаровой [Айдарова, 2016].

ЛСГ глаголов поведения хантыйского языка до настоящего времени не была подвергнута специальному систематическому исследованию; в основном изучение глаголов поведения в хантыйском языке носит лишь фрагментарный характер. Поведение как составная часть культуры рассматривается в русле когнитивной лингвистики в работе В. Н. Соловар и Ю. Г. Миляховой, описываются основные составляющие картины мира, осознаваемые носителями языка как важнейшие социально-культурные нормы данного общества; подверглись анализу языковые единицы, фразеопсихозмоны, передающие психическое и эмоциональное состояние человека на материале шурышкарского и казымского диалектов хантыйского языка [Соловар, Миляхова, 2013]. Исследуемые глаголы также были рассмотрены в составе эмотивных глаголов со значением поведения на материале казымского диалекта (с точки зрения синтаксиса элементарного простого предложения) в работах В. Н. Соловар. Автором были рассмотрены модели элементарных простых предложений (ЭПП) хантыйского языка, представляемых глаголами поведения. Касаясь глаголов поведения, исследователь определяет их по наличию оценочного компонента, выделяет глаголы положительного поведения и глаголы негативного поведения; приведенные в работе примеры немногочисленны [Соловар, 2011]. Более дробной классификации глаголов внутри каждой подгруппы не представлено [Соловар, 2009а; Соловар, 2009б]. Актуальность исследования обусловлена отсутствием работ, посвященных системному структурно-семантическому анализу глаголов поведения. В нашем случае задача осложнена еще и тем, что до сих пор остаются неразработанными вопросы лексической семантики, в том числе многозначности глагола. В полном объеме не определены группы единиц, связанные с понятием «поведение» в семной структуре слова. Исследование в таком направлении затруднено также отсутствием словарей даже среднего объема, нехваткой тестов различного жанра. Таким

образом, изучение глаголов поведения в хантыйском языке представляется перспективным и необходимым вследствие отсутствия комплексного рассмотрения данной ЛСГ с точки зрения структурно-семантических особенностей.

Существующие в лингвистической литературе подходы к членению ГП на семантические группировки не имеют принципиальных различий: они, напротив, взаимно дополняют, уточняют друг друга. На основании этого в составе ЛСГ глаголов поведения хантыйского языка мы выделяем десять семантических групп: глаголы неестественного, самовольного, неискреннего, несерьезного, безответственного, безнравственного, бесцеремонного, неуравновешенного, нечестного поведения, глаголы поведения человека по отношению к материальным благам. Перечисленные десять групп глаголов выделяются на основе общей интегральной семы 'вести себя'.

Поведение человека обусловлено его мотивами и потребностями, данные глаголы описывают особенности поведения человека в социуме, где мотивом может выступать желание получить какую-либо выгоду.

Группа глаголов неестественного поведения

Анализируя глаголы русского языка, Л. М. Васильев называет их глаголами, обозначающими нескромное поведение (хвалится, хвастаться и т. д.), а также неестественное, вычурное поведение (жеманничать, манерничать и т. д.) [Васильев, 2005: 62–63]. Глаголы неестественного поведения, по мнению А. М. Плотниковой, обозначают «поведение-маску» [Плотникова, 2008: 345].

Типовая семантика данной подгруппы: «вести себя неестественно, проявлять в своем поведении какое-либо качество, черту характера, свойство, не обнаруживаемое в обыденной жизни какого-либо человека».

Подгруппа глаголов неестественного поведения состоит из 4 микрогрупп: глаголов неестественного поведения с общим значением 'хвастаться'; глаголов с общим значением 'важничать'; глаголов с общим значением 'вести себя несерьезно'; глаголов поведения с общим значением 'рисоваться, выставлять себя напоказ'.

**Глаголы неестественного поведения
с общим значением ‘хвастаться’**

В толковом словаре русских глаголов [Бабенко, 1999: 433] общее значение группы глаголов русского языка хвастаться, хвастать, хвалиться определяется следующим образом: ‘вести себя нескромно в словах, в поведении, неумеренно восхваляя внутренние и внешние достоинства кого-, чего-л. или свои (часто мнимые); выставляя напоказ, кичиться кем-, чем-л.’ Общее значение хантыйских глаголов, объединяющихся значением ‘хвастаться’, можно определить таким же образом.

Это глаголы шур. *iškašti* ‘хвалиться, хвастаться’; *järašti* ‘хвастаться’, каз. *loḡesti* ‘хвастать достатком (в материальном плане)’, *iškəltijəłti* ‘хвастаться’, *örkašti* ‘хвастаться, гордиться, заноситься’, *öxamtiĵəłti* ‘хвалиться’, *urkašti* ‘хвастать благополучием’, *urək esəłti* ‘хвастает (букв.: хвастовства выпускает)’, сург. *əraqləta* ‘хвалиться, хвастаться достатком’. Например: шур. *Iškaństı muj un wer, täləŋa wertı rupata* ‘Хвастать разве большое дело, сделать проблема’; каз. *Wən jajemən iki šenġ ləḡesəł* ‘Наш старший брат очень хвастает достатком’; *Lüw lewasa urək änt esəł, änt öxamtiĵəł* ‘Он зря не хвалится (букв.: хвастовства не выпускает)’, *Jajən iškaşəł* ‘Твой брат хвалится’; *Lüw järašti jəməs junġtı ħostal* ‘Он хвастается, что, дескать, умеет хорошо танцевать’; сург. *Bə imi əs tasəlnat əraqləł* ‘Эта женщина опять хвастает достатком’; *Tasəŋ-wăxən iki wičəpə əraqləł* ‘Богатый денежный мужчина всегда хвалится’. В. Н. Соловар относит глагол *iškašti* ‘хвалиться’ к глаголам речи, которые выражают эмоциональное поведение человека, и отмечает, что «содержанием речи является нескромная похвальба» [Соловар, 2011: 55]. Ситуация хвастовства передается вербально, то есть через речь, но помимо речевого акта данные глаголы обозначают и соответствующий тип поведения.

Базовым глаголом в данной микрогруппе является глагол *iškašti* ‘хвалиться, хвастаться’, производный от глагола *işək* = ‘хвалить, одобрять’, образуется присоединением взаимно-возвратного суффикса =*aş*= к основе глагола *işək*=. Сам глагол *işək*= выражает положительную семантику в общем виде и приобретает оттенок отрицательной эмоциональности *iškaş*= ‘хва-

литься, хвастаться' в определенной конструкции, когда объектом, на который направлена хвала, является он сам (субъект поведения), обладающий, как он сам считает, способностями, наличие которых позволяет ему хвастаться. Отличительной чертой глагола *iškaštī* является то, что данный глагол может употребляться в предложении без уточнения объекта хвастовства, в ситуации, когда описывается обычное свойство человека: *Lūw iškašəl* 'Он хвастается (обычно)'; *Šitən iškaštī xošəl* 'Этот хвастаться умеет'. С аналогичным значением он зафиксирован и в казымском диалекте [Соловар, 2009б: 86]. Объектом хвастовства при данном глаголе могут выступать и конкретные вещи, принадлежащие субъекту поведения: *Ši imen jiləp jernas lomətməl, iškəltijəlmən ši jāŋxəl* 'Эта женщина новое платье надела = оказывается, хвастая, ходит'.

Глагол *örkašti* передает эмоцию гордости чем-то, проявляющуюся в сознательном демонстративном выражении превосходства, высокомерия, гордиться, хвастая: *Apšen örkəšəl* 'Твой младший брат хвастается'; *Ši neŋen ta pələta örkəšəl* 'Та женщина передо мной гордится' (букв.: ко мне, в мой адрес).

Глаголы неестественного поведения с общим значением 'важничать'

Типовая семантика: вести себя высокомерно, быть надменным в поведении, оценке, манере обращения, выражение превосходства над кем-либо, пренебрежения к кому-либо: шур. *erttī* 'презирать, недолюбливать, относиться свысока', *joraštī* 'форсить, важничать, зазнаваться', *ükšəmlətī* 'брезговать', *ox noxltī tājtī* 'зазнаваться (букв.: держать голову свысока)'; каз. *öxamtijəlti* 'важничать', *ükšəmtī* 'презирать, брезговать'; сург. *öx öwərxə tājta* 'держат голову высоко (о высокомерном человеке)', *tə mətli nəxli, wikkəlli* 'насмехаться над кем-либо, унижать', *nəxta-wikkəltə* 'смеяться с осуждением', *wikkəltə* 'насмехаться'. Например: шур. *Ma pälti xūr tājtem urəŋən, lūw mənem ertlālī* 'Он презирает меня за трусость'; *Lūw öxəl saxät ultal urəŋən, xojatətmən ertmən täjsa* 'За то, что он сторонился людей, его недолюбливали'; *Lūw ükšəmləl* 'Он брезгует'; *Ši neŋew isa jorašəl* 'Эта женщина всегда важничает'; *Oxəl noxlti tājman ši jāŋxəl* 'Ходит с высоко поднятой головой'; каз. *Lūw wələpsew*

ükśamlel ‘Они брезгают нашим образом жизни’; *Mar’jajen õxamtijǽl̥ti wer tǽjǽl* ‘Марья имеет привычку важничать’; сург. *Leknǽ jox nǽxǽl̥* ‘На дороге люди смеются-насмехаются’.

Глаголы с общим значением ‘вести себя несерьезно’

В хантыйском языке среди глаголов поведения представлены глаголы, которые описывают внешнее проявление неестественного поведения. Это глаголы, которые описывают мимику и жесты.

Типовая семантика: вести себя неестественно, странно с целью привлечения внимания окружающих: шур. *nañremǽt̥i* ‘гримасничать’, *wexǽn̥lǽt̥i* ‘кривляться’ (глагол образован от имени *wexǽn̥i* ‘нечто кривое, скособочившееся; рухлядь’), *werǽntij̥t̥i* ‘гримасничать, дразниться’, *n̥inštantij̥t̥i* в лексико-семантическом варианте (далее – ЛСВ) ‘гримасничать; потягиваться; размахивать руками, ногами (ходить не подобающим для ханты образом)’, *nañǽrl̥ij̥t̥i* в ЛСВ ‘кривляться’, *śakǽrtij̥t̥i* ‘кривляться, гримасничать’, каз. *añlemǽt̥i* ‘гримасничать, кривляться’, *añsemǽt̥i* ‘дразнить, говорить, поддразнивая’, *n̥ǽslemǽt̥i* ‘гримасничать, корчить рожи’, *šoxrǽmǽt̥i* ‘кривляться (ходить и надоедать кому-либо, не давать покоя, придирается)’ (глагол образован от имени *šoxar̥i* ‘живое существо в какой-то позе и гримасе’), *werǽstij̥ǽl̥t̥i* ‘дразниться’; сург. *ar urnǽ potǽxǽla* ‘кривляться’. Например: шур. *Xõjat pela muja werǽntǽl̥an?* ‘Зачем человека дразнишь?’, *Meta wexǽn̥lǽt̥i, t̥iñja śira potǽrta* ‘Прекрати кривляться, говори нормально (букв.: прямо)’; *Kam̥an śir̥an nañǽrl̥ij̥ǽl̥, ult̥i morǽl̥ ǽnt̥ ujet̥l̥ǽll̥i* ‘По-всякому кривляется, норму жития не знает’; *Wol̥ija sa, muj̥ n̥inštantij̥l̥an, t̥iñja śira šuša* ‘Прекрати-ка, что ходишь, размахивая руками, иди, как положено’; *Kam̥an śir̥n śakǽrtij̥ǽl̥* ‘По-всякому гримасничает’; *N̥awr̥am̥j̥an̥ i jeśalt̥ werǽnt̥il̥j̥an, wenšl̥an kam̥an śir̥n tall̥ill̥an* ‘Двое детей друг против друга гримасничают, лица по-разному дергают’; *Nañremǽl̥* ‘Гримасничает’, *Wenš wantox jeśalt̥ n̥inštantij̥ǽl̥* ‘Перед зеркалом гримасничает’; каз. *In aj ikem̥ ma pelama añlemǽl̥* ‘Тот мальчик (букв.: ко мне) гримасничает’, *L̥iw̥ añsemǽl̥at̥ l̥iw̥ pelala* ‘Они дразнят его (букв.: к нему)’, *Xujat pela añsemǽt̥i pit̥al̥* ‘На кого-нибудь станет дразниться’; *N̥awr̥am̥at̥ n̥ǽslemǽl̥at̥* ‘Дети корчат рожи’; сург. *Bǽja al̥ ar urnǽ potǽxǽla* ‘Перестань кривляться’.

Глаголы поведения с общим значением 'рисоваться, выставять себя напоказ'

Типовая семантика: вести себя неестественно, вычурно, кокетливо, манерно с целью привлечения внимания окружающих: шур. *ajamtijti* 'молодиться', *pirsaptati* 'стать старообразным, считать себя пожилым (стариком)', *ñaxältiti* 'смешить', каз. *χūsiti* 'привлекать к себе внимание, завлекать (неодобр.)', *waxsemati* 'смеяться неестественно', *werasti* 'выставлять себя, выпендриваться (букв.: делаться)', *χūramtijliti* 'украшаться, наряжаться', *werasijalti* 'вести себя неестественно, кривляться, выделяться (букв.: делаться)', *kārīti* 'красоваться', *to'iti* 'выставляться, выделяться'; сург. *joχ ilpinə roβaxlata* 'рисоваться перед людьми'. Например: шур. *Lūw šenjk xojat ñaxältiti* 'Он большой шутник (букв.: он любит людей смешить)', каз. *In neçem ši χūsijəl* 'Эта женщина привлекает к себе внимание'; *Imi xili ajlašək werasti pitas* 'Внук женщины стал медленнее ехать'; *Pa ši werasijalti pitas* 'Опять стала выделяться'; *Muj to'itlən* 'Что выставляешься'; *Muj waxsemələn* 'Что смеешься, привлекая к себе внимание'; *Ši χūramtijəl* 'Красуется'.

Группа глаголов самовольного поведения, обозначающая капризное, привередливое поведение, упрямство

Данная группа представлена глаголами, обозначающими поведение людей, не желающих считаться с чужим мнением, а также проявляющих капризы, обиды, своеволие, упрямство: шур. *jeršati* 'упрямиться, отказываться', *ñerasti* 'раздражаться, вредничать', *keçati* 'ныть, быть чем-то недовольным', *poñxematī* 'хныкать, капризничать', *poñxematī* 'хныкать, капризничать', *ñosərliti* 'морщиться, делать недовольные ужимки, гримасы на лице', *ñiñxartti* в ЛСВ 'капризничать', *wūratiti* 'стремиться что-либо сделать, стараться, настойчиво добиваться', *šūkīnliiti* 'противиться, упираться, не желая что-либо делать'; каз. *turəp χūwa taltī* 'обижаться (букв.: губу далеко тянуть)' (фразеол.); *wūra wortti* 'спорить, сопротивляться, противиться, упрячиться', *wūra wertti* 'упрячиться' (букв.: к крови делать), *xərmətləti* 'капризничать': шур. *Aj ñawrem xörpi, isa poñxeməl* 'Как маленький ребенок, все хнычет'; *Tūña šira jasta, muj ñosərlələn* 'Прямо скажи, что морщишься, чем не довольна'; *Lūw xəti isa il jeršəl* 'Она все

время упрямится'; *Nawrem niṅxərtəl* 'Ребенок капризничает'; *Mānti ǫsəl äntəm, il jerśəl* 'Не желает ехать, заупрямился'; *Nāṅ muj keṇələn?* 'Что ты ноешь?'; *Toti pōx kās xūti śākīnlijs, al pa mir jurn śi opsəs śārti* 'Сын Тоти хоть и противился, но все же с помощью (благодаря) силы народа сел шаманить'; каз. *Apśen wūra werəl* 'Младший братишка = твой капризничает'; *Līn wūra wortlələn* 'Они упрямятся'.

Группа глаголов неискреннего поведения

1. ГП, обозначающие лицемерие, притворство, скрытность: шур. *ropxantti* 'притворяться, прикидываться'; каз. *roxpiti* 'врать, лукавить; делать вид', *ropəx wertī* 'делать вид, прикидываться, притворяться', *xərsəti* 'остерегаться, опасаться – стараться обмануть кого-либо, осторожничать', *ṅawrestī* 'злословить, сплетничать (букв.: пениться)', *uśmarləti* 'хитрить': каз. *Śi imen pa śi uśmarləl* 'Эта женщина опять хитрит'; *Wuxaren śiti uśmarləl* 'Лиса так хитрит'; *Nāṅ ropəx werlen* 'Ты прикидываешься'.

2. ГП, обозначающие лесть, угодничество, подхалимство, приспособленчество: шур. *olṅastī* 'суетиться вокруг кого-либо, показывая радость', *xūsaltti* 'лестить, стараться расположить к себе', каз. *ṅalməl ṅūr lux* 'подхалимничает (букв.: язык как лыжи)'; шур. *Pīrkatir pūlan xūsaltəl* 'Лестит перед бригадиром'; каз. *ṅalməl ṅūr lux* 'Он подхалимничает'.

Группа глаголов несерьезного поведения

Глаголы характеризуют поведение субъекта с точки зрения интеллектуальной сферы.

1. ГП, обозначающие недалекость, неразумность поведения: шур. *awśəməti* 'болтать, пустословить', *toləmti* 'одряхлеть (из ума выжить)'; *ṅosərti* 'улыбаться неискренне, глупо', *kūnśantti* в ЛСВ 'говорить вздор, болтать', *rūwətti* в ЛСВ 'нести чушь, вздор; выругаться, материться'; каз. *paləsti* 'болтать чушь', *ṅaləm esəti* 'болтать (букв.: язык опустить)', *ṅākšəməti* 'болтать чепуху, прыгая, гримасничая', *waṭkəti* 'вести пустые разговоры, болтать, говорить понапрасну'; каз. *ṅawśəməti* 'шутить не к месту, невпопад': шур. *Nāṅ muj nulama awśəmələn!* 'Что ты всякое болтаешь!'; *Lewasa awśəməti xojat elti neməlti nōx änt etəl* 'От человека, который пустословит, никакой пользы нет'; *Meta śi kūnśantti, wolija* 'Хватит говорить вздор, перестань'; *Muj rūwətlən!* 'Что ты болтаешь!'; *Rūwema śita, ṅalmen al pūwləl* 'Не

ругайся (букв.: поругайся там), язык опухнет'; *Xotĩ n̄osərłən, isĩpa ɔxən änt m̄älem* 'Что пытаешься улыбаться мне, все равно денег не дам'; каз. *Pirəs imen lewasa paləsəl* 'Старуха несет чушь'; *Nalmen mujp̄äta esəlsen* 'Зачем распускаешь язык (букв.: опустил)'; *Ši imen watk̄əti sux t̄äjəl* 'Эта женщина имеет привычку болтать'; каз. *Muj n̄awšəmələn* 'Что ты шутишь не к месту'.

2. ГП, обозначающие баловство, озорство: шур. *kawəštĩ* 'шалить', *n̄an̄remətĩ* 'гримасничать', *ješəštĩ* 'баловаться, шуметь', *werəntətĩ* 'дразниться, гримасничать', *n̄inštantĩjtĩ* в ЛСВ 'гримасничать', каз. *j̄äplemətĩ* в ЛСВ 'дурачиться (букв.: чучелиться)', *werəst̄ijəltĩ* 'дразниться', *n̄āslemətĩ* 'гримасничать, корчить рожи': шур. *Neman šiti ješəsəl* 'Нарочно так ведет себя'; *L̄j̄ muj wer t̄äjłət, x̄ātəl x̄ıwat ješəsłət* 'У них какие дела есть, весь день балуются'; *X̄ɔjat p̄ela muja werəntələn?* 'Зачем человека дразнишь?'; *Äl kawśa* 'Не шали'; *Nawrəm kawəsəl* 'Ребенок шалит'; *N̄an̄reməl* 'Гримасничает', *Wenš wantox ješəlt̄ n̄inštant̄ijəl* 'Перед зеркалом гримасничает'; каз. *Nawrəmət̄ n̄āslemələt* 'Дети корчат рожи'.

Группа глаголов безответственного поведения

Группа глаголов безответственного поведения обозначает безделье, праздность, уклонение от деятельности, медлительность в действиях: каз. *k̄ıwlemətĩ* 'бездельничать', *n̄ĩrəs-nors x̄ājti* 'бездельничать', *xun̄itĩ* 'лежать вверх брюхом, бездельничать', *šürtəs̄ijtĩ* 'шататься': *Luw woš xıwat šürtəs̄ijəl* 'Он по городу шатается'; *Muj xun̄it̄ən, l̄ələn-jañlən, il̄i xun̄it̄ən* 'Что бездельничаешь, поешь-попьешь, ложишься пузом кверху'. В любой культуре трудолюбие считается достоинством личности; добросовестное отношение к труду считается эталонным, а уклонение – осуждаемым поведением, поэтому данные глаголы по большей мере маркированы негативным оценочным компонентом.

Группа глаголов безнравственного поведения

Глаголы безнравственного поведения тесно примыкают к глаголам образа жизни, семантическое единство этих глаголов определяется оценкой общества такого поведения как безнравственного, аморального и противоречащего нормам закона.

1. ГП со значением неприязненности, злопыхательства: шур. *jowərt̄ijtĩ* 'придираться, ссориться', *x̄ıštĩ* 'натравливать, наускивать'; каз. *wəna m̄änti* 'вести себя неприлично' (букв.: к большому идти), *w̄ıśmaštĩ* 'завидовать', *lup̄ñəltĩ* 'провоциро-

вать', *nūr wūtī* 'отомстить', *nūr kǎnštī* 'мстить (букв.: вино ис-
кать)', *nerəstī* 'придираться', *ńawrətī* 'сплетничать, говорить
плохо о ком-либо', *ńəxəmtī* 'сплетничать, говорить плохо о ком-
либо (букв.: произносить)', *pulśemətī* 'сплетничать', *pulś tətī*
'сплетничать, ябедничать': каз. *Ma pelama murta nerəsəs* 'Так он
придирался ко мне'; *Eweŋələn lupŋəlla* 'Девочки ее провоциру-
ют'; *Tǎxa, weren wəna śi mǎnəs* 'Ну ты ведёшь себя неприлично'
(букв.: дело = твоё к большому идёт); *Pa śi wūśmaśəl* 'Опять за-
видует'; *Śi imen isa śi pulśemət* 'Эта женщина все время сплетни-
чает'; шур. *Lūw mǎnema jowərtijəl* 'Она ко мне придирается'.

2. Глаголы, обозначающие позорное, унижительное поведе-
ние: каз. *ǎmərtijəlī* 'ругать нецензурными словами' (фразеол.),
jeśaštī 'делать что-либо плохое, вести себя плохо', *śal' wertī*
'унижаться', *śuxləŋ wertī* 'совершить что-либо плохое', *wəna*
mǎntī 'вести себя, нарушая приличия', *xumpəlttī* 'пить много
спиртного': каз. *Wən jasəŋən śi ǎmərtijəlləle* 'ругает нецензурны-
ми словами (букв.: большими словами черпать)'; *In uten pa śi*
multī śuxləŋ werəl 'Этот опять что-то плохое совершил'; *Śal' al*
wera 'Не унижайся (букв.: жалость не делай)'; *Tǎxa, weren wəna*
śi mǎnəl 'Ну ты совсем не прилично себя ведешь'.

Группа глаголов бесцеремонного поведения, обозначающая надоедливость, навязчивость, приставание

К данной группе относим синонимичный ряд с общей семой
'вести себя назойливо, надоедливо': шур. *sǎralətī* 'навязывать',
turas wertī 'надоедать, мешать, создавать неудобства', *ńawkətī*
'просить что-либо нудно, надоедливо'; каз. *apramtī* 'привязать-
ся, пристать к кому-либо', *kǎlsitī* 'беспокоить, надоедать, при-
ставать, провоцировать', *lǎpsəmtī* 'липнуть (о человеке)', *sǎraštī*
'мешать, отвлекать, надоедать; придираться', *sūnemətī* 'лезть не
в свое дело, мешать, назойливо стремиться что-либо сделать',
turastətī 'надоедать, мешать': шур. *ǎnt mostī ətəl mǎnem sǎralətī*
'Ненужную вещь свою мне навязывает'; *Xojat eltī ńawkətən*
mūśən, nəŋ śīta 'Чем у кого-то просить, сам добудь'; каз. *Tūrema*
pǎtija śi jūxtəptəsijəm 'Надоел (букв.: до дна горла довели)';
Xujata lǎpsəmət 'Липнет к кому-либо'; *Nəŋ lūwət kǎlsilen* 'Ты его
беспокоишь'; *Pa śi mǎntī apramlen* 'Опять ко мне пристаешь';
Muj sūnemələn 'Что ты лезешь, мешаешь'; *Ma nəŋən turas werləm*

‘Я тебе мешаю’; *Ma nemxjata änt turastələm* ‘Я никому не мешаю’.

Группа глаголов неуравновешенного поведения

1. ГП, обозначающие несдержанность: каз. *ašəmtī* ‘прийти в ярость’, *wīraja xojtī* ‘ссориться, поспорить’, *lońśantī* в ЛСВ ‘вести себя агрессивно (букв.: колотиться)’, *kūtərmətī* ‘драться’, *kūlaštī* ‘драться’, *kūla pittī* ‘начать драться’, *xoresījəltī* ‘вести себя агрессивно, драться (букв.: смотреть бычьими глазами)’, *śuxləmətī* ‘вести себя беспокойно, непредсказуемо’, *śuxlaštī* ‘вести себя беспокойно, непредсказуемо’: каз. *Tām xəjen kūlaštī imuxtī nəpətəl, ħūr oŋtəŋ xor itī* ‘Этот мужчина сразу кидается драться, как рогатый бык’; *Muj xoresījəllən* ‘Что ты так ведешь себя агрессивно’; *Lūw murta ašəmsa* ‘Он до такой степени пришел в ярость’; *In xəjen lońśantī pitəs* ‘Этот мужчина ведет себя агрессивно’.

2. ГП, обозначающие трусость, робость: *wəļ wertī* ‘стесняться’, *jelemtī* ‘стыдиться’, *torŋəltījəltī* ‘волноваться (букв.: трястись)’: *Ewen wəļ werəl* ‘Дочь = твоя стесняется’; *Lūw torŋəltījəl* ‘Он волнуется’; *Aŋkem mǎntī pant jelpijən torŋəltījəl* ‘Мама перед дорогой волнуется’.

Группа глаголов нечестного поведения

Группа глаголов нечестного поведения (мошенничество, обман, хитрость): шур. *arməltī* ‘обмануть’, *apərləti* ‘озорничать, действовать с хитростью’, *ipərtī* ‘заставить отдать, вымогать’, *ōšmarləti* ‘хитрить’, *lepəlməti* ‘обмануть, обманывать’, *lołmasī* ‘воровать, красть’, *ħəlməti* ‘врать, лгать, обманывать’, *ħəlmijī* ‘обманывать, врать’, *olmašitī* ‘обманывать’, *opsəltī* в ЛСВ ‘обмануть’, каз. *lepəltijəlti* ‘лгать, обманывать’, *səlkeməti* ‘говорить неправду’, *epətti* ‘говорить чрезмерно неправду’; *ħəlmiti* ‘говорить неправду’ (от сущ. *ħələm* ‘язык’): шур. *Lūwəla nəŋ əl ewla, ħūw isa ħəlmijəl* ‘Ты ей не верь, она все время обманывает’; *Nəlməsajəm* ‘Меня обманули’; *Əl ħəlmija* ‘Не лги’; *Kəšəŋ pūš mǎnem olmašitenən, nəŋəna šiməl ewəlləm* ‘С каждым разом, как ты меня обманываешь, я верю тебе все меньше’; *Wanta, jošəŋ katəlman, opsəltəsajəm* ‘Смотри, на глазах (букв.: рукой держа), я обманута’; каз. *Pəxən lepəltijəlti wer təjəl* ‘Твой сын имеет привычку (букв. дело) врать’; *Pa ši epətlən* ‘Опять ты говоришь неправду’; *Muj səlkemələn* ‘Что ты говоришь неправду (букв.:

льдинками звенишь)»; *Mōj lewasa ńalmlān, jēlēm pa ānt tājālān* 'Что ты говоришь неправду, не стыдно тебе'.

**Группа глаголов поведения человека
по отношению к материальным благам
(жадность, скупость, излишний расчет)**

Данные глаголы характеризуют человеческое поведение в материальной сфере: шур. *ań tājti* 'иметь экономичность', *ańǵaltti* 'экономить', *artalāti* в лексико-семантическом варианте (далее – ЛСВ) 'подсчитать', *āratijtī* 'жадничать', *šawijtī* в ЛСВ 'беречь, экономить', и, напротив, глаголы расточительного поведения: *ańlapitī* 'растрчивать состояние', *pārattī* в ЛСВ 'истра- тить, израсходовать': шур. *Sorām jūx utśa ań ānt tājāl, ńar jūxān piltī* 'Сухие дрова одни не экономичны (букв.: экономность не имеют), сырыми дровами разбавь'; *Tūt jūxlan ańǵaltaln, jālāp tīlās untī ānt tārāmlāt* 'Дрова сэкономь, до нового месяца не хватит'; *Artalāti mosāl, muj tīna šit xojāl* 'Надо подсчитать, в какую сумму (стоимость) это обойдётся'; *Al āratija, moxilan xūlān xol ortaln* 'Не жадничай, всем рыбу раздели'; *Ōxlāl xōlijewa pārattālī, muja mālen* 'Деньги все израсходует, зачем даёшь?'.

Итак, основной характеристикой глаголов поведения является наличие оценки со стороны наблюдателя, интерпретирующе- го данные действия как «поведение». И как показывает семан- тическая классификация глаголов, данная оценка чаще бывает отрицательной. Независимо от того, выполнены действия созна- тельно или непреднамеренно, они подвергаются моральной оценке. Своим поведением человек отображает свое отношение к обществу, к конкретным людям, к окружающим его предме- там. ЛСГ ГП в хантыйском языке представляет собой системно- организованную группу и формируется в основном за счет еди- ниц, которые обозначают различные формы негативного пове- дения. Оценка со стороны наблюдателя является основной ха- рактеристикой исследуемой группы глаголов, отличающей их от других ЛСГ глаголов.

Следует отметить, что классификацию нельзя считать конеч- ной и исчерпывающей; она открыта для дальнейшей детализа- ции. Выделенные группы находятся в сложных семантических связях, пересекаются друг с другом, образуя комплексную се- мантическую систему. ЛСГ ГП хантыйского языка тесно связа-

на с глаголами других ЛСГ. Для большинства глаголов в хантыйском языке характерно явление многозначности, которое основывается на метафорических переносах, включающих как внешнее, так и одновременно функциональное сходство обозначаемых действий. ЛСГ ГП хантыйского языка пополняется также за счет глаголов других ЛСГ, путем метафорического переноса значений. Анализируя семантическую структуру глаголов поведения, мы обнаружили определенные семантические закономерности: многие глаголы действия, перемещения объекта (субъекта), изменения состояния субъекта, глаголы физиологического действия содержат семему поведения. Путь возникновения этих семем у слова – это метафорический перенос.

Метафорический перенос в лингвистике обычно понимается как один из видов семантической деривации, приводящей к переосмыслению значения частотной лексической единицы. В процессе такого переосмысления объект номинации может переходить с одной понятийной сферы в другую [Салчак, Чертыкова, 2017].

Б. И. Татаринцев отмечает, что «метафорические переносы, основанные на сходстве производимого впечатления, на известной общности вызываемых ими представлений, а также на определенном внешнем подобии реалий, присутствуют во многих полисемичных глаголах» [Татаринцев, 1987].

Айвор А. Ричардс писал, что на протяжении многих веков метафора рассматривалась как нечто уместное лишь в некоторых случаях. К ней относились как к украшению и дополнительному механизму языка [Ричардс, 1990: 44]. В настоящее время в обычной речи мы не встретим и трех предложений подряд, в которых бы не было метафоры [Ричардс, 1990: 46].

С. Г. Васильева под метафорой понимает тип семантической деривации исходного моносеманта, при котором он начинает обозначать еще и другую реалию вследствие того, что человек при познании этих реалий обнаружил между ними сходство по тому или иному параметру [Васильев, 2005].

На материале казымского диалекта хантыйского языка метафоризация глаголов поведения рассматривалась в работе В. Н. Соловар с точки зрения синтаксиса элементарного простого предложения [Соловар, 2009]. Автор отмечает, «элементар-

ные простые предложения (далее – ЭПП) допускают метафоризацию, перенос ее направлений происходит из физической сферы в социальную, психическую, интеллектуальную и эмоциональную. На базе одной и той же структуры возникает система новых значений моделей или омонимия». ЭПП развивают многозначность за счет особой для рассматриваемого диалекта лексической сочетаемости слов, а также метафорических переносов для некоторых моделей в разные сферы: социальную, интеллектуальную, психическую. Так, например, глагол ЛСГ обладания *tǎjti*, в физической сфере: *Ma wōχ ānt tǎjłəm* ‘У меня нет денег (букв.: я деньги не имею)’; переход в психическую сферу: *ləjnen eləm pa ānt tǎjəl* ‘У твоей подруги нет стыда (букв.: стыд не имеет)’; переход в интеллектуальную сферу: *Śi iken śärt tǎjəs* ‘У этого мужчины способность колдовать (букв.: колдовство имел)’, *Pōχen pa ōš ān tǎjəl* ‘Сын = твой не понимает (букв.: понимание не имеет)’ [Соловар, 2009б: 212].

В процессе сопоставительного анализа выявлены основные модели метафоризации многозначных глаголов. Глаголы со значением поведения отражают не само поведение субъекта, а, прежде всего, интерпретацию поведения наблюдающим (или говорящим) через его видение и оценку ситуации.

В процессе метафоризации у глаголов поведения хантыйского языка наблюдаются некоторые семантические особенности, связанные с многообразием социальных сфер человеческой деятельности. Наиболее распространенной типичной моделью является «действие, совершаемое человеком → действие, характеризующее поведение человека». Переносные значения данных глаголов действия – «вести себя каким-либо образом». Как правило, эти глаголы называют действия, осуждаемые обществом, не соответствующие нормам морали. По этой модели образуют переносное значение следующие глаголы: *lōpiti* ‘1) чесаться; 2) перен. вести себя несдержанно, неодобрительно, трепаться’: ср. *Kurem lōpijəl* ‘Нога чешется’; *Još pǎtem lōpijəl* ‘Ладонь чешется’; *Muj lōpilən!* ‘Что ты ведёшь себя так несдержанно!’, *Śāxa lōpija* ‘Перестань трепаться’; *kūnšantti* ‘1) чесаться; 2) перен. говорить вздор, болтать’: ср.: шур. *Kǎti iti kūnšantəl* ‘Как кошка царапается’; *Al kūnšanta* ‘Не болтай вздор’; *hinšantijji* ‘1) потягиваться; 2) перен. гримасничать, кривляться’: ср.

Nawremen nōx kurītī most, ješa at ħinštantijəl ‘Ребенка надо разбудить, пусть немного подтягивается’; *Wolija sa muj ħinštantijlen, tūŋa šira šuša* ‘Перестань-ка кривляться, иди спокойно’; *rūwattī* ‘1) мешать, перемешать: ср. *Šajəl sakkarən rūwətsəllī* ‘Чай с сахаром размешала’; *Mūŋ ūksəm jasəŋən änt rūwətləw* ‘Мы плохими словами не ругаемся’; 2) перен. нести чушь, вздор’; *xojtī* ‘1) попасть; 2) перен. ссориться, столкнуться во мнениях’. При переходе из физической сферы в другую накладывается ограничение на употребление спряжения глагола, возможно только субъектное спряжение: Так, действие в физической сфере происходит при сочетании предиката с конкретным объектом (объект созидательной деятельности): *Jajem aj xop werəl* ‘Брат делает лодку’; переход в социальную сферу: *Mūŋ sūs jir werləw* ‘Мы совершаем осеннее жертвоприношение (букв.: делаем)’; переход в психическую сферу: *Ši imen ropəx werəl* ‘Эта женщина делает вид (букв.: притворство делает)’; переход в интеллектуальную сферу: *Ma wənlitijəlti numəs wersəm* ‘Я решил учиться (букв.: я учиться мысль сделал)’; *Ewen wəli werəl* ‘Дочь = твоя стесняется (букв.: стеснение делает)’ [Соловар, 2009б: 211].

Также распространённой моделью является: «изменение состояния объекта → действие, характеризующее поведение человека»: *ħaħərlijtī* ‘1) искривляться (о предметах); 2) перен. кривляться’: ср.: шур. *Ulasem jira ħaħərlijmal* ‘Стул мой набок искривился’; *Kamən širən ħaħərlijəl, ultī morəl änt ujetləllī* ‘По-всякому кривляется, норму жития не знает’; *ħinštətī* ‘1) растянуть, растягивать; 2) перен. выдрессировать, выучить’: ср. *Kepəŋəlan wūtŋa ħinštətī mosəl* ‘Шкуры с оленьих ног надо вишь растянуть’; *Šiten xotī un wošətan jəma ħinštəm* ‘Этого человека в больших городах хорошо выдрессировали’. В основе данной схемы метафоризации лежит осмысление в национальном восприятии взаимосвязи поведения субъекта и объективных природных процессов, происходящих независимо от человека.

Модель «действие, совершаемое животным → действие, характеризующее поведение человека» предполагает рассмотрение смысловых элементов из категории ассоциативных взаимоотношений человека и домашних животных. В хантыйском языке отмечается ассоциативное сходство поведений собаки и человека, которое отражается в семантике глаголов *oŋastī* ‘1) ла-

ститься; 2) перен. суетиться вокруг кого-либо, показывая радость, подлизываться'; *ñiŋxərti* '1) скулить, визжать; 2) перен. капризничать, ныть, выражать недовольство': ср.: шур. *Amp ñiŋxəral* 'Собака скулит'; *Ku'uŋwət ñiŋxərlət* 'Щенки скулят'; *Nawrem ñiŋxəral* 'Ребенок капризничает'; *Mäna, ewen wanti, miŋa ñiŋxəral* 'Иди, дочь посмотри, что ноет'. Глагол *ñawkəti* '1) мяукать; лексико-семантический вариант 2) перен. просить что-либо нудно, надоедливо' мы относим к лексико-семантической группе глаголов со значением говорения, хотя в его семантике выделяется компонент поведения. В данном случае мы наблюдаем перенос значения по признаку сходства проявлений характера. Например: ср.: шур. *Käti cäməl woxla, šiiti ñawkəl* 'Кот есть хочет, все мяукает'; *Xojat elti ñawkiten müšan, näŋ šiŋa* 'Чем у кого-то просить, сам добудь'.

Метафоризация по модели «состояние человека → действие, характеризующее поведение человека» произошла у глаголов, передающих в первом значении физиолого-психическое состояние человека: каз *küləmti* '1) терять рассудок, сходить с ума; 2) перен. растеряться, плохо соображать, прийти в смятение': Ср. *Isa ši külməs* 'Совсем сошел с ума'; *Pa ši murta ši küləmləw, aktašti piteəmŋ pa xultpela il pawəsem* 'Так смешалось все в голове, собираться стали, уронили куда-то'; *toləmti* '1) вести себя неадекватно из-за психических проблем или в силу пожилого возраста; 2) поступать неразумно; 3) говорить вздор, вести себя неадекватно': *In imen tolməs* 'Эта женщина состарилась'; *Isa ši toləmsa* 'Совсем ведет себя неадекватно'. Переносные значения содержат компоненты экспрессивной оценки поведения субъекта и оттого становятся все более абстрактными.

Здесь представлены наиболее частотные и основные модели ассоциативных переносов значений хантыйских многозначных глаголов, показывающие единый характер их метафоризации. В целом большинство хантыйских глаголов со значением поведения, образованных путем метафорического переноса, реализуют свое значение по модели «действие, совершаемое человеком → действие, характеризующее поведение человека». Частотны и регулярны модели метафоризации «изменение состояния объекта → действие, характеризующее поведение человека», «действие, совершаемое животным → действие, характери-

зующее поведение человека» и «состояние человека → действие, характеризующее поведение человека». Таким образом, изучение метафорических переносов значений многозначных глаголов в разных языках позволяет выявить общие и отличительные закономерности ментальных и психических ассоциаций народов, определить специфику их национального мировидения.

В глагольной лексике имплицитно представлены следующие принципы поведения, которые обеспечивают гармоничное существование человека в обществе: в отношениях с другими людьми следует держаться естественно (осуждается хвастовство, высокомерие), быть честным в словах и поступках, осуждаются пустословие и болтливость, быть высоконравственным, скромным, соблюдать закон и правила этикета, контролировать свои эмоции, т. к. излишний смех является признаком легкомысленности; по отношению к труду – быть ответственным, рационально использовать свое время; по отношению к материальным благам – не быть алчным и скупым и в то же время разумно тратить свои средства.

Итак, ЛСГ ГП хантыйского языка мы делим на 10 подгрупп: глаголы нечестного поведения, глаголы неискреннего поведения, глаголы несерьезного поведения, глаголы безответственного поведения, глаголы самовольного поведения, глаголы неестественного поведения, глаголы безнравственного поведения, глаголы бесцеремонного поведения, глаголы неуравновешенного поведения, глаголы поведения человека по отношению к материальным благам. Основной характеристикой глаголов поведения является наличие оценки со стороны наблюдателя, интерпретирующего данные действия как «поведение». И как показывает семантическая классификация глаголов, данная оценка чаще бывает отрицательной. Независимо от того, выполнены действия сознательно или непреднамеренно, они подвергаются моральной оценке. Своим поведением человек отображает свое отношение к обществу, к конкретным людям, к окружающим его предметам. ЛСГ ГП в хантыйском языке представляет собой системно-организованную группу и формируется в основном за счет единиц, которые обозначают различные формы негативно-го поведения. Оценка со стороны наблюдателя является основ-

ной характеристикой исследуемой группы глаголов, отличающей их от других ЛСГ глаголов.

В результате проведенного нами анализа глаголов, обозначающих типы ситуаций, отображающих поведение человека по отношению к моральным, нравственным и этикетным нормам, выявлено, что для носителей хантыйского языка осуждаемым и вызывающим отрицательную оценку общества являются неискренность (нечестность, лицемерие, притворство, скрытность), нарушение норм морали (безнравственность), нарушение правил этикета (несерьезность, баловство), неестественное поведение (странное, манерное поведение, рисовка, выставление себя напоказ или высокомерие).

Перспектива исследования нам видится в более детальном исследовании контекстных реализаций глаголов изучаемой группы с последующим анализом модификаций, выделенных в данном исследовании сем. Также перспективным считаем рассмотрение межъязыковых полных и частичных соответствий глаголов поведения в разноструктурных языках, а также в близкородственном мансийском языке.

Список литературы и источников

1. Айдарова А. М. Глаголы поведения в русском, английском и татарском языках: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Казань, 2016. – 202 с.
2. Бабенко Л. Г. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы. – М.: АСТ-ПРЕСС, 1999. – 704 с.
3. Васильев Л. М. Семантика русского глагола: глаголы речи, звучания и поведения: учеб. пособие. – Уфа: БГУ, 1981. – 71 с.
4. Васильева С. Г. Современный русский язык. Лексикология, фразеология. – Казань: РИЦ «Школа», 2005. – С. 16–17.
5. Гайсина Р. М. Наблюдения над сочетаемостью поведенческих глаголов // Синтаксис и интонация. – Уфа: Изд-во Башк. ун-та, 1973. – С. 206–210.
6. Жданова О. П. Функционирование глаголов поведения в составе однородного синтаксического ряда // Классы глаголов в функциональном аспекте. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1986. – С. 37–44.

7. Исаченко О. М. Функционально-семантический класс глаголов поведения: системно-семантический функциональный и лингвокультурологический аспекты: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Барнаул, 2000. – 21 с.

8. Панченко В. П. Опыт когнитивно ориентированного описания отношений словообразовательной мотивированности в синхронии и диахронии русского языка: На материале глаголов с финалью -ничать: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Саратов, 2005. – 241 с.

9. Плотникова А. М. Когнитивное моделирование семантики глагола (на материале глаголов социальных действий и отношений): диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. – Екатеринбург, 2008. – 555 с.

10. Ричардс Айвор А. Философия риторики // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 44–67.

11. Салчак А. Я., Чертыкова М. Д. Основные модели метафоризации многозначных глаголов со значением поведения в тувинском и хакасском языках // Мир науки, культуры, образования. – 2017. – № 5 (66). – С. 357–359.

12. Сандомирская И. И. Эмотивный компонент в значении глагола: на материале глаголов, обозначающих поведение // Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности. – М.: Наука, 1991. – С. 114–136.

13. Соловар В. Н. Лексико-семантическая группа глаголов поведения и формируемые ими модели ЭПП в хантыйском языке (на материале казымского диалекта) // Вестник угроведения. – 2011. – № 1. – С. 54–57.

14. Соловар В. Н. Модели элементарных простых предложений хантыйского языка, формируемые структурной схемой // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2009а. – № 115. – С. 197–202.

15. Соловар В. Н. Парадигма простого предложения в хантыйском языке (на материале казымского диалекта). – Новосибирск: Любава, 2009б. – 264 с.

16. Соловар В. Н., Миляхова Ю. Г. Национально-культурные особенности языковых единиц сферы психоэмоционального состояния и поведения человека (на материале шурышкарского и

казымского диалектов хантыйского языка) // Вестник угроведения. – 2013. – № 2 (12). – С. 44–49.

17. Старостина Е. В. Фреймовый анализ русских глаголов поведения (на материале ассоциативных реакций): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Саратов, 2004. – 270 с.

18. Татаринцев Б. И. Смысловые связи и отношения слов в тувинском языке. – М.: Наука, 1987. – 200 с.

19. Фатхутдинова В. Г. «Модели поведения» в лексико-словообразовательной семантике русского глагола // Русистика и современность. Сб. науч. статей. – Рига: Балтийская международная академия, 2016. – С. 532–537.

**КАРТИНА МИРА ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА:
СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ХАНТЫЙСКИХ
ГЛАГОЛОВ С ПРЕВЕРБАМИ =ИЛ И =КИМ/КЭМ
(на фоне мансийского языка)**

Аннотация. В статье автор впервые рассматривает семантику двух превербов: *ил* ‘вниз’ и *ким* ‘наружу’ с пространственным значением в сочетании с глаголами, представляющими разные лексико-семантические группы: движения, перемещения, действия, состояния и др. На материале обско-угорских языков до настоящего времени не выявлен перечень таких глаголов и не имеется подробного описания изменения их глагольной валентности. В составе глагольного предиката хантыйского предложения выделяется преверб – словообразовательный элемент наречного происхождения, который модифицирует или изменяет значение глагола в зависимости от синтаксической сочетаемости.

Автор выявляет глаголы с превербом *ил/ёл* и *ким/кэм/кон*, описывает изменение семантики глаголов и их синтаксической сочетаемости. Результаты исследования могут быть использованы при составлении словарей, сопоставлении генетически родственных языков, а также для написания научной грамматики хантыйского языка.

Материалом исследования послужили глаголы казымского, шурышкарского, приуральского, сургутского диалектов хантыйского языка и верхнелозьвинского диалекта мансийского языка с превербами *ил/ёл* и *ким/кэм/кон*, извлеченные из словарей и частично собранные автором у информантов.

Преверб *ил* в основном присоединяется к глаголам движения, перемещения и изменения позиции. В итоге есть возможность сделать наблюдения над изменением числа валентностей производных глаголов: сохранением числа валентностей или уменьшением числа валентностей глагола. Глаголы ЛСГ перемещения теряют локативную валентность, могут переходить в ЛСГ изменения позиции, изменения состояния или деструкции; глаголы движения в основном формируют ЛСГ движения. Для ЛСГ глаголов состояния важным признаком является сочетаемость с одушевленным субъектом. Особенностью производных глаголов с превербом *ил* является то, что они редко изменяют свою семантику, чаще уточняют направление движения субъекта или объекта сверху вниз.

Преверб *ким/кэм* в основном присоединяется к глаголам движения, перемещения.

Ключевые слова: валентность, лексико-семантическая группа, глаголы движения, перемещения, преверб, семантика.

Категория пространства является универсальной для всех лингвокультур, однако данная категория наряду с универсальными признаками обладает и специфическими чертами, которые характерны для ее осмысления представителями той или иной культуры, что вызвано разными направлениями когнитивной проработки пространственных параметров. В процессе накопления человеком знаний об окружающем мире его взгляды на пространство усложняются, на их основе рождаются новые смыслы, прямо или опосредованно связанные с пониманием пространства, что находит отражение в языке. Представление о пространстве варьируется в зависимости от картины мира, характерной для определенной языковой общности в целом и находящейся под влиянием природных, социальных, культурных и иных факторов. Это представление характеризует то, как человек воспринимает и осмысляет окружающий мир. Для выражения категории пространства используются различные языковые средства, в том числе и глагольные превербы. Пространственная семантика глаголов с превербами может трансформироваться, в результате формируется иная семантическая структура слова.

В основу исследования семантической модели управления хантыйского глагола кладется изучение глаголов как семантических предикатов, соотносимых с типовыми ситуациями. Модель глагольного управления отражает ролевую структуру глагола, т. е. представляет индивидуальные валентностные характеристики глагола как лексикографического объекта; она опирается на понятие валентности глагола – его способности присоединять определенное количество зависимых элементов в определенной форме – и строится на основе всех употреблений некоторого конкретного глагола как максимально полный возможный набор его лексикографически существенных ролей.

Грамматика, лексикология и семантика хантыйского языка до настоящего времени изучены фрагментарно. Семантика глагола напрямую связана с системой его валентностей, т. е. с

определением количества обязательных актантов и необходимых обстоятельственных компонентов, входящих в модель предложения, тип модели элементарного простого предложения непосредственно определяется системой глагольных валентностей. Она в свою очередь зависит от характера глагольной основы, в частности от наличия / отсутствия превербов и набора аффиксов. Глагольные приставки хантыйского языка он упоминает в своей работе и перечисляет 13 приставок [Штейниц, 1937: 221–222]. В Этимологическом словаре хантыйского языка В. Штейница приводятся глаголы с приставками [Штейниц, 1966–1991: 398]. И. А. Николаева перечисляет в своей монографии 13 глагольных превербов приуральского диалекта [Николаева, 1995: 75–77]. На материале казымского диалекта хантыйского языка глаголы с превербами *=läñ*, *=нух*, *=ара* описаны в статьях В. Н. Соловар [2009: 19–25; 2017: 17–27; 2018: 470–478]. В словаре приуральского диалекта З. И. Рандымовой выделено 14 глаголов с превербом *=иҭ* [Рандымова, 2011: 31], от информантов получено 20 глаголов; в словаре шурышкарского диалекта встретилось 12 глаголов [Вальгамова, Кошкарева, Онина, Шиянова, 2011: 36]; из словаря [Лельхова, 2012] и статей Ф. М. Лельховой [2012: 33–36; 2013: 52–57; 2013: 18–21; 2014: 52–57]. Нами выявлено 42 глагола шурышкарского диалекта с превербом *=иҭ*, 3 глагола получено от информанта; из словаря мансийского языка Т. П. Бахтияровой, С. С. Динисламовой [2016: 48–49] выделено 11 глаголов. В восточных диалектах хантыйского языка к наиболее употребительным превербам В. Е. Варда относит: *ärəṭ*, *joḵ*, *jornam*, *il*, *il*, *kūm*, *niṭ*, *noṭ*, *niḵ*, *n'ul*, *pərtäṭ*, *tōṭi*. Автор отмечает, что лексема *il* имеет значение ‘низ’, ‘нижний’. Она сочетается с такими глаголами действия/движения, как *mākən't'əṭalta* ‘наклоняться’, *leməṭtəṭä* ‘облечь’, *wertä* ‘делать’, *rüytä* ‘скакать’, выступая в буквальном значении (пространственном). Лексема *kūm* имеет значение ‘наружу’, ‘на улицу’. Сочетание *kūm* с глаголом производит акциональную характеристику глагольной основы *porqalta* ‘прыгать’, *wätä* ‘брат’, *lä ṭaltä* ‘смотреть’, сочетая как пространственное значение, так и значение предельности: ‘выпрыгнуть’, ‘вынимать’, ‘выглянуть’ [Варда, 2016: 45–46].

При описании валентностей хантыйского глагола мы опираемся на теоретические взгляды М. И. Черемисиной [1995: 63–68] и исследования Н. Б. Кошкаревой, описывающей системные связи между единицами синтаксического уровня на примере глаголов перемещения [Кошкарева, 2004: 70–80]. Самое большое количество валентностей, формируемых у глаголов с превербом *=иј*, – две, встречается у глаголов перемещения и движения.

В западных диалектах хантыйского языка имеется 7 продуктивных глагольных превербов: *=лӓп*, *=нух*, *=ара*, *=ким/кэм*, *=иј*, *=пелка*, *=шөпи*, *=кӓтна*. Глагольный преверб – это словообразовательный элемент наречного происхождения, который модифицирует или изменяет значение глагола в зависимости от синтаксической сочетаемости.

В данной статье мы подвергли анализу 70 глаголов казымского диалекта с превербом *иј*. В качестве фона используются материалы шурышкарского (45 глаголов), приуральского (27 глаголов), 11 глаголов верхнесосьвинского диалекта.

Наличие у глагола преверба *=иј* указывает на то, что движение, изменение позиции, перемещение, изменение состояния происходит в вертикальной плоскости по направлению к точке ориентации сверху вниз. Глагольный преверб *=иј* может отделяться от глагола, так же как другие превербы, частицей.

С точки зрения признака «среда передвижения» глаголы распределяются на три лексико-семантические группы (ЛСГ): глаголы со значением движения по твердой поверхности; глаголы со значением движения по воздуху; глаголы со значением движения в жидкой среде. Характер передвижения в них уточняется с точки зрения способа, среды, темпа, точки наблюдения, образной характеристики передвижения.

Нейтральными к среде и способу передвижения являются глаголы: *иј питты* ‘упасть’, *иј кэриты* ‘упасть’, *иј рӓкӓнты* ‘упасть’; *иј мӓнты*, *иј йиты*, *иј йухӓтты* ‘двигаться вниз’. Последние три глагола фиксируют точку наблюдения говорящего: при глаголе *иј мӓнты* говорящий находится в некотором отдалении от субъекта движения или движение осуществляется навстречу ему (кроме субъекта, обозначающего жидкость); при глаголах *иј йиты* ‘спускаться, опускаться’, *иј йухӓтты* ‘спу-

ститься, опуститься’ говорящий наблюдает движение предмета на видимом расстоянии.

Представим толкование значений нескольких глаголов:

ул питты ‘упасть, падать’ – двигаться, двинуться сверху вниз к земле под воздействием собственной тяжести;

ул кэриты ‘упасть, свалиться непроизвольно’;

ул рэкэнты ‘упасть, свалиться непроизвольно’;

ул мянты – 1. двигаться сверху вниз на расстоянии от наблюдателя или удаляться от наблюдателя; 2. вылиться, пролиться, вытечь;

ул йиты ‘упасть, падать’ – двигаться сверху вниз на видимом расстоянии от наблюдателя;

ул йухэты ‘упасть’, приблизиться к земле на видимом расстоянии от наблюдателя;

ул шөйлэты ‘провалиться, утонуть’ – описывает переход от пребывания на относительно твердой поверхности к погружению в жидкую, вязкую или рыхлую субстанцию до полного исчезновения, у данного глагола нет ограничения на среду, например: Хопэл *ул шөйлэс* ‘Лодка утонула’; Ин хөйэн äнтэп йул вўша сухэн мўв, памэн мўва *улы* ши *шөйлэс*.

Релевантные для семантического описания параметры: непроизвольность, а также контролируемость движения, скорость, среда, субъект, объект.

Глаголы *ул питты*, *ул кэриты*, *ул рэкэнты* ‘упасть’ передают непроизвольное падение предметов, теряющих опору; субъектом данного предиката в предложении являются одушевленные и неодушевленные предметы, например: Нохэрлам *ул питсэт* ‘Шишки упали’, Ма *ул* хящ *питсэм* ‘Я чуть не упал’; Вошэл хонэжэн ши *ул кэрийэс* ‘Около поселка он упал’, Сэрэм *ул кэрийэс* ‘Лопата упала’, Хятлэн *улы мянэл* ‘Солнце опустилось’.

Контролируемость движения возможна при каузативных глаголах: *ул вохэлэты* ‘спустить сверху вниз’, *ул вэлэты* ‘уложить спать’, *ул шөйлэты* ‘утопить’.

Сема движения жидкости содержится в семантике следующих глаголов:

ул цўрыты ‘стекать тонкой струйкой’; *ул туицэмтты* ‘выплеснуться через край сосуда’; *ул увты* ‘стечь, стекать’; *ул спэтты* ‘выливаться через край (о кипящей жидкости в посу-

де)’, данный глагол переходит в ЛСГ глаголов состояния и приобретает также значение ‘надорваться’. Глагол *ул мӓнты* приобретает значение движения жидкости при субъекте, называющем жидкость. Приведем примеры: фолькл. *Тӓт хонӓна пунсӓлӓн, вуйлӓл ул ци щӓрылӓт* ‘Положили они его возле огня, жир с него стекает’; *Йиукӓм вӓтрайӓм эвӓлт ул тупицӓмтӓс* ‘Вода из ведра выплеснулась’; *Хошӓм йиукӓм ул ӓптӓс* ‘Уха вылилась из кастрюли’; *Шай анӓм ул мӓнӓс* ‘Чашка чая пролилась’.

Глагол *ул шошӓмты* ‘вылить, пролить, высыпать’ обозначает движение и жидких веществ, и сыпучих предметов, например: *Йиукӓл ул шошӓммал* ‘Он пролил воду’, *Пухӓлӓн саккарӓм ул шошӓм* ‘Её сын просыпал сахар’.

Глагол *ул пӓрыты* ‘сыпаться’ обозначает движение сыпучих предметов: *Лӓщ ул пӓрыйӓл* ‘Снег падает’; *Кӓрпайӓм ул пӓрыйӓс* ‘Крупа сыплется’.

К глаголам образной характеристики движения относятся глаголы, передающие звуковое восприятие движения: *ул пӓтрӓмтты* ‘упасть в воду, издавая глухой звук’; *ул лускӓты* ‘поставить или бросить на пол с грохотом’, *ул рӓскӓты* ‘бросить или ударить об землю или пол’.

Падение тяжелых предметов отражено в семантике следующих глаголов: *ул ӓратты* ‘упасть с глухим звуком (о тяжелом предмете)’, *ул роханьӓты* ‘обвалиться’; шур. *ул ӓрӓкты* ‘падать, валиться (вниз)’, ‘обрушиваться (с шумом падать, обвалиться (о чем-нибудь тяжелом, громоздком)’, *ул роханьӓты, ул рохньӓмӓты (мгновен.)* 1) рухнуть, обрушиться, ‘обвалиться’, 2) провалиться (упасть с шумом, грохотом), свалиться; *ул рохньӓптты (мгновен.)* 1) ‘рухнуть, обрушиться’, ‘обвалиться’, 2) ‘провалиться’, например: *Сӓсы ул роханьӓс* ‘Слопец обрушился’; *Нурӓм ул ӓрхӓмтӓс* ‘Полка рухнула’; *Хотӓл хувӓн ул рохньӓс* ‘Дом его давно обвалился’; шур. *Норам ул роханьӓс* ‘Полка обрушилась’.

К рассмотренной выше группе глаголов близки по семантике глаголы вертикального движения или погружения вниз в некоторой среде (*ул шӓйлӓты* ‘тонуть, проваливаться, погрузиться’, *ул роханьӓты* ‘провалиться’, *ул лакнӓмӓты* ‘провалиться’, *ул вохӓлты* ‘сойти вниз’, например: *Хопӓл ул шӓйлӓс* ‘Лодка утону-

ла (погрузилась в воду)'; *Хәүәта ил хайц шөйләсәм* 'Я чуть не утонул в болоте'; *Йеүкәл хулна өхәл, өхләл ил роханьһәс* 'Лед еще тонкий, нарта провалилась'.

При изменении лексического значения глагола может измениться его валентность. Сочетаясь с одним и тем же провербом, разные глаголы формируют разные системы валентностей.

Значение проверба *ил* 'вниз' – 'направление движения вниз, изменение расположения субъекта в пространстве, изменение состояния', например: *навәрмәты* 'прыгнуть' – *ил навәрмәты* 'спрыгнуть', *мәнәмты* 'дернуть' – *ил мәнәмты* 'сорвать, сдернуть' (букв.: вниз дернуть), *ил хәтәмәты* 'скатиться', *ил мйкәрләты* 'нагнуться' (букв.: вниз сгорбиться), *ил омәсты* 'сесть (букв.: вниз сесть)', *ил есләмтты* 'сброситься (букв.: вниз кинуться)', *ил есалты* 'опустить, спустить' (букв.: вниз спустить) и др.

Глагольный проверб =*ил* присоединяется к глаголам разных ЛСГ: глаголам движения, изменения позиции, перемещения, действия, изменения состояния. По материалам нашей картотеки проверб *ил* присоединяется в казымском диалекте к следующим группам глаголов: глаголам движения (43); глаголам позиции (11), глаголам перемещения (9); глаголам действия (5); глаголам состояния (2). Глаголы движения с провербом *ил* дифференцируются по абстрактно-семантической категории: общая направленность движения, среда передвижения, способ передвижения, изменение позиции субъекта в пространстве.

В верхнелозьвинском диалекте мансийского языка проверб *ёл* 'вниз' присоединяется к 4 глаголам ЛСГ действия (36 %), к 5 глаголам ЛСГ движения (45 %), к 1 глаголу позиции (9 %), и к 1 глаголу с семантикой преграждения (9 %). Из 11 глаголов верхнелозьвинского диалекта значение 2 глаголов совпадает со значениями и фонетическим обликом глаголов казымского диалекта: *Пил вётра ёл-сõсхатас* 'Ведро ягод просыпалось'; *Вит ёл-сõсхатас* 'Вода пролилась'; *Щаквит ёл-сõсхатас* 'Молоко пролилось'; Акв тонт ёрыс таве *ёл-йртуукв* 'Его тогда и надо было задержать'; Ты пыйрищ тыт *ёл-йртуукв* 'Задержать этого мальчика здесь'.

Остальные глаголы не совпадают по фонетическому облику, что не позволяет судить о сходстве значений, например: *верх-*

лозев. *ёл-пувуукв* ‘удержать’; *ёл-роцуукв* ‘остановиться, приостановиться’; схватить; *ёл-хуйюукв* ‘лечь, прилечь’. Приведем примеры: Тав *āнум ёл-пувыстэ* ‘Он меня удержал’; Такщ *ёл-пувуукв* ‘Крепко ухватить’; Мощ *ёл-роцуукв* *эри* ‘Нужно ненадолго остановиться’; Пуссын *ёл-хуйыйпасыт* ‘Все быстро улеглись спать’; Аннэй Катяй *ёл-хуясий* ‘Аня и Катя легли спать’.

Система валентностей глагола может измениться в зависимости от ЛСГ, к которой преверб присоединяется. Так, например, преверб *=и/* присоединяется к глаголу движения и уменьшает валентности этого глагола, что влияет на семантику и структуру хантыйского предложения: *Ацэн пурмэсла/ и/ есэ/сэ/э* ‘Отец опустил вещи’. Глагол *и/ ньұрты* ‘нагнуться’ (букв.: вниз нагнуться) сохраняет только одну валентность – субъектную, остается в классе глаголов позиции, например: Вэтрайэ/ пэ/а *и/ ньұрэс* ‘Она нагнулась к ведру’.

Подробнее изменение валентностей глагола казымского диалекта хантыйского языка представим в виде таблицы.

Уменьшение количества валентностей:

1) глаголы перемещения (утрата локативной валентности. Сохранение субъектной и объектной валентностей)

№	Глагол без преверба	Перевод	ЛСГ, кол- во валент.	Пример	Глагол с превербом	Перевод	Пример	ЛСГ, кол- во валент- ностей
1.	<i>хяһатты</i>	прятать	перемеще- ния, трех- валентный	<i>Аңкәмән йәрнасәм йишкапа хяһатса</i> Мама спря- тала платье в шкаф.	<i>ул хяһат- ты</i>	спрятать вниз	<i>Имәлән мавләл йишкапа ул хяһат- сайәт</i> Же- на спрятала конфеты в шкаф	перемеще- ния, двух- валентный
2.	<i>хумәлмәты</i>	положить в подол, приподняв нижнюю часть пла- тья	перемеще- ния, трех- валентный	<i>Кепәлләл йәрнас ул тәхийя хумәлмәсдә, ци төсдә...</i> Камусы она положила в подол пла- тья.	<i>ул хумәлмәты</i>	переве- рнуть	<i>Йәтшиәмәл йүпийән, анәл ул хумәлмәсдә</i> После того, как закон- чил, чашку переве- нул.	изменение позиции в простран- стве, двух- валентный
3.	<i>вуцкәты</i>	бросить	перемеще- ния, трех-	<i>Пухәл кәв тыв вуцкәс</i>	<i>ул ву- цкәты</i>	сбросить	<i>Пухәнән анәл ул</i>	перемеще- ния, двух-

			валентный	Сын = его камень сю- да бросил.			<i>вуцкэсы</i> Сын бро- сил вниз чашку.	валентный
4.	<i>вохэлтэты</i>	помочь спуститься сверху вниз	перемеще- ния, четы- рехвалент- ный	<i>Ма апицэн</i> <i>хотлауэл</i> <i>эвэлт ил</i> <i>вохэлтэсэм</i> Я братиш- ку твоего спустил с крыши вниз.	<i>ил</i> <i>вохэлтэты</i>	помочь спуститься сверху вниз	<i>Щаъцаицэн</i> <i>керас</i> <i>илнийа ил</i> <i>вохэлтэсэм</i> Деду с бе- рега помог спуститься вниз.	перемеще- ния, двух- валентный
5.	<i>түвсмэты</i>	унести	перемеще- ния, четырёхва- лентный	<i>Ма ыаһәм</i> <i>лапка</i> <i>эвэлт йухи</i> <i>түвсмэсэм</i> Я хлеб из магазина домой при- несла.	<i>ил</i> <i>түвсмэты</i>	задремать	<i>Ма йсша ил</i> <i>түвсмэсый</i> <i>эм</i> Я не- много за- дремал.	изменение состояния, одновала- лентный
6.	<i>пулэтты</i>	дунуть	перемеще- ния, трех- валентный	<i>Непэк пүлэл</i> <i>цивэлт</i> <i>пулэтсэлэ</i> Он дунул	<i>ил</i> <i>пулэт-</i> <i>ты</i>	сдунуть	<i>Вот рүвэн</i> <i>ин непэк</i> <i>пүл ил</i> <i>пулэтса</i>	перемеще- ния, двух- валентный

				бумажку в ту сторону.			Ветер сду- нул бумаж- ку.	
7.	<i>менэмты</i>	дернуть	перемеще- ния, трех- валентный	<i>Ин икэлэн пухлэ тывэлт менэмса</i> Мужчина дернул мальчика в эту сторо- ну.	<i>ул менэмты</i>	сорвать	<i>Пайт өхтыйэн кашэн нүв ул менэмлэлэ</i> По пути каждую ветку он срывает.	деструк- тивного действия, ЛСГ отде- ления двухва- лентный
8.	<i>пөхэлмэты</i>	толкнуть	перемеще- ния, трех- валентный	<i>Нйу муйа лүвэт пөхэлмэсэн?</i> Зачем ты его толк- нул?	<i>ул пөхэлмэты</i>	столкнуть	<i>Ши икэнэн ин хө ул пөхэлмэсы</i> Этот муж- чина того мужчину столкнул.	перемеще- ния, двух- валентный
9.	<i>лускэты</i>	поставить резко или бросить на пол с гро- хотом	перемеще- ния, трех- валентный	<i>Ин имэнэн хүлэ пүтэм хот хйрыйа лускэсы</i> Эта жен- щина котел	<i>ул лускэты</i>	поставить или бро- сить на пол с грохотом	<i>Вэтрайгүл ул лускэсгэ</i> Бросила ведро на пол	перемеще- ния, двух- валентный

				с рыбой на пол поставила.				
10.	<i>лүттэты</i>	выронить, обронить	перемещения, трехвалентный	<i>Лөйтәм ма хот хайры хөла лүттәсәм</i> Я обронила кольцо в щель пола	<i>иҗ лүттэты</i>	выронить	<i>Аңкем щосәҗ иҗ лүттәсҗә</i> Мама выронила часы.	перемещения, двухвалентный
11.	<i>навэтты</i>	уронить	перемещения, трехвалентный	<i>Нәу иҗлән хот хайрыа навәтсэн</i> Ты пуговицу на пол уронил.	<i>иҗ навэтты</i>	1) уронить; 2) бросить взгляд (букв.: уронить взгляд)	<i>Нәу ухшамән иҗ навәтсэн</i> Ты уронил платок	1) перемещения, двухвалентный; 2) восприятия, одновалентный
12.	<i>рескэты</i>	ударить	деструктивного действия, трехвалентный	<i>Хуйатән йүхән рәскәсийәм</i> Кто-то ударил меня палкой.	<i>иҗ рескэты</i>	поставить или бросить на пол с грохотом	<i>Хүрәҗ ин утәтән иҗ рәскәсы</i> Этот человек поставил корыто.	перемещения, двухвалентный

Трехвалентный глагол перемещения *хумэлмэты*, присоединяя преверб *ул*, становится двухвалентным и переходит в ЛСГ изменения позиции в пространстве. Принимая преверб, глагол *менэмты* меняет ЛЗ, теряет валентность.

Все глаголы перемещения теряют одну валентность, но редко меняют значение. Большая часть глаголов перемещения трехвалентны, четырехвалентными являются каузативные глаголы. Глагол *түвемэты* переходит в ЛСГ состояния и предполагает одушевленный субъект. Глагол деструктивно-го действия *рэскэты* включает перемещение, он меняет лексическое значение и переходит в ЛСГ перемещения.

2) глаголы движения

13.	<i>мáнты</i>	идти, ехать, плыть, лететь	движения, трехва- лентный	<i>Ма вои эвэлт корта мáнлэм</i> Я из города в деревню поеду.	<i>ул мáнты</i>	сойти; пролиться	<i>Йиукэм ул мáнэс</i> Вода про- лилась.	движения, однова- лентный
14.	<i>питты</i>	1. падать, попасть вниз, упасть 2. линять;	движения однова- лентный	1. <i>Люньц питэс</i> Вы- пал снег. <i>Кáлт йиук питэс</i> Роса выпала; 2. <i>Ампэн пунэл</i>	<i>ул питты</i>	упасть	1. <i>Кáлт сохэл эвэлт ул хáйц пит- сэм</i> Я чуть не упала с трапа.	движения,

		3. умереть (о живот- ном)		<i>питэс</i> Со- бака линия- ет (букв.: шерсть собаки линяет). <i>3. Войәл</i> <i>питэс</i> Жи- вотное умерло.			<i>3. Войәл ил</i> <i>питэс</i> Жи- вотное упало.	однова- лентный
15.	<i>кэриты</i>	оказаться в положе- нии лежа, упасть	движения, двухва- лентный	<i>Икәл ну-</i> <i>рыйа</i> <i>кэрийәс</i> Муж упал на кро- вать; <i>Хәләм</i> <i>вөнт вой</i> <i>цив кэ-</i> <i>рисәт</i> Три быка туда упали.	<i>ил кэриты</i>	упасть	<i>Күрәм</i> <i>тәхрәмтә</i> <i>с, па ил</i> <i>кэрисәм</i> Нога заце- пилась, и я упал.	движения, однова- лентный
16.	<i>рәкәнты</i>	упасть, падать	движения, двухва- лентный	<i>Хәниши</i> <i>йүхәл хот</i> <i>хәрийа</i>	<i>ил</i> <i>рәкәнты</i>	упасть	<i>Эвийә ил</i> <i>рәкнәс</i> Девочка	движения, однова- лентный

				<i>рйкнэс</i> Карандаш его упал на пол.			упала.	
17.	<i>навэрмэты</i>	прыгнуть	движения, трехва- лентный	<i>Пухлэ реп</i> <i>ух пйты</i> <i>эвэлт</i> <i>йицка</i> <i>навэрмэс</i> Мальчиш- ка прыг- нул в воду.	<i>ул</i> <i>навэрмэты</i>	спрыгнуть	<i>Хотлаңэл</i> <i>эвэлт пух-</i> <i>лэ ул</i> <i>навэрмэс</i> С крыши мальчик спрыгнул.	движения, двухва- лентный
18.	<i>йухэтты</i>	приехать, прийти, прилететь	движения, трехва- лентный	<i>Упэм көрт</i> <i>эвэлт во-</i> <i>ша йухтэс</i> Сестра из стойбища приехала в город.	<i>ул йухэт-</i> <i>ты</i>	опуститься вниз	<i>Йэута</i> <i>путалэн ул</i> <i>йухтэс</i> Круглый предмет опустился вниз	движения, однова- лентный
19.	<i>йиты</i>	приехать, прийти, прилететь	движения, трехва- лентный	<i>Аицэн</i> <i>Сүмэтвоиш</i> <i>эвэлт тыв</i> <i>йил</i> Отец из Березо- во сюда	<i>ул йиты</i>	спуститься, опуститься вниз	<i>Кăъэл ул</i> <i>йил</i> Кошка спускает- ся.	движения, однова- лентный

				едет.				
20.	<i>еслэмтты</i>	прыгнуть	движения, трехвалентный (мгнов.)	<i>Лув хот лауэл эвэлт илы еслэмтэс</i> Он с крыши прыгнул вниз.	<i>ил еслэмтты</i>	спрыгнуть	<i>Кӱвэн йӱх эвэлт ил еслэмтэс</i> Кошка спрыгнула с дерева.	движения, двухвалентный
21.	<i>хйтәмәты</i>	подвигнуться, скатиться	движения, трехвалентный (мгнов.)	<i>Ин не тыв хйтумэс</i> Эта женщина подвинулась сюда.	<i>ил хйтәмәты</i>	скатиться вниз	<i>Реп эвэлт ил хйтәмэс</i> Он скатился с горы.	движения, двухвалентный
22.	<i>лӱрәмәты</i>	покатиться	движения, трехвалентный	<i>Сӱк путалем кӱремән йира лӱрәмәсы</i> Бусинку кошка откатила.	<i>ил лӱрәмәты</i>	скатиться вниз; упасть	<i>Сӱк путалем ил лӱрәмэс</i> Бусина скатилась.	движения, одновалентный
23.	<i>сухнемәты</i>	кончиться	движения, одновалентный	<i>Кӱлем сухнемэс</i> Веревка	<i>ил сухнемәты</i>	сорваться вниз	<i>Хуйат ил сухнемэс</i> Кто-то	движения, одновалентный

				кончилась.			вниз со- рвался.	
24.	<i>вўратты</i>	проситься, лезть куда- либо	движения, двухва- лентный	<i>Ампэн хот лыпийа вўратәл</i> Собака лезет в дом.	<i>ул вўрат- ты</i>	проситься, лезть вниз	<i>Эвэн ул вўратәл</i> Дочь = твоя вниз просится	движения, однова- лентный
25.	<i>ицўрыты</i>	течь тон- кой струй- кой	движения, однова- лентный	<i>Йицкәл тәп ицўрыйәл</i> Вода еле лется.	<i>ул ицўры- ты</i>	стекать тонкой струйкой	<i>Тўт хонәуа пунсәлән, вуйләл ул ици ицўрыләт</i> Положили они ее возле огня, жир с него стекает.	движения, однова- лентный

Глаголы движения, присоединяя преверб *ул*, не меняют лексическое значение; преверб уточняет направление движения, так, например, глагол *питты* обозначает движение осадков или естественных природных процессов; глагол с превербом обозначает уже движение вниз по какой-либо причине. Валентность глаголов движения с превербом уменьшается на одну.

3) изменение позиции в пространстве

26.	-	-	-	-	<i>ул ауламтый- элты</i>	накло- ниться		мини- мальное изменение позиции в простран- стве, од- новалент- ный
27.	<i>ваукләмтты</i>	зацепиться	заверше- ние дви- жения, двухва- лентный	<i>Күрәм амп хирәм ло- та ваукләмтәс</i> Нога заце- пилась за яму, кото- рую вы- рыла соба- ка.	<i>ул ваукләмтты</i>	спот- кнуться	<i>Ил хайц ваукләмтәс</i> Он чуть не споткнул- ся.	мини- мальное изменение позиции в простран- стве, од- новалент- ный
28.	<i>мәкәрләты</i>	согнуться, сгорбиться	мини- мальное изменение позиции в простран- стве, од-	<i>Ин имэн мәкәрләмац</i> Эта жен- щина со- гнулась.	<i>ул мәкәрләты</i>	нагнуться	<i>Ин имэн ул мәкәрләс</i> Эта жен- щина сгорби- лась.	изменение позиции в простран- стве, од- новалент- ный

			новалент- ный					
29.	<i>вѣтѣты</i>	уложить спать	мини- мальное изменение позиции в простран- стве, трех- валент- ный.	<i>Ма лывѣт вѣтѣлѣам ицив</i> Я их туда уло- жу.	<i>иѣ вѣтѣты</i>	уложить спать	<i>Ма нѣвремѣам иѣ вѣтѣлѣам</i> Я детей уложу.	изменение позиции в простран- стве, двух- валентный
30.	<i>кѣрѣп- тыйѣлѣты</i>	лежать, валиться, полежать	изменения позиции, однова- лентный	<i>Ма кѣрѣп- тыйѣлѣам</i> Я валяюсь.	<i>иѣ кѣрѣп- тыйѣлѣты</i>	валиться вниз	<i>Ма иѣ кѣрѣп- тыйѣлѣам</i> Я ложусь полежать.	изменение позиции, однова- лентный

4) изменение состояния

31.	-	-	-	-	<i>иѣ кѣрнѣамты йѣлѣты</i>	вздрем- нуть	<i>И нѣл лѣхлѣам мѣрѣмѣн иѣ кѣрнѣамты- лѣс</i> Пока я съела один кусочек, он задремал	изменение состояния, однова- лентный
-----	---	---	---	---	------------------------------------	-----------------	--	---

							ненадолго.	
32.	<i>вуйәмтты</i>	уснуть	изменение состояния		<i>иҗ вуйәмтты</i>	уснуть		изменение состояния, однова- лентный
33.	<i>уҗты</i>	лежать, лечь	изменения позиции, однова- лентный	<i>Җүв уҗәс</i> Она легла.	<i>иҗ уҗты</i>	лечь спать, прилечь	<i>Әвәм иҗ уҗәс</i> Дочь легла спать.	изменение состояния, однова- лентный

Итак, глаголы с превербом *ул* могут сохранять свою валентность, к ним относятся глаголы ЛСГ положения в пространстве, состояния; редко сохраняют валентность глаголы движения и перемещения. Глаголы перемещения теряют локативную валентность от четырех до двух в зависимости от семантики глагола. При присоединении преверба *ул* валентность глагола уменьшается, если предикат обозначает перемещение предмета или живого существа, движение живого существа. Однако глаголы движения, передающие природные явления или процессы, не изменяют валентность.

Преверб *ул* в шурышкарском и приуральском диалектах в основном формирует глаголы движения (37), пять глаголов из них представляют ЛСГ позиции. Семантика этих глаголов совпадает с семантикой глаголов казымского диалекта. Семантика ряда глаголов шурышкарского диалекта не совпадает с семантикой глаголов казымского диалекта, например, *ул керэтьдэйэжты* 'упасть (специально)'; *ул ньэркэмтты [ньэркэпты]* (мгновен.) 'опуститься на что-либо', 'упасть, присесть от усталости'; *ул нитты* 'умирать, погибать'; *ул ёхэжты* 'спускаться по течению реки' (на лодке), 'спускаться с гор'. Однако валентность этих глаголов не отличается от валентности глаголов казымского диалекта.

Примеры 1–12: трехвалентные глаголы теряют одну из валентностей, четырехвалентные могут терять от двух до трех валентностей.

Примеры 13–25: глаголы движения теряют чаще одну валентность; либо одновалентный глагол не меняет количество валентностей.

Примеры 26–30: одновалентные глаголы не меняют количества валентностей; трехвалентные и двухвалентные глаголы теряют одну валентность.

Рассмотренный материал показывает, что хантыйские глаголы с превербом *=ул* в основном формируют ЛСГ глаголов движения, перемещения, изменения позиции и в меньшей степени ЛСГ изменения состояния. Данные глаголы не столь часто меняют ЛЗ, как глаголы, формируемые, например, превербами *=нух*, *=лэп*, *=ара*. Помимо собственного пространственного характера семантики преверб *ул* обладает способностью к форми-

рованию словообразовательных значений производных глаголов, например: *иҗ вохәҗты* ‘спуститься’, *иҗ вохҗыйәҗты* ‘спуститься (многократно)’, *иҗ вохҗемәты* ‘спуститься (мгнов.)’; *иҗ һүрты* ‘наклониться’, *иҗ һүрыйәҗты* ‘наклоняться (многокр.)’, *иҗ һүрәмтты* ‘наклониться (мгнов.)’.

Рассмотрим семантические особенности глаголов с превербом *ким/кэм/кон* в казымском, шурышкарском, приуральском, сургутском диалектах хантыйского языка и верхнелозьвинском диалекте мансийского языка. Преверб *ким/кэм/кон* имеет пространственное значение, он передает перемещение, движение изнутри какого-либо пространства вовне этого пространства, например: *вортты* ‘подпереть’ – *ким вортты* ‘выталкивать’, *воиәтты* ‘гнать’ – *ким воиәтты* ‘выгнать’, *вуцкәты* ‘бросить’ – *ким вуцкәты* ‘выбросить’, *йовәҗты* ‘мести’ – *ким йовәҗты* ‘вымести’, *хөхәҗты* ‘бежать’ – *ким хөхәҗты* ‘выбежать’ и др.

Преверб *ким* материально совпадает в казымском, шурышкарском и приуральском диалектах, в сургутском диалекте ему соответствует преверб – *кэм*, в верхнелозьвинском диалекте мансийского языка – *кон*, в кондинском диалекте ему соответствует преверб – *кян*.

Материалом для анализа глаголов с превербом *ким/кэм/кон* явились словарные единицы, извлеченные из словаря приуральского диалекта З. И. Рандымовой и полученные от информанта, 14 глаголов извлечены из словаря шурышкарского диалекта, 30 глаголов получено от информантов, 27 глаголов получены от информантов с сургутским диалектом, 20 глаголов извлечены из словаря верхнелозьвинского диалекта мансийского языка, также собранная автором статьи картотека слов казымского диалекта (65 глаголов).

Рассмотрим особенности присоединения преверба *ким/кэм/кон* в обско-угорских языках к разным ЛСГ глаголов:

Язык / диалект. ЛСГ	Хантыйский								Мансий- ский	
	казым- ский		шурыш- рыш- карский		при- ураль- ский		сургут- ский			
	ко л-	%	ко л-	%	ко л-	%	ко л-	%	кол -во	%

	во		во		во		во			
движения	28	43	15	37, 5	2	25	14	43, 7	10	50
перемещения	26	40	20	50	5	62, 5	15	46, 8	8	40
восприятия	4	6,1	2	5	1	12, 5	-		2	10
состояния	1	1,5	1	2,5	-		-		-	
действия	4	6,1	-		-		1	3,1	-	
реч. деят.	1	1,5	1	2,5	-		-		-	
преграждения	1	1,5	1	2,5	-		-		-	
позиции	1	1,5	-		-		2	6,2	-	
	65		40		8		32		20	

Преверб *ким* изменяет семантику глаголов, так, например, *ванэ́лтэты* ‘показывать’ – *ким ванэ́лтэты* ‘выводить’; *омэсты* ‘сидеть’ – *ким омэсты* ‘выставить’; *пəхə́лмэты* ‘толкнуть’ – *ким пəхə́лмэты* ‘вытолкнуть’; *вохты* ‘звать’ – *ким вохты* ‘вызвать’; *вошэ́тты* ‘гнать’ – *ким вошэ́тты* ‘выгнать’.

Глагольный преверб *ким* присоединяется в казымском диалекте к глаголам нескольких ЛСГ: глаголам перемещения (26), движения (28), зрительного восприятия (4), речевой деятельности (1), действия (4) и др. Глаголы движения с превербом *ким* дифференцируются по абстрактно-семантической категории общая направленность движения, способ передвижения, изменение позиции субъекта в пространстве. Из 40 анализируемых глаголов шурышкарского диалекта преверб =*ким* присоединился к 16 глаголам движения, к 18 глаголам перемещения, к двум глаголам восприятия и др.

В приуральском диалекте (усть-собский говор), по имеющимся материалам, преверб *ким* присоединяется в основном к глаголам перемещения и движения.

Система валентностей глагола может измениться в зависимости от ЛСГ, к которой преверб присоединяется. Так, например, преверб =*ким* присоединяется к глаголу движения и уменьшает валентности этого глагола, что влияет на семантику и структуру хантыйского предложения: *Ма пэ́вə́лтхот э́вə́лт ким хə́хə́лсə́м*

‘Я выбежала из бани’. Глагол *ким йўвэтты* ‘выкинуть’ (букв.: наружу кинуть) сохраняет две валентности – субъектную и объектную, остается в классе глаголов перемещения, например: *Нӧӧ пурмэсјал ким йўвэтсјалан* ‘Ты вещи его выбросила’.

Подробнее изменение валентностей представим в виде таблицы.

Уменьшение количества валентностей:

№	Глагол без преверба	Перевод	ЛСГ, кол-во валент.	Пример	Глагол с превербом	Перевод	Пример	ЛСГ, кол-во валентностей
1.	<i>алъэты</i>	носить	перемещения, четырехвалентный	<i>Ма йӱхлам тӱт йӱхи пай эвэлт рат хӱра тӱллам</i> Я дрова с дровяника к костру несу.	<i>ким алъэты</i>	выносить	<i>Сухлан ким алъа</i> Вынеси белье.	перемещения, трехвалентный
2.	<i>ванэлтэты</i>	вести	перемещения, четырехвалентный	<i>Нӱн сэмлы икэн пӱльнитса эвэлт йухи ванэлтэ</i> Ты слепого мужчину из больницы	<i>ким ванэлтэты</i>	вывести	<i>Ин ловэл лӱв лов хот эвэлт ким ванэлтэллэ</i> Этого коня он из конюшни выводит.	перемещения, трехвалентный

				веди до- мой.				
3.	<i>вуцкэты</i>	бросить	переме- щения, четырёх- валентный	<i>Ци войэн нэй хушапэн эвэлт йира ву- цкэ</i> Эту букашку ты из ко- робки вы- брось прочь.	<i>ким ву- цкэты</i>	выбросить	<i>Нэй хэйэм пурмэс.лал хир эвэлт ким ву- цкалы</i> Оставлен- ные им вещи вы- брось из мешка.	переме- щения, трехва- лентный
4.	<i>лоңәлцәты</i>	ставить	переме- щения, четырёх- валентный	<i>Ацэнэн нымәлнәлан тәлҗта тухи лоңәлцәс ыйнэн</i> Отец лы- жи отсюда туда по- ставил.	<i>ким лоңәлцәты</i>	выставить	<i>Ма сәрэн ким лоңәлцәсәм</i> Я лопату выставила.	переме- щения, двухва- лентный
5.	<i>пунты</i>	класть	переме- щения,	<i>Нэй кинишкәйэн</i>	<i>ким пун- ты</i>	выложить	<i>Упсәм хуллам</i>	переме- щения,

			четырёх- валентный	<i>пйсан эвэлт нурэма пунсэн</i> Ты книжку со стола на полку по- ложила.			<i>ким пун- сайэт</i> Сестра рыбу на улицу по- ложила.	двухва- лентный
6.	<i>сөхтэты</i>	дернуть	переме- щения, четырёх- валентный	<i>Нйу аицэнэн хот эвэлт ким сөхтэсийэн</i> Тебя отец из дома наружу дернул.	<i>ким сөхтэты</i>	выдернуть	<i>Имүлтыйэ н цухал ов эвэлт дын ин икэнэн ким ици сөхтэсий- уэн</i> Нако- нец через отверстие чувала их выдернул этот муж- чина.	переме- щения, трехва- лентный
7.	<i>талты</i>	тащить	переме- щения, четырёх- валентный	<i>Мин өхлөмэн төп ици вонт</i>	<i>ким талты</i>	вытащить	<i>Ши ларац мин йулта ким талссмэн</i>	переме- щения, трехва- лентный

				<i>эвэлт йухи тајсәмән</i> Мы нарты из леса еле домой дотащили.			Этот ящик мы из до- ма выта- щили.	
8.	<i>төты</i>	нести	переме- щения, четырёх- валентный	<i>Ма кинникалам йулта рөпатайа төслам</i> Я книги из дома на работу принесла.	<i>ким төты</i>	вынести	<i>Нәй нурмәслан тәјта ким тұвалы</i> Ты вещи отсюда вынеси.	переме- щения, трехва- лентный
9.	<i>есәлты</i>	отпустить	переме- щения, четырёх- валентный	<i>Ма вұлылам пөшас эвэлт йира есәјсәлам</i> Я оленей из загона выпустил на свобо-	<i>ким есәлты</i>	выпус- кать, вы- пустить	<i>Ащәмән вұлылам пөшас эвэлт ким есәјсайәт</i> Отец вы- пустил оленей из загона.	переме- щения, трехва- лентный

				ду.				
10.	<i>тємэтты</i>	высыпать, вывалить; вылить	переме- щения, трехва- лентный	<i>Ма тәпәрләр ам Я му- сор туда выброшу.</i>	<i>ким тємэтты</i>	ывалить, высыпать; вылить	<i>Нәң тәпәрләр ким тєм- тәлэ Ты выбрось мусор на улицу.</i>	переме- щения, трехва- лентный
11.	<i>лүкємэты</i>	сунуть	переме- щения, трехва- лентный	<i>Лүв вухләр щєпа лүкємәслэ Он сунул деньги в карман.</i>	<i>ким лүкємэты</i>	вытолк- нуть, вы- гнать	<i>Нәң лүвәт ким лүкємэ Ты его выго- ни.</i>	переме- щения, двухва- лентный
12.	<i>пөхәлмэты</i>	толкнуть	переме- щения, трехва- лентный		<i>ким пөхәлмэты</i>	вытолк- нуть (о живом существе)		переме- щения, двухва- лентный
13.	<i>аңләмтты</i>	выглянуть, высунуть- ся,	переме- щения, двухва- лентный		<i>ким аңләмтты</i>	выглянуть	<i>Аңцәл көр тум пеләк эвәлт ким аңләмтәс Братишка выглянул из-за печ-</i>	переме- щения, двухва- лентный

							ки.	
14.	<i>йовәлмәты</i>	ударить, размахнувшись	деструктивного действия, двухвалентный	<i>Ин икәлән йовәлмәсы</i> Этот мужчина ударил его.	ким йовәлмәты	выкинуть	<i>Нәу йүхәл ким йовәлмә</i> Ты палку выбрось.	перемещения, двухвалентный
15.	<i>холәмтты</i>	1. сдвинуть; 2. добыть, получить в свое распоряжение	перемещения, двухвалентный	<i>Лараңсем төп ци холәмсем</i> Ящик я с трудом сдвинул.	ким холәмтты (о тяжелом предмете)	вытащить наружу	<i>Пәсанәм ким холәмтсем</i> Стол я вытащила наружу.	перемещения, двухвалентный

1) глаголы перемещения (утрата локативной валентности, сохранение субъектной и объектной валентностей)

Глагол *лүкәмәты* ‘сунуть’ предполагает в качестве объекта неодушевленный предмет, при присоединении преверба глагол *ким лүкәмәты* ‘выгнать’ меняет ЛЗ и сочетается с одушевленными объектами. Глаголы *тәмәтты* ‘лить; сыпать’ – *ким тәмәтты* ‘вылить; высыпать’ не содержат в ЛЗ различия объекта по его структуре. Глаголы *пәхәлмәты* ‘толкнуть’ – *ким пәхәлмәты* ‘вытолкнуть’ требуют объект одушевленный: *Муйа мәнәт пәхәллән* ‘Зачем меня толкаешь?’ – *Ма ким пәхәллайам* ‘Меня выталкивают’. Глагол *йовәлмәты* меняет ЛЗ и переходит в ЛСГ перемещения. Основная часть глаголов перемещения не меняют ЛЗ, а лишь уточняют направление перемещения.

2) глаголы движения

16.	<i>мáнты</i>	идти, ехать, плыть, лететь	движения, трехва- лентный	<i>Ма воиш эвэлт көрта мáнлэм</i> Я из города в деревню поеду.	<i>ким мáнты</i>	выйти	<i>Имэл ким мáнэс</i> Жена вы- шла.	движения, однова- лентный
17.	<i>питты</i>	упасть	движения, однова- лентный	<i>Вөншэм питэс</i> Сосна упала.	<i>ким пит- ты</i>	выйти, выпасть	<i>Ин ики ким ци питэс</i> Этот муж- чина вы- шел.	движения, однова- лентный
18.	<i>ваукты</i>	ползти	движения, трехва- лентный	<i>Ай наврэмэн пáсан хонэң эвэлт ов хонэңа ваукэс</i> Ребенок от стола к двери подполз.	<i>ким ваук- ты</i>	выползти	<i>Амп нуры илли эвэлт ким ваукэс</i> Собака выползла из-под кровати.	движения, двухва- лентный
19.	<i>хөхэлты</i>	бежать	движения,	<i>Мүү</i>	<i>ким</i>	выбежать	<i>Мүү иулта</i>	движения,

			трехвалентный	<i>тăлта тухи хөхәҗсәв</i> Мы отсюда туда бежали.	<i>хөхәҗты</i>		<i>ким хөхәҗсәв</i> Мы из дома выбежали.	двухвалентный
20.	<i>җәрыты</i>	катиться	движения, трехвалентный	<i>Сухәм похләм пәсан эвәҗт хуҗты җәрыйәс</i> Клубок ниток со стола куда-то укатился.	<i>ким җәрыты</i>	выкатиться	<i>Шүҗәҗ хушап эвәҗт ким җәрыйәс</i> Деталь из коробочки выкатилась.	движения, двухвалентный
21.	<i>наварты</i>	прыгать	движения, трехвалентный	<i>Ма тăлта щив и кӱрән навәрләм</i> Я отсюда туда на одной ноге прыгаю.	<i>ким наварты</i>	выпрыгивать	<i>Атләҗән хотәҗ эвәҗт лыв ким навәрсәт</i> Ночью из дома они выпрыгивают.	движения, двухвалентный

							вали.	
22.	<i>павтэсты</i>	отправиться	движения, трехвалентный	<i>Няў тэўта хуўты павтэса</i> Ты отсюда куда-нибудь отправляйся.	<i>ким павтэсты</i>	выйти, выбраться наружу	<i>Ўуўта муў ким павтэсэў</i> Мы выберемся из дома наружу.	движения, двухвалентный
23.	<i>пулхэмт-ты</i>	1. раскрываться; 2. брызнуть	изменение позиции, одновалентный	<i>Шу-вйэўлаўци пулхэмтэўт</i> Почки вот раскроются.	<i>ким пулхэмт-ты</i>	вывалиться	<i>Хирэм ким пулхэмтэс</i> Из мешка вывалилось.	движения, одновалентный
24.	<i>ньохэўты</i>	гнать, догонять	перемещения, четырехвалентный	<i>Ма мисэм ўуўта хэўра ньохэўсэм</i> Я корову из дома на пастбище гнала.	<i>ким ньохэўты</i>	выгнать	<i>Ма ўўэўт ўэўта ким ньохэўсэм</i> Я его оттуда наружу выгнала.	движения, трехвалентный

25.	<i>рăкăнты</i>	упасть	движения, трехва- лентный	<i>Иињи эвăлт мил тыв рăкнăс</i> Из окна шап- ка сюда упала.	<i>ким рăкăнты</i>	выпасть	<i>Имэл шани эвăлт кэв шөп ким рăкнăс</i> Из колена жены вы- пал ка- мень.	движения, двухва- лентный
-----	----------------	--------	---------------------------------	---	------------------------	---------	--	---------------------------------

Глагол речевой деятельности *ким вохты* ‘вызвать’ не меняет ЛЗ и количество валентностей, но уточняет лишь значение глагола. Глагол зрительного восприятия *ким а́укэ́ртты* ‘выглянуть’ уточняет лишь значение глагола, валентность не изменяется.

Глагол ЛСГ физического состояния *ким охэ́тты* получает объектную валентность, увеличивает валентность с одной до двух: Ин утга́л *ким охэ́тсэлэ* (Он) это выблевал.

Помимо собственного пространственного характера семантики преверб *ким* обладает способностью к формированию словообразовательных значений производных глаголов, например, *ким ла́руа́лты* ‘выкатить’, *ким ла́руа́лтыйа́лты* ‘выкатывать’; *ким та́лты*, *ким та́ля́ты*; *ким тө́ты*, *ким тө́ля́ты*, *ким тү́вемийа́лты*.

В приуральском диалекте, по материалам словаря З. И. Рандымовой, из 7 глаголов [Рандымова, 2011: 38] пять представляют собой ЛСГ перемещения: *ким востэ́ты* ‘выгнать’, *ким туты* ‘вынести’, *ким тэмэ́тты* ‘выплеснуть’, *ким эсэ́лты* ‘выпустить’, *ким йувэ́тты* ‘выкинуть’; один глагол зрительного восприятия *ким а́укэ́рмэты* ‘выглянуть’ и один глагол движения *ким этты* ‘выйти’, от информанта получен глагол движения *ким ньохамты* ‘выбежать’.

Основная часть глаголов приуральского диалекта совпадает по фонетическому облику и по семантике с казымским диалектом, кроме глагола *ким ньохамты* ‘выбежать’. В словаре шурышкарского диалекта [Вальгамова, Кошкарева, Онина, Шиянова, 2011: 57] дано 14 глаголов: из них шесть глаголов перемещения, шесть глаголов движения, один глагол речи и один глагол деструктивного действия. Все значения глаголов совпадают с казымским диалектом, кроме фразеологизма *Ся́меч хя́йц ким ра́кэна́л* ‘Я радуюсь (букв.: сердце чуть не выпадает)’.

Итак, глаголы перемещения с превербом *ким* в основном теряют локативную валентность от четырех до двух в зависимости от семантики глагола. При присоединении преверба *ким* валентность глагола уменьшается, предикат обозначает перемещение предмета или живого существа. Не изменяют валентность глаголы положения в пространстве: *ау́ла́мтты* ‘выглянуть’ – *ким ау́ла́мтты* ‘выглянуть’, *йова́лмэты* ‘кинуть’ – *ким йова́лмэты*

‘выкинуть’; *лӧрӧлӧтты* ‘катить’ – *ким лӧрӧлӧтты* ‘выкатить’, *холӧмтты* ‘смочь сдвинуть с места’ – *ким холӧмтты* ‘вытащить’.

Преверб *ким* в шурышкарском диалекте в основном формирует глаголы движения (16) и перемещения (18). Семантика этих глаголов совпадает с семантикой глаголов казымского диалекта. В сургутском диалекте из 32 анализируемых глаголов 15 относятся к ЛСГ перемещения, 14 представляют ЛСГ движения; 4 глагола не совпадают по фонетическому облику и семантике с казымским диалектом: сург. Пӧчка сӧрайи *кэм пӧрӧракӧмтӧ* ‘Выкати бочку из сарая’; Манӧ кулӧн йӧнк *кэм кулӧтӧпи, (кэм ыӧкуӧты)* ‘Она вылила грязную воду на улицу’; Лӧх сӧсӧх ылпи *кэм пӧрӧркинтӧт* ‘Они выкатились из слопца’; Өвпи вӧси ма кӧтам *кэм нӧртӧм* ‘В щель двери я высунула руку’.

Представим результаты формирования ЛСГ глаголов с помощью преверба *ким/кэм/кон* в таблице.

Язык / диалект ЛСГ	Хантыйский								Ман- сийский	
	казым- ский		шурыш- карский		приураль ураль- ский		сургут- ский			
	кол -во	%	кол -во	%	кол -во	%	кол -во	%	ко л- во	%
движения	28	43	16	40	2	25	13	40	12	60
переме- щения	30	46,1	18	45	5	62,5	19	59	7	35
восприя- тия	3	4,6	2	5	1	12,5	-		1	5
речи	1	1,5	1	2,5	-		-		-	
состоя- ния	1	1,5	1	2,5	-		-		-	
действия	1	1,5	1	2,5	-		-		-	
преграж- дения	-	-	1	2,5	-		-		-	
	65		40		8		32		20	

Итак, нами рассмотрена семантика глаголов с превербом *ким/кэм/кон* в обско-угорских языках. Семантика основной ча-

сти глаголов по диалектам хантыйского и мансийского языков совпадает.

Таким образом, во всех четырех рассматриваемых диалектах хантыйского языка и верхнелозьвинском диалекте мансийского языка основным формируемым значением глаголов с превербом *ким/кэм/кон* является перемещение и движение объекта. Данные глаголы не столь часто меняют ЛЗ, как глаголы, формируемые, например, превербами *=нух*, *=лӧп*, *=ара*. Глаголы казымского диалекта свободно употребляются без преверба *ким*.

Примеры 1–15: трехвалентные глаголы теряют одну из валентностей, четырехвалентные могут терять до двух валентностей.

Примеры 16–25: глаголы движения теряют чаще одну валентность; либо одновалентный глагол не меняет количество валентностей.

Двухвалентные глаголы перемещения не меняют количества валентностей; трехвалентные и двухвалентные глаголы теряют одну валентность.

Рассмотренный материал показывает, что обско-угорские глаголы с превербом *ким/кэм/кон* в основном формируют ЛСГ глаголов движения, перемещения; глаголы с превербом *и/ӧл* формируют ЛСГ движения.

Анализ сочетаемости превербов и глаголов отражает особенности построения и модификации семантики хантыйских глаголов. Семантика данных глаголов складывается исходя из законов хантыйского языка и способов языкового представления окружающего мира.

Список источников и литературы

1. Бахтиярова Т. П., Динисламова С. С. Мансийско-русский словарь (верхнелозьвинский диалект). – Ханты-Мансийск: Формат, 2016. – 140 с.
2. Вальгамова С. И., Кошкарева Н. Б., Онина С. В., Шиянова А. А. Диалектологический словарь хантыйского языка (шурьшкарский и приуральский диалекты) / Под ред. Н. Б. Кошкаревой. – Екатеринбург: Баско, 2011. – 208 с.

3. Варда В. Е. Превербы в восточных диалектах хантыйского языка // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). – 2016. – Вып. 2 (167). – С. 43–49.
4. Кошкарева Н. Б. Пропозиция и модель // Гуманитарные науки в Сибири. – 2004. – № 4. – С. 70–80.
5. Лельхова Ф. М. Словарь глаголов хантыйского языка (шурьшкарский диалект). – Ханты-Мансийск: Идательский дом «Новости Югры», 2012. – 207 с.
6. Лельхова Ф. М. Семантика глаголов движения по воде в хантыйском языке // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2012. – Том 4. № 4 (52). – С. 33–36.
7. Лельхова Ф. М. Семантическая структура глаголов движения питты, рэкэнты ‘падать’ в хантыйском языке // Вестник угроведения. – 2013. – № 4 (15). – С. 52–57.
8. Лельхова Ф. М. Глаголы со значением вертикального движения в хантыйском языке // Финно-угорский мир. – 2013. – № 4. – С. 18–21.
9. Лельхова Ф. М. Глаголы со значением ‘спускаться вниз’ в хантыйском языке // Вестник угроведения. – 2014. – № 1 (16). – С. 52–57.
10. Николаева И. А. Обдорский диалект хантыйского языка. – М.; Гамбург: Herstellung: Copi Shop, 1995. – 256 с.
11. Рандымова З. И. Хантыйско-русский словарь (приуральский диалект). – Салехард: Изд-во «Красный Север», 2011. – 96 с.
12. Соловар В. Н. Парадигма простого предложения в хантыйском языке (на материале казымского диалекта). – Новосибирск: Изд-во «Любава», 2009. – 264 с.
13. Соловар В. Н., Бурыкин А. А. Семантика преверба нух и его роль в изменении валентности глагола (на материале казымского диалекта хантыйского языка) // Вестник угроведения. – 2017. – № 4 (27). – С. 17–27.
14. Соловар В. Н. Особенности семантики хантыйских глаголов с превербом ара // Вестник угроведения. – 2018. – № 3. – С. 470–478.
15. Черемисина М. И. Элементарное простое предложение в языках Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. – 1995. – № 4. – С. 63–68.

16.Штейниц В. К. Хантыйский (остяцкий) язык // Языки и письменность народов Севера. Часть 1. Языки и письменность самоедских и финно-угорских народов / Под ред. Г.Н. Прокофьева. – М.; Л.: Учпедгиз, 1937. – С. 193–222.

17.Steinitz W. DEWOS Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache / W. Steinitz. – Berlin, 1966–1991. S. 2019.

18.Steinitz W. Ostjakologische Arbeiten. Beiträge zur Sprachwissenschaft und Ethnographie. Akademie-Verlag. – Berlin, 1980. Band IV. – S. 497.

Л. А. Федоркив

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕЙКТИЧЕСКИХ МЕСТОИМЕНИЙ *ЩИ* И *ИН/ИТТАМ*

Аннотация. В статье рассматриваются функционально-семантические особенности употребления местоимений *щи* и *ин/иттам* ‘это, этот’ в северных диалектах хантыйского языка.

Целью работы является выявление особенностей употребления дейктических местоимений *щи*, *ин/иттам* в хантыйском языке.

Материалом исследования послужила составленная нами картотека дейктических слов казымского, шурышкарского и приуральского диалектов. Картотека состоит из образцов речи, записанных у информантов, примеров из хантыйско-русских словарей, фольклорных, научных и научно-художественных текстов.

Результаты и научная новизна. Результаты исследования позволяют более отчётливо представить употребление дейктических местоимений. Новизна работы определяется тем, что впервые вводится для хантыйского языка термин определенный артикль, актуализирующий в тексте известные лица, предметы, явления. Теоретическое и практическое значение работы заключается в уточнении сферы функционирования местоимений *щи* и *ин/иттам*, в возможности использования результатов при преподавании хантыйского языка и составлении учебников и учебных пособий по хантыйскому языку.

Ключевые слова: указательное местоимение, дейктическая система, нарративный дейксис, определенный артикль, хантыйский язык.

Функционально-семантические особенности местоимений в хантыйском языке до сих пор остаются неисследованными. Важные свойства местоимений можно выявить в функциональном аспекте. Только изучив особенности каждой лексической единицы можно выявить условия употребления в речи той или иной единицы. В северных диалектах хантыйского языка существуют два указательных слова *ин* и *щи*, которые используются в значении ‘это, этот’. В диалектных словарях выделены следующие значения для данных единиц. Лексическая единица *ин* в Диалектологическом словаре хантыйского языка переводится как ‘теперь, сейчас’ в качестве наречия; лексическая единица *щи* переводится в качестве местоимения ‘этот’, в качестве частицы

‘и, как’ и ‘вот’ [Вальгамова, Кошкарева, Онина, Шиянова, 2011: 37, 151–152].

В словаре хантыйского языка казымского диалекта мы находим такие переводы: *ин* I. *нареч.* ‘сейчас, теперь’; II. *мест.* ‘этот’; единица *щи* переводится как местоимение ‘это, эта’; как частица ‘и, как; вот; то и др.’; и в качестве союза ‘и’ [Соловар, 2014: 74, 369].

Приведем примеры употребления слова *ин* в функции наречия и указательного местоимения, например:

казымский диалект: *Ин айлта йўватән ‘Теперь* потихоньку идите’; *Ма, вантэ, йәмкәм хўвән айт йаўхсәм, мәнэма, ин ищка йис па мосэл йеук пөхэлты нөтәпсы ‘Я, ведь, довольно давно не ходил, сейчас* стало холодно и мне нужна помощь лед долбить’; *Икәмән ай йайән пухийэ хунтәптәсы, ин тәта щи тайлэм ма ‘Муж мой сыночка младшего брата украл, теперь* здесь я его держу’; *Ин тацән икэл щи олнәтсәллэ лўв пәлала: – Нәу, – лупәл, – нўша икиләнки, пәтна икиләнки... ‘Этот* богатый мужчина обратился к нему: – Ты, – говорит, – нищий мужичок, грязный мужичок...’; *Па ин икән и муйәл хуты йис? ‘И что случилось с этим* мужчиной?’;

шурышкарский диалект: *Ин муй вертот мин тайләмән? ‘Сейчас,* какие дела у нас имеются?’; *Ин ләп ки тухыртлән лор, мөхты аштрафән пөндәйән ‘Если сейчас* озеро перекроешь, сразу штраф наложат’; *Ин өтэв а хоты ул ‘Этот* наш как хоть живет’; *Ин икәм элты ләйәм вўйльәсәм ‘У* того мужчины (букв. от того) топор брал’; *Ин радивайән ләп нөхты, мета щи арнәлтсән ‘Это* радио выключи, достаточно заставляла петь’.

Лексическая единица *ин* может употребляться в одном предложении и в качестве наречия, и в качестве указательного местоимения, например: *Йа хуты, ин йауха ин икән хуца ‘Ну что, сходи сейчас* к этому мужчине’.

Следует указать, что *ин* в функции указательного местоимения употребляется всегда в безударном положении и стоит непосредственно перед именем, в функции наречия ‘сейчас, теперь’ употребляется под ударением и находится перед глагольной группой.

В приуральском диалекте дейктической единицей, эквивалентной казымскому и шурышкарскому *ин* в функции наречия,

является лексема *итта* ‘сейчас, теперь’, например: *Итта* *лүв* *щи* *потартты* *щирэл* ‘Сейчас он так и говорит’; *Итта* *щиты* *щи*: *ньаврем* *атэлна* *йн* *рэхэл* *нэмаса* *хоца* *тутлиты* *щиты* *вер* ‘Сейчас такое дело: ребенка нельзя ночью куда-то водить, такое вот дело’; *Итта* *на* *вул* *пелакки* *йисуэн* *на* *куртна* *щутьцамэн* *уллэуэн* ‘Сейчас пожилыми стали и в поселке отдыхают, живут’.

При употреблении слова в функции указательного местоимения в приуральском диалекте к нему присоединяется *-м*, *иттам* ‘это, этот’, например: *Иттам* *отэн* *щиты* *сора* *ньохэмтэл* *на* *күрлал* *күтэн-күтэн* *лоңщамтыллы*, *күтэн-күтэн* *понэмтыллы* ‘Этот так быстро бежит, что ноги промежутком-промежутком ставит, промежутком-промежутком кладет’; *Иттам* *ики* *ты* *унты* *семлы-пэллы* *ул* ‘Этот мужчина до сей поры слепой-глухой живет’.

Рассмотрим историю изучения лексических единиц *щи* и *ин/иттām* исследователями хантыйского языка.

В монографии Эдит Вертеш «Die ostjakischen Pronomina» дейктической единице *ин* посвящено отдельное небольшое описание, где автор рассматривает примеры употребления в диалектах рек Сыня, Казым, Конда, Иртыш и Шеркалах. Исследователь приходит к выводу, что *ин* употребляется в качестве указательного местоимения и определенного артикля в западных и южных диалектах; в качестве наречия во всех диалектах хантыйского языка [Vértes, 1967: 131–132].

Автор монографии пишет также об указательном местоимении *щи(t)*, которое переводит как местоимение ближней и удаленной семантики. Однако автор замечает, что есть случаи, которые вызывают затруднение при переводе. Далее автор об этом пишет, что Й. Папайи при переводе обдорской сказки на венгерский язык в некоторых случаях переводит *щи* как определенный артикль. Исследователь приводит примеры употребления *щи* в качестве определенного артикля [Vértes, 1967: 124–125].

Случаи перехода указательных местоимений в служебные слова в языках мира подробно описала известный лингвист К. Е. Майтинская. Исследователь пишет, что в венгерском языке определенный артикль развился из местоимения дальнего указания *az*, но используется в двух вариантах *a* и *az* [Майтинская, 2009: 126–127].

Об употреблении артиклей в близкородственном мансийском языке написано в монографии Е. И. Ромбандеевой. Автор отмечает, что в мансийском языке имени существительному присуща категория определенности и неопределенности. В этих целях употребляются артикли *ань* и *акв*, артикль *ань* восходит местоименному слову *ань* ‘теперь, сейчас’ [Ромбандеева, 2017: 188].

В сургутском диалекте хантыйского языка для выражения определенности употребляется местоимение *тью* ‘тот’, его парой для обозначения неопределенности выступает числительное *ай* ‘один’ [Чепреги, 2017: 113].

Лексической единице *щи* в хантыйском языке уделялось более пристальное внимание. Частица *щи* встречается в статьях В. Н. Соловар, М. И. Черемисиной, где авторы пишут, что с помощью частицы *щи* передается ориентация во времени [цит. по Талигина, Соловар, 2014: 75].

Исследователь приуральского диалекта И. А. Николаева, описывая местоимение *щи* ‘тот’, указывает, что местоимение употребляется только в анафорической или катафорической функции. *Щи* в функции частицы рассматривает в составе двучленной частицы *щи ... тйм* [Николаева, 1995: 162].

Исследователи казымского диалекта дейктическое слово *щи* ‘это, этот, то, тот’ называют местоимением нейтральной семантики [Воробьева, 2002: 4]. В. В. Воробьева исследовала указательное местоимение *щи(т)* в составе указательных слов, которые выступают в роли индекса объектов и времени и выражают пространственно-временные отношения [Воробьева, 2002].

Лексическая единица *щи* в функции частицы рассмотрена в статье А. Р. Талигиной и В. Н. Соловар на материале шурышкарского и казымского диалектов. Авторы-исследователи *щи* в группе соотносительных частиц с частицей *хонна* (*хуэна*) и пришли к выводу, что в контексте *щи* маркирует противопоставление между сменяющимися во времени, достаточно разными, хотя и однотипными ситуациями [Талигина, Соловар, 2014].

А. А. Шиянова отмечает, что в шурышкарском диалекте указательное местоимение *щи* участвует в образовании парноповторных слов с семантикой усиления, интенсивности, длительности действия [Шиянова, 2015: 106].

Употребление указательного местоимения *ин* в казымском диалекте хантыйского языка описано в статье Л. А. Федоркив [2018].

Мы придерживаемся позиции, что в хантыйском языке *щи(m)* употребляется в позиции определенного артикля тогда, когда указывает на определенность лица, предмета, явления. Определенные артикли *щи* и *ин* произошли от указательных местоимений. *Щи(m)* в качестве указательного местоимения употребляется, когда противопоставляется местоимению ближнего указания *тăм* ‘это, этот’ при непосредственном указании на предмет, когда дейктический центр полностью соответствует характеристикам *я, здесь, сейчас*.

В настоящей работе рассмотрим некоторые функциональные особенности указательного местоимения *щи* ‘это, этот, то, тот’; особенности употребления *щи* ‘это, этот’, *ин* ‘это, этот’, *иттам* ‘это, этот’ в качестве определенных артиклей.

Источниками для примеров послужили фольклорные тексты [Сенгепов, 1994; Соловар, 1996; Молданов, 2001; 2003; Успенская, 2002], научные, научно-художественные издания [Vértes, 1967; Rédei, 1968; Steinitz, 1989; Николаева, 1995; Лельхова, 2011; Шиянова, 2015; Каксина, 2014], словари по казымскому, шурышкарскому и приуральскому диалектам [Вальгамова, Кошкарева, Онина, Шиянова, 2011; Соловар, 2014].

Некоторые особенности местоимений можно выявить только в разговорной речи (в бытовой речи), когда дейктический центр полностью соответствует предъявляемым характеристикам. Местоимение *щи(m)* используется для непосредственного указания на предмет, лицо, явление, например:

казымский диалект: *Щи умлєп эвэлт йицк пуна* ‘С того «колодца» воду набери’; *Щи хирэн мăнєм мийэ* ‘Тот мешок мне подай’; *Щи ай пăсанэн вўйэ* ‘Тот стул возьми’; *Щи порăх шөпэн йшкар лытийэн ци тўиййэл* ‘Тот свитер в шкафу висит’; *Эвийэ, щи йєрнасэн лємтэ* ‘Доченька, то платье надень’; *Щи пүтрэн щиты са мăнэл* ‘Этот разговор так идет’; *Щит вулаң вер хөн* ‘Это пустяки (букв.: это не важное дело)’; *Щăлта тăта на Пєлы вєры ов хуца и нăк вөл, щит Вошăн акэн ики сўв* ‘Там у устья Пєлы вєры одна лиственница есть – это духа-покровителя Вош юган посох’; *Питы кăтыи – щит ин Вўт имэн, лўв щи хура*

щи йўвемилэс ‘Черная кошка – это Казымская богиня, она в этот образ превращалась’; *Па ма луплэм*: «**Щит** – муу щацэв хуты» ‘И я говорю: – Это же наша бабушка’;

шурышкарский диалект: **Щи** анэн тўви ‘**Ту** чашку принеси’; *Хотэн, хот ов пелэк – щит нэ пелэк, мўл пелэк – щит ху пелэк* ‘В чуме (доме) сторона двери – это женская половина, а глубже (букв.: священная половина) – это мужская половина’;

приуральский диалект: **Щитэт** мин вулжлэмэн ‘Эти – наши олени’; *Мўн малы щи айкеж хулмев кемэн нох амэтсэв* ‘Когда мы эту новость услышали, обрадовались’; **Щи** йаснэт хултми-мем кемэн, сямем щиты мәнэс па йнт уйтлэм, хўлта лўнты па муй верты: амуй ханемиты, амуй па холтлэты ‘Как услышала эти слова, сердце так ушло, что не знаю, куда залезть и что делать: то ли спрятаться, то ли плакать’; *Ма лавлэм*: «**Щи** ухэлна нўн хол мўнлэн?» ‘Я говорю: – На этой нарте ты куда ехать собрался’.

Местоимения *щи(т)* ‘это, этот, то, тот’

в функции временного дейксиса

Указание на некий промежуток времени, в течение которого происходит действие, чаще это короткий промежуток. В этих предложениях на краткость времени могут, например, указывать и глаголы с суффиксом мгновенности. В казымском диалекте с *щи* сочетаются следующие единицы: *арт* ‘время, момент’, *мўр* ‘время, промежуток’, *кэм* ‘время’, *хөл* ‘момент, промежуток’ и др., например:

казымский диалект: **Щи** артэн ин ими па хөн пўкэл, *щи цу-рэмтэс* ‘В этот момент эта женщина не выдержала, побежала’; **Щи** артэн хир эвэлт нухлы хуйэт ўвты *щи* питэс: «Нух талэ, нух талэ!» ‘В это время кто-то из мешка начал кричать: «Вытащи меня, вытащи меня»’; *Мўнлэв, Хўлдор вошэн шай йаўицлэв, щи мар өхлўйэлэв, вўнайи ларацлэв камэн щи омэслэт* ‘Едем, в Хуллоре чай пьем, за это время нарты, ящики на улице стоят’; **Щи** хөлэн лўхрэл *щи* өхлэ ‘В тот момент кольчугу снимают’; **Щи** кемэн сўн пўт хуци пирэц ими пўтэртты *питэс...* ‘В это время в углу старуха заговорила...’; **Щи** кемэн пухэл лупэл: – *Ма па вонта мўнлэм!* ‘В это время сын говорит: – Я тоже в лес пойду’.

В шурышкарском диалекте используются слова: *кўт* ‘промежуток времени’, *сыс* ‘период, время’, *кем* ‘время, момент’, *арт* ‘время, момент’ и др., например: *Ща́лта **щи** кўт на нумасэ́лэ́лэм: та́м улэ́псайэ́в а́нта ту́п ла́лты лы́л шў́в э́лты ул, та́м улэ́псайэ́в хойа́т лы́лэн лы́л шў́в э́лты тый́л* ‘Между тем думаю, ведь жизнь состоит не только из воздуха, которым мы дышим, но благодаря живой человеческой жизни складывается’; ***Щи** кўт ройа́йа у́лыла́л, турме́л, велнэ́спайа́л на улэ́псайа́л э́лты по́тарлэ́т* ‘Между делом говорят про оленей, погоду, промысел, охоту’; ***Щи** сыс э́лты на ун ими́ норы́ кў́тна па́санэ́л ха́та́лтэс, ьа́һи муй́ саккары́ анэ́т ёмсэ́с* ‘А за этот промежуток времени старая женщина к середине нар стол пододвинула, с хлебом и сахаром посуду поставила’; *Ту́п куца́йл йо́ша уккела́л ус, **щи** кемэ́н па́тэн ьухлэ́сты ун лы́пи амп и́кан а́мэ́тман, хоре́тман, у́хла на́вэрме́с* ‘Только хозяин взял вожжи в руки, в этот момент мохнатая старая собака, сопровождающая их в до-рогах, радуясь, лая, в сани запрыгнула’; ***Щи** кемэ́н лов и́кел, ё́хэл но́х но́х а́лэмман, йэ́л ьа́хэлтэ́с* ‘В это время лошадь-старик, приподняв голову, заржал (в знак согласия)’; ***Щи** арта́н* ‘В ту пору’; ***Щи** по́райэн ай хот пелэ́к ло́щлэ́т* ‘В это время ставят половину чума (односторонний чум)’.

Указание на время, которое исчисляется сутками, частью суток, с момента исчисления времени, например:

казымский диалект: ***Щи** ха́тлэ́л на вэ́сэ́т, йэ́тна йис* ‘Этот день тоже прошел, наступил вечер’; ***Щи** ата́н ка́мэн йа́һхты́ а́н ра́хэл, ща́лта **щи** кар имэ́т, ма́тты, ху́луйэ́ва нух пи́тлэ́т **щи** ата́н* ‘В эту ночь нельзя ходить на улице, все сверхъестественные существа, оказывается, просыпаются ночью’;

шурышкарский диалект: ***Щи** ха́тлэн лў́в йо́лэн ус* ‘В этот день он дома был’; ***Щи** ха́тл э́вэлт ар пора́ па́рэс* ‘С того дня прошло много времени’.

Указание на время года, конкретный год, например:

казымский диалект: ***Щи** сў́сэн ма́ а́школа́йа ма́нсэм* ‘В ту осень я в школу пошла’; ***Щи** лў́у ар ме́рэх вэ́с* ‘В то лето много морошки было’; ***Щи** ол ве́ра ло́ньца́н вэ́с* ‘Тот год очень снежным был’.

Местоимение *щи(т)* указывает на удаленность во временном пространстве, например:

казымский диалект: *Ши пурайэн вэйэн щиви пушлa ки, муй потлa ки, йухи йухэтлэн, нух лавсэмэты нйуэна кен па кўр вера ант потлa* ‘В те времена, если кисы промокнут, или замерзнут, домой придешь, скинуть тебе легко и ноги не сильно мерзнут’;
Ши йисэн вөн-вөн вултэпэт вөсэт, кйт неңэн каталман вуллэв ‘В те годы большие-большие рубанки были, вдвоем держа, обтесываем’;

шурышкарский диалект: *Ши пўрайн куртэмн энмэм йўхэт ин мўй лўвата йисэт* ‘Деревья, которые росли тогда (в ту пору) на стойбище, как они выросли’;

приуральский диалект: *А вөсэтна щи порайна па лавка хўлна па аңтам па касэу хой купцетл кулякэт лўв йўкан лавкайэт тайлэт* ‘А в городах в то время каждый купец, кулак свою собственную лавку имел’;
А щи пўрайна тām это хўл велты неңхуй лўнэн ай хоп туп йаңхэл ‘В то время рыбаки летом ходили только на маленькой лодке’.

Следует указать, что в хантыйском языке *щи* в функции временного дейксиса может относиться только к прошлому.

Местоимения *щи(т)* ‘это, этот, то, тот’

в функции пространственного дейксиса

Указание на объекты в пределах вселенной, пространства земли: например:

казымский диалект: *Мосэу төрәма мосэс лўвэла лилэна хайщты па щи пайта щи лўв ин тām хятэл вөнта щи вөнт мўвэлэн атэлт вўлы шўклал пила щи вөл* ‘Может, надо было богу, чтобы он живым остался и поэтому он до этого дня в том лесу один с оленями живёт’;
Щитэлэн щи вуцкэслэ, щи мўва щи ханэс... ‘Затем бросил, в ту землю прилип...’;
Ши лор кимэла мйәнэт щи каслэпталэн-ки ‘К тому озеру меня перевезешь, если’;
Йис пурайэн вөлэм йох щиви порестыйа щи йаңхийгэлэт, щи Вөры вош пайа ‘В давние времена жившие люди туда ездили обряды проводить, в то старицы поселение’;
Ши сәңхмэн хуты кәрәщ вөс, ин па ищи хурасэлэн щи омэсэл ‘Этот яр как был высоким, и сейчас такой же’;
Ши хот ма омэссам ‘Этот дом я построил’;
Ши хот нух лосэтса ‘Тот дом разобрали’;
Щит мйт-ты тащ мухитэм тāхи ‘Это, оказывается, место выпаса стада’;

шурышкарский диалект: *Хот ийишэн – щит ху пелэк* ‘За домом – это мужская территория’;
Щишин ов пела улты пелэ, кўш

йӧлн, кӱш камән – **щит** нэ вератты, щӱщӱты лот на шушӱлӱты тӱха ‘Тогда всё, что находится со стороны двери, хоть дома, хоть на улице, – **это** женская сторона для шитья, отдыха и прогулок’; Тылтӱмкурт – **щит** ма куртыйӱм, **щит** ма сӱма питӱм мӱвийӱм ‘Тильтим – **это** моя деревня, **это** земля, где я родилась’;

приуральский диалект: **Щи** тӱхайӱл итта йукты восӱл нӱр пал тӱха ‘Это место, где сейчас «танцующий город», самое высокое место’.

Сочетание местоимения *щи(т)* с именной группой

Указательное местоимение в сочетании со словами определенной семантики указывает, например, на качество, количество; степень, длительность действия:

казымский диалект: Мӱтты, **щи** питы лерӱл вӱнта *щи* йсӱмӱн йицкӱн йухтыйӱлмӱл ‘Оказывается, до этой черной полосы та святая воды доходила’; Лӱв ух пӱшихӱл **щи** кӱрӱц нанк тыйа йӱщтӱсы ‘Его голову на ту высокую лиственницу насадили’;

шурышкарский диалект: Катра эвет акаӱлийты **щи** тарӱм усӱт ‘Раньше девочки очень любили в куклы играть’; Хопем **щи** сора йицкӱн йкӱмӱса ‘В лодке так быстро вода накопилась’; Ин тӱм ултӱв кӱтӱн **щи** хорпи йӱм айкелӱн йӱхӱтсайӱв: эвийӱм пох моцӱтмӱл ‘В нашей жизни произошло радостное событие: у дочки сын родился’; **Щи** вӱтат сохӱл мосмитӱл ‘Такой ширины доска понадобится’;

приуральский диалект: **Šit** ši j̄am ‘Тот тоже хороший’; **Šit** un ulas ‘Тот большой стул’; ...Тӱм хор мус неха кавартӱм хорпи, щимац мӱса, **щи** хӱв ӱнтӱмӱт ‘Это как будто мясо быка варю, что это такое, так долго их нет’.

Указание на количественную и качественную характеристику предмета, лица, действия осуществляется в сочетании со словом *кӱм* (каз.) ‘степень, уровень, состояние’; *кӱм* (шур., приур.) ‘возможность, образ, способ’, например:

казымский диалект: Йа муй, **щи** кӱм вер пӱта холлӱлӱн ‘Ну что, из-за такого (незначительного) дела плачешь’; Муй **щи** кӱма верӱслӱн, тӱп *щи* шӱтлӱн ‘Что до такой степени дошел (сделался), еле идешь’; **Щи** кӱм тарӱм ай эвийӱ ‘Такая маленькая девочка, а характер сильный’;

шурышкарский диалект: *Щи кем нопсэм атэм* ‘Мне грустно (букв.: такая мысль моя плохая)’; *Тувэн щи кем йишкэл сыстам на илн ѓлтэл кевэт нылайэт* ‘Вода в озере **настолько** прозрачная, все камни на дне видны’;

приуральский диалект: *Щи кем шок тус, нэи на нумты лавэрт* ‘Он столько горя принес, что даже вспоминать тяжело’; *Щи кем лыкэн, нэи потэртты ант лаңхал* ‘Настолько он сердит, что даже не желает разговаривать’; *Щи кем ар, нэи лууэтты йур антэм* ‘Так много, что даже не пересчитать’.

Местоимение *щи* в казымском диалекте сочетается со словами *мурт*, *мурта* с семантикой степени (вдоволь, в достаточном качестве, количестве), указывает на степень действия, например:

казымский диалект: *Ма йаңхэм мърэм нүтэм щи мурта кавэрмал* ‘Пока я выходила, уха так сильно кипела, что рыба разварилась’; *Щи мурта лсэм, хунэм күйи сыв кэлэн йирла* ‘До такой степени наелся, что живот можно обвязать веревкой’; *Щи икэн щи мурта сөүкэм* ‘Того мужчину так сильно избили’; *Муй щи мурт үвлэн, һаврэмэн нух пакэнэл* ‘Что ты так кричишь, ребенок испугается’.

Сложением указательного местоимения *щи* и существительного *арат* ‘масса, множество, количество’ образуется значение, указывающее на количество, например:

казымский диалект: *Йа, сар тәрмэл, муй нән щи арат йухи лууэлсэн*, – *йайэм ики ма пслама йухлы һөхмэс* ‘Ну, все хватит, что ты **столько** домой занёс – брат мне сказал’; *Па нын муй, щи арат йох вөсты на хулта мәнсэт?* ‘Да вы что, **столько** людей знали и куда они делись?’; *Йа, хуты верлэн, муй арат йухтэс щи арат ат вөл* ‘Ну, что сделаешь, сколько пришло, пусть **столько** и будет’;

шурышкарский диалект: *Щи арат мир хулта пела туса* ‘Столько народу куда-то дели’; *Хота нән щи арат хятэл усэн* ‘Где ты был столько дней’; *Муйа на щи арат торэн лэлсэн, мин муй куртэта торэн талты йастатсэмэн?* ‘Почему столько сена положил, мы с тобой разве сено по деревням развозить договаривались’; *Щи арат лыкащэс на торәннылал әл тарылуэн* ‘До такой степени рассердилась, губы так и дрожат’; *Щи арат палтамисэм, сәмлэ хйщ питсэм* ‘Так перепугалась, что чуть не умерла’;

приуральский диалект: *Нау **ици** арат, **ици** арат кәлән тайлән* ‘Ты столько-то, столько-то оленей имеешь’.

Местоимение *ици* при сочетании с неопределенным местоимением *мулты* ‘что-то, что-нибудь, что-либо, какой-то’ указывает на неизвестные говорящему лица, предметы, явления, например:

казымский диалект: ***Ици** мулты ай икилен шай йаңици вўты ант вохлән?* ‘Этого какого-то мальчишку чай пить не зовете?’, ***Ици** мулты вер оләнән ма ант па хәльәсәм* ‘Я об этом каком-то деле даже не слышал’, *Имәлтыйән **ици** мулты йис көрт вула ици етсәнән* ‘Наконец в какой-то старый остов стойбища вышли’, *Хор лантән, вой лантән ланәт йохәм наврәс **ици** мулты йохәм харыйа йухтәс* ‘С оленьим ягелем, со звериным ягелем семь боров проскакал, на какую-то поляну бора прискакал’, *Тәм төты тәхәнән па **ици** мулты вәра павәтлә* ‘В том месте, куда его ведут, снова он в какое-то дело попадет’, *Па, лунәл, – аңки ки тайләм па **ици** мулты аңки тайләм ки па мәнләмән ки мәнләмән* ‘Да, говорит, – если мать есть, если какая-то мать есть у меня, пойдем тогда, пойдем’.

При сочетании числительного *и* ‘один’ и местоимения *ици* образуется частица с усилительной семантикой *ици* ‘тоже’, например:

казымский диалект: *Ма **ици** мәнләм* ‘Я тоже пойду’, *Хәлэвлан **ици** немасыйа вўрас верты войат ици* ‘Халеи тоже, действительно, плохое предсказывающие птицы’;

шурышкарский диалект: *Ўрты суйәвләнки вохантәл, лўвелн әнтел **ици** мосәл* ‘Рыжий теленок хоркает, ему тоже нужна мама’, *Мин куца нәнемән пилән **ици** пеци ий йыры ин керәптәлмән* ‘Мы с нашей хозяйкой тоже на один бок сейчас завалимся’, ***Ици** мйтты ки уңәл ки тайс, ициты лўв иңицмәты вутицийс* ‘Как будто, если бы он имел рот, так хотел его спросить’, *И нәнев **ици** курмиийәнән йәүхәмтыйәс* ‘Подруга наша так быстро сходила’;

приуральский диалект: *Вот и вер па лавәтты вутицилисәм **ици*** ‘Вот еще одно дело я хотел сказать тоже’, *Лўв төхи **ици** ан йәүхәл* ‘Он тоже туда не ходит’.

Указательное местоимение сочетается с глаголами, в этом случае местоимение используется в качестве частицы с уточняющей, утверждающей функцией, например:

казымский диалект: *Ши катэллэллэ ин эви, ветица ши питсэжэн...* ‘Поймал он эту девушку, начали [они] драться (букв.: **вот** поймал девушку, вместе **вот** сошлись)’; *Хуйат ши тайлэн* ‘Кто-то у тебя есть’; *Шитэлэн ши лупса:* – *Там йөш хуват мәнлэн, тута керлэлэн йәм пеләка па көртэна ши йухэтлэн* ‘Тот сказал: – По этой дороге пойдешь, там повернешь направо и придешь на стойбище’; *Имәлтыйән пұва пеләк йошәла хуйат ши күншәмәс – Йа ши, хуйат кәпа!* ‘Вдруг схватил его кто-то за левую руку, ну все, наконец-то’; *Шәлта, йохәм шөпа күрән Сүмтән лор вөнта ләнкәрән ши алләв хұл* ‘Через бор пешком до Березового озера на плечах мы тащили рыбу’; *Па йәм ши, нән лүвты тыв вохсэн* ‘Очень хорошо, что ты его сюда позвал’;

шурышкарский диалект: *Потәртты ши хошәл* ‘Как умеет говорить’; *Нәнән кәшман ши йәнхләм* ‘Вот хожу тебя ищу’; *Лүвелна хуңәл хус ши этты ши питәс, алән сахәт пәла ши мәнты питәс* ‘По его мнению, звезда утренней зари уже появляется, время к утру близится’; *Лүв цәх апаци хорпи хойата ин ши йис* ‘Теперь он стал нам совсем чужим’; *Ай кер тыләц күтпәла ши йүвал* ‘Наступила середина марта’; *Солан муй антәм нән ши арталыйлән* ‘Соленый или нет, ты определяешь’; *Торн күтн молты ши вольәмәс* ‘Среди травы что-то блеснуло’; *Хул велты йох хомта оләм хопләл нык ши вортты питсәлләл* ‘Рыбаки опрокинутые лодки стали сталкивать’; *Йәм ши, тәм хәтәл аләншәк йөхәтсэн* ‘Хорошо, что ты сегодня вернулся пораньше’; *Нох верлыманән, хәц ши йи түрән нүхәпсанән* ‘Проснувшись, чуть ли одним голосом воскликнули’;

приуральский диалект: *Мун нәнхуйләв ши лавалылат* ‘Наши люди так говорят’; *Кев пүтәл хәр түт элты нох ши вүслы* ‘Котел с костра убрал’; *Ši wellajät, täm wellajät* ‘Вот-вот меня убьют’; *Велпәсләты хойәв йәшавул ши йохәтәл* ‘Охотник наш скоро придет’.

Ши в функции частицы стоит перед глаголом или именной группой, но может стоять и после, например:

шурышкарский диалект: *Ма эвәлләм ши, нән мәнәм ант өлмашилән* ‘Я верю, что ты меня не обманешь’.

Сочетание со служебными словами

Указательное местоимение *щи* сочетается со служебным словом *кўш* ‘хотя; несмотря на то, что; и’, употребляется при сопоставлении или противопоставлении, например:

казымский диалект: *Щи кўш пайста хөхәлсәм, аңт ши каталсәм* ‘Хоть и быстро бежал, но так и не поймал’; *Щи кўш вера вохсәм, лўв иса кашәл аңтөм* ‘Хоть и упрасивал, не согласился он’;

шурышкарский диалект: *Йохәтты хөты ши кўш йохәтсәмән, лов икенмәнән па йохлы пәла амуй щирән тулаймән* ‘Приехать-то приехали, да вот обратно как нас лошадь повезет’;

приуральский диалект: *Щи кўш верты йастәс, па мосанәм верләллы* ‘Хотя и согласился сделать, но вряд ли сделает’; *Щи кўш йиты альәс, па мосанәм йөхәтәл* ‘Хотя и обещался прийти, но вряд ли придет’.

Дейктическое слово *щи(т)* также сочетается с усилительно-утверждающей частицей *хуты (хөты)* ‘ведь’, служит для усиления высказывания, передачи удивления, например:

казымский диалект: *Йа, щит хуты йәм вер ши* ‘Ну, это ведь хорошее дело’; *Пухуән, – пухуәл пәла лупиләс, – тәм щит хуты вөләм хөн* ‘Сыновья, – сказал сыновьям, – это ведь не сон’; *Щи хуты ай йулуйәт* ‘Такие маленькие швы’ (букв.: это ведь маленькие швы); *Щи хуты епләу һаһ* ‘Такой вкусный хлеб’;

шурышкарский диалект: *Кашәу нә хунт ус йөш тәйәл, щит хөты турәм элты партман ул* ‘Не каждая женщина умелые руки имеет, это ведь от бога дано бывает’; *Па щит хөты ун вер әт ул – мой* ‘Да это ведь большое дело – сватовство’.

Местоимение *щи(т)* употребляется с послелогоми. В сочетании с временными послелогоми: *йәлнийән* ‘до’, *йўнийән* ‘после’ указывает на отрезок времени, перед которым или после которого совершается действие, например:

казымский диалект: *Щи йәлнийән йошуәл һухитәс, щәлта вәлши вўслә* ‘Перед этим вымыл руки, потом только взял’; *Щи йўнийән тащәу щурас хө, тащәу вус хө ләпәт йау ләпкәйәл вантман йауһәл* ‘После того купец ездит, проверяя свои семьдесят магазинов’; *Щи йўнийән лупәс: «Кўтләп әви, нәу йәһхә!»* ‘После этого сказал: Средняя дочь, ты сходи!’; *Щи йўнийән йәша*

омсэс на путэртты нитэс ‘После того немного посидел и начал говорить’;

шурышкарский диалект: **Ши** йэлнийэн лохитыйэс ‘До этого он помылся’; *Олэнэн шушты сүв этэл, шялта күр пелэк лоницла, ши* йүнийн, *пертэцман, велци хойатэл лонэл* ‘Вначале посох появляется, затем одну ногу ставят, после **этого**, протискиваясь, тут только человек заходит’.

Местоимение *ци(т)* в сочетании с послелогом замещения *йүкан(а)* ‘вместо’ указывает на замещение одного события другим, например:

казымский диалект: *Эви ант тайлэнэн, пух ант тайлэнэн, ци вөллэнэн. Ши* йүкана на тац *ци енмэллэнэн* ‘Дочерей не имеют, сыновей не имеют, так и живут. Вместо **этого** и стадо разводят’;

приуральский диалект: *А ши* йүкан *лүв калау йохлална тала литыт лүн литыт таллэт мис-вой, сай мөла* ‘Вместо этого оленные люди увозят еду, летнюю еду увозят, масло или чай’.

В шурышкарском диалекте также используется послелог *мүшэн* ‘вместо’, например: **Ши** кем *мүшэн йасэнулы-лавэтлы йохтам хотэмэна лоуемэлман* ‘Вместо **этого** без лишних слов и ругани зайдем в дом, в который приехали’.

При сочетании указательного местоимения *ци(т)* с послелогом *эвэлт* ‘с, от, из’ образуются значения, которые указывают на лицо, предмет, например:

казымский диалект: *Муй нын шит эвэлт ньэхлэты* ‘Что вы над ним смеетесь’; *Шялта ин икэн йил, йил, ци йухи хяцийэл, шит эвэлт пйлтамэл* ‘Затем этот мужчина идет, идет, немного отстанет, то испугается’; *Шитэл эвэлт имэл йонтэс икэла молэпци, күвэц, лүвэла сэх нүш* ‘С того жена сшила малицу, гусь, себе нижнюю часть шубы’.

При сочетаемости местоимения *ци* и послелога *эвэлт* образуется вводное слово, которое выражает неожиданное узнавание, выяснение, например: **Ши** *эвэлт икиле ул, сэм ант тайэл, нух килэс*: – *Хилыйд, муй төтэн утэн төсийэн, муй алтэн утэн алсайэн* ‘Оказывается, мужик лежит, слепой, встал: – Внучек, что тебя сюда привело, что тебя сюда принесло’; **Ши** *эвэлт ин тайпры пайэн вөл Пун верты имэн* ‘Оказывается, Женщина, делающая нити, живет в куче мусора’;

приуральский диалект: *Śi ewəlt ləwət jin̄k wustí χəstəl* ‘Оказываются, лошади плавать умеют’; *Śi ewəlt ti kalaŋət jōχtəl̄imel* ‘Оказывается, сюда олени приходили’.

Местоимение *џи(m)* сочетается с послелогом *тумни* ‘кроме’, указывает на наличие чего-либо наряду с другим, например:

казымский диалект: *Па џит тумни муй эвəлт пəл̄лəт̄ы?* ‘А, кроме этого, чего боитесь?’; *Ўџи тумни ма муй вер тəй̄л̄əм, н̄емəл̄т вер əнт тəй̄л̄əм* ‘Кроме этого, у меня какое дело, никакого дела нет’.

Местоимение *џи* в казымском диалекте сочетается с причинно-целевым послелогом *пəтə* ‘для, за, целью; из-за, из-за того, что’ и указывает на причину, цель действия, например: *Ўџи пəтə џи йисəн н̄емəтсə* «*Кəрəџ љəтəм сəχхəм*» ‘Поэтому в те времена дали название «Яр, на котором крикнул великан»’.

В шурышкарском и приуральском диалектах данное значение передается с помощью послелога *урəŋən/урəуна* ‘за, для, чтобы; из-за, потому что’ [Вальгамова, Кошкарева, Онина, Шиянова, 2011: 188], например:

приуральский диалект: *Ўџи урəуна џи л̄ыл̄əу н̄əухуй ат йо-хəттəл̄на хуйты верəл̄ ул̄* ‘Поэтому живой человек, когда ночь приходит, спать должен’; *Śi urəŋna m̄iŋ brigadir təjluw...* ‘Для этого у нас бригадир есть...’.

Местоимение *џит* в самостоятельной форме участвует в словообразовании, присоединяя пренебрежительные и уменьшительно-ласкательные суффиксы, в этом случае местоимение становится полноправным именем, например:

казымский диалект: *Ўџитл̄ə ма х̄вəн вəл̄сəм, ими шаниш вур-ма, ими шаниш п̄в̄л̄əпсы хӣл̄ый̄ən ма х̄вəн вəл̄сəм, ма па хə* ‘Того я давно убил, я давно убил внука, рождённого из колена женщины, я другой мужчина’; *Вантə, – џитл̄əн̄кən па џи тыв йухтəс* ‘Смотри, **этот** снова сюда пришёл’; *Ўџитый̄ən йəм пухий̄ə* ‘**Этот** [твой] хорошенький мальчик’.

Мы рассмотрели некоторые функциональные особенности указательного местоимения *џи(m)*, далее рассмотрим особенности употребления *џи* и *ин* в функции определенных артиклей.

Указательные местоимения входят в дейктическую систему языка. Традиционно принято разделять дейксис по точке отсчета на собственно дейксис (прямой, первичный) и анафору.

С анафорой смыкается вторичный дейксис – нарративный режим интерпретации [Краснощекова, 2016: 12].

Нарративный дейксис не связан непосредственно с речевой ситуацией. Это дейксис пересказа, в том числе художественного повествования. Его конституирующим свойством является несовпадение места говорящего с пространственной точкой отсчета [Сребрянская, 2005: 69].

Нарративный дейксис связан с воображаемым миром. Нарративный дейксис реализуется в художественном тексте через ряд характерных особенностей, называемых «дейктические проекции». Дейксис проецируется на художественный текст через универсальные смыслы человек, пространство, время; через точку зрения наблюдателя, имеющего определенную позицию в пространстве и во времени; через оппозицию близко – далеко по отношению к тексту со стороны наблюдателя; через сфокусированное значение антропоцентризма в тексте, через участие в создании хронотопа. Дейксис и его проекции тесно связаны с понятийной и грамматической категорией определенности/неопределенности. Определенность является результатом дейктической референции (включая анафорическую). Референция обладает свойством определенности, которая связана не только с ситуацией общения, но и текстом [Сребрянская, 2005: 69–70].

Исходя из этого, мы считаем, что *щи* и *ин* в функции определенных артиклей являются единицами вторичного дейксиса, т. е. нарративного. Примеры предложений, где используются *щи* и *ин* в функции артиклей, взяты в основном из фольклорных текстов, рассказов информантов о своей жизни.

Мир текста в большей или меньшей степени соотносится с действительностью, и без соотнесенности теряет сходство с реальностью. Здесь решающую роль играет пространственно-временная локализация событий. Наиболее точная локализация позволяет достигнуть максимального ощущения реальности [Сребрянская, 2005: 71].

Для достижения реальности в хантыйском тексте повествователь использует указательное местоимение с временной локализацией *ин* ‘это, этот’ и указательное местоимение нейтральной

семантики *щи* ‘это, этот, то, тот’ в функции определенных артиклей.

Артикль – это грамматический элемент, выступающий в языке в виде служебного слова или аффикса и служащий для выражения определенности-неопределенности категорий (именной), т. е. вида референции [Виноградов, 1990].

Следует отметить, что переводчики – носители языка, лексические единицы *щи* и *ин* в функции определенных артиклей не переводят на русский язык, например:

казымский диалект: *Ин неуйэ нэмэсийэл*: «*Ма муй вўрэн каврэм пўта йошэм метишэлэм?*» ‘Девушка думает: – Как я в кипящий котел руку засуну’ [Каксина, 2014: 26, 27];

шурышкарский диалект: *Ин икэв мойэу йох йўпийэн ты этэс* ‘Мужчина вслед за гостями пришел’ [Лельхова, 2011: 76];

приуральский диалект: *Иттам* *ими щийищ вер айтэм, ньаврэмжал пижна хыщас па йэлащ ил хуйэс* ‘А жена не обратила на это внимания и с детьми легла спать’ [Вальгамова, Кошкарева, Онина, Шиянова, 2011: 189].

Ин/иттам используется для того, чтобы указать, что лица, предметы, известные из контекста и уже упомянутые, находятся *здесь и сейчас*, т. е. в близком временном пространстве.

Для указания на известные лица, предметы, явления в пространственном отрезке текста используется определенный артикль *щи* ‘это, этот, то, тот’. При определении возникают затруднения, связанные с тем, что *щи* и *ин* в предложениях показывают одинаковую семантику. По нашему мнению, это связано, прежде всего, с тем, что *щи* является местоимением пространственно-временной локализации.

Примеры употребления *щи*

в качестве определенного артикля

Указание на человека, наделенного каким-то качеством или имеющим что-то, например:

казымский диалект: *Щи щартэу хөйэн хот иса утэт вантэс* ‘Этого шамана дом все видел’; *Щи хопэу икэн йухлы мәнэл щи тәхэлэ йухтэс, вантлэллэ* ‘Этот мужчина плывет обратно, в то место приплыл, смотрит’.

Указание на человека (н-р: мужчина, женщина, ребенок, национальность человека и т. д.), например:

казымский диалект: *Ши* ики лүв сырыйа ант па вөслэ, ант па вантсэлэ ‘Того мужчину он и раньше не знал, и не видел’; *Шитэлэн*, йам пелэк кувэщ лыт ов вўшарэл нух менэмсэллэ па *щи* ханты хөйэлэ майлэ ‘Тогда он полоску от правого рукава малицы оторвал и отдал хантыйскому мужчине’;

шурышкарский диалект: *Ши* мохет лүв арвўрн хошлэт ‘Эти люди, они по-разному умеют’; *Ши* ими песьты ант волылуйл, шуок мортэлэн *щи* вантэл ‘Эта женщина совсем убита горем’; *Имен* ху пела *щи* эви сэмэл ул ‘Эта девушка влюбилась в женатого мужчину’;

приуральский диалект: *Ши* ики нумэсэл, йинапа мойән йохна йохэтлайәм ‘Этот мужик думает, действительно ко мне приедут гости’; *Йухат* *щи* һаврэман кәнсты питнәнән, па һаврэман нэмаса хәйлаца антәм ‘После начали искать ребенка и нигде не нашли его’.

Указание на социальные роли, например: *Мйттырән*, пәсан па лүв – инмөнты *щи* пәсанэл ләтәтән *щи* повар имәмән алтса, мурта төсы, – нәмәлт пәсан антө, и ләтәт антө! ‘Оказывается, стол – тогда на стол повар принесла угощение, столько принесла, – стола нет и угощения нет’.

Указание на животных, например:

казымский диалект: *Ши* ловэл, мисэл хул лүвэла *щи* питсәт – ин икэл, ванты, *щи* пәрәс, *щи* ‘Эта лошадь, корова ему достались – мужчина тот, смотри, все умер, все’; *Ши* ай войийэва ищи кетәмты ант рәхэл ‘Эту птичку тоже трогать нельзя’;

шурышкарский диалект: *Ши* войән йам турәм ки уйәтэл ветлов, ветлов увэл, атәм турәм ки уйәтэл йирув, йирув увэл ‘Эта птица если хорошую погоду предсказывает, то кричит «ветлов, ветлов», плохую погоду – «йирув, йирув»’; *Анрән* ху улмал, *щи* вой икел ищина верәтсәллы ‘Хитрый, ловкий мужик оказался, зверя все равно одолел’.

Указание на абстрактные явления, например:

казымский диалект: *Ши* айэл павтәс па илы *щи* есләсәс мўв хәрыйа ‘Эту новость сообщил и вниз спустился на землю’; *Ши* пүтрән щиты са майнэл ‘Этот рассказ так идет’; *Ши* вөрлөв ин хуйән канишлайәт ‘Эти дела сейчас кто искать будет’;

шурышкарский диалект: *Кущайәл **щи** йаснәт йастыма*л йўпийн такан кәтләм пўш тыштәмтәс ‘После того как хозяин сказал эти слова, два раза тяжело вздохнул’;

приуральский диалект: ***Ши** вер ма нумасылам па йина **щи**, йәмәс нумасман ухәл верәл па йинапа **щи** ханты порәт йәлащ уллиләт* ‘Об этом думала, и, действительно, хорошо думая, нарты делает, и, действительно, хантыйские свадьбы продолжают существовать’.

Указание на мифологические существа, сказочные персонажи, например:

казымский диалект: ***Ши** мәнклан хантау мўв пеләка йәнхләт* ‘Эти менгвы к людям приходят’.

Указание на предметы, объекты, например:

казымский диалект: ...***щи** пўлуйән лўв сәмәла **щи** рўвийәл* ‘...этот кусочек ему для пользы будет’; ***Ши** наукән кәрәщ па кәрәщ* ‘Эта лиственница высокая-высокая’; *Вөйтлән щәха һар нанки сөхтәм хот, һар хәлы сөхтәм хот, **щи** хота мәнә* ‘Найдешь потом из смолянистой лиственницы дом, из смолянистой ели дом, в тот дом иди’; ***Ши** кәв хотән, карты хотән хуща вөл щөл кәв, мур кәв лапәт мәнк* ‘В этом каменном доме, железном доме живут крепких семь менквов’;

приуральский диалект: ***Si** jyx mätti äsemna xös ewtäm* ‘Это дерево мой отец срубил’; *Һәң лайәм тулен ки ащем **щи** лайәмна тў-йўх эвәтл* ‘Если ты принесешь топор, отец **этим** топором нарубит дров’; *Ну щиты па омеләв ма нумләм кўш бабушкайләв мола рупитләт **щи** тўт, навина илайәтна тәлән ван хәтл пбрайәтна* ‘Так я нашу мать помню, и бабушки работают вечером при свете огня зимой во время коротких дней’; *Ма лавләм: «**Ши** ухәлна һәң хол мәнлән?»* ‘Я говорю: «На этой нарте ты куда поедешь»’.

Указание на географические объекты (объекты природы), например:

казымский диалект: ***Ши** малнәл, лотыйәл Вўт Щащән лўв умләпәл, хантыйә щиви кетәмтыйә ант рәхәл* ‘Эта старика, яма, Вут Щащи колодец, человеку нельзя то трогать, нельзя’; *Ин **щи** лорән хўват мәнтыйән, **щи** похрән шумайә, вўтлы мәнлә, үккәл щиви сөхтыйәллә* ‘Сейчас, когда по этому озеру едешь, напротив острова, к берегу едешь, останавливаешься’; ***Ши***

ийтэтэн хулты пйтлэсыйэт на **ици** сйхэма холмессэт ‘В тех местах где-то стемнело и в том яру заночевали’;

приуральский диалект: **Щи** лот итта ты моса ащица куль эви уудал пўнсэм лот, или куль эви ньхмэт лот ‘Это место до сих пор называют местом, где девушка из потустороннего мира начала говорить’.

Примеры употребления *ин/иттам*
в функции определенного артикля

Указание на человека, наделенного каким-то качеством или имеющего что-то, например:

казымский диалект: **Ин** тацэу икэл хуца имултыйэн **ици** йухтэс ‘К этому богатому мужчине наконец-то пришел’; **Ин** ими, кйрцатэу нэ кйрцаттэл эвэлт илы ин хйнты хёийэйл пёла айкэртэс ‘Женщина с высоты своего роста вниз на мужчину взглянула’; **Ин** кўр пелэк ньаврэм вэйлал вўсэлэ, лэмэтлэты вутьицэлэс, сўн пйт эвэлт пирэц ими нух лольэс, **ин** кўр пелэк ньаврэм катэлсэллэ ‘Хромой ребенок взял кисы, собрался одеться, с угла старуха встала, хромого ребенка поймала’; *Нөмэсыйэл ин* нўша икилэнкэм: «Вера на айт кетэмлайэм?» ‘Думает бедняк: «Сильно не трогают меня»’;

приуральский диалект: **Иттам** Йук восэу хуй лоймал ‘И тут мужчина ледяного города остановился’.

Указание на людей, человека (н-р: мужчина, женщина, ребенок, национальность человека):

казымский диалект: **Ин** ики цухал ов эвэлт ил еслэмэл ‘Этот мужчина с отверстия чувала вниз спрыгнул’; Лўв, **ин** имэн кйт ньаврэмийеуэн тайэл, эвеуэн-пыхуэн ‘Она, эта женщина двоих детей имеет, дочь-сына’; **Щиты ин** имеуэн-икеуэн тацэуна-вўнцэуна айэлта йиты **ици** пйтсэуэн ‘Так эти старик-старуха стали потихоньку богатеть’; **Ин** хёйуэн омэссэуэн, лэсэуэн-йацсэуэн ‘Эти мужчины сели, поели-попили’; **Ин** хйнты икийэн кўрнат кэл вўс на лольийэл ‘Этот мужчина взял веревку и стоит’; **Ин** мирэл на **ици** айкэмтэты пйтсэт ‘Люди снова стали собираться’;

шурышкарский диалект: **Ин** аукилы-ащицы от ахолта пела мйнамтэс ‘Этот сирота куда хоть убежал’;

приуральский диалект: **Иттам** нэнхуэн лйусэуэн на нары кўтэпна икел омэс, имелэв пеласэк омэс ‘Эти люди зашли, и

посередине сел муж, а жена села немного к двери'; **Иттам** ими щийищ вер йнтэм, ьаврэмжал пилна хыщас па йэлащ ил хуйэс 'А жена не обратила на это внимания и с детьми легла спать'.

Указание на социальные роли, например:

казымский диалект: *Йа* **иц**, **ин** хон ики кйт митхө китэс 'Ну все, царь двух слуг отправил'; **Ин** повар ими катлэмсэллэ, ьарлэмэлты мйнисмэслэ, вөн хинт лытийа лукэмэслэ, лепэна вуцкэслэ 'Эту женщину повара схватила, раздела, в большой кузов засунула и в сени выбросила'; **Ин** хон камэн хулты шөшийэл 'Царь где-то на улице ходит'; **Ин** хилэл туманы кярэл вўс, ким этэс 'Внук взял связку ключей, вышел'; *Вөнт* лөүхи щальни тўр, вўр меүки щални тўр ици ўвэл, ици холлэл **ин** ьаврэм 'Лесного духа звонким голосом, таежного духа звонким голосом кричит, плачет этот ребенок'.

Указание на мифологические существа, сказочные персонажи, например:

казымский диалект: *Па* **ин** Ими хилылэнкэмэн, тыв ици пит-мал сатьэл, па хулта мйнэс 'А этот Ими хилы, было слышно, что сюда упал, и куда делся';

шурышкарский диалект: **Ин** Сот Панне Ар Панне ики ари-ман-моңцман шушэл 'Этот Сот Панны Ар Панны мужчина поет, рассказывая, сказки идет';

приуральский диалект: **Иттам** куль эвел лўвел лавал: «Нйу мйнэм ул ты ки тўлэн, нйу молайи мйнэм щиты сукатман тулэн? 'И эта девушка из потустороннего мира говорит: «Если ты меня везешь жить, ты зачем меня с такими мучениями везешь»'.

Указание на предметы, объекты, например:

казымский диалект: *Ин* вєра вохты питэмэн **ин** йнтэп кэлэл нух еңхмал па ици миймал **ин** вөнт лөүх икэла 'Когда стал требовать, он снял пояс и отдал лесному духу'; *Ин* алпа, ин ай икил-энкэмэн **ин** пйсанем ици лолэмса?! 'Сейчас, наверно, этот мальчишка и украл стол';

шурышкарский диалект: *Нык* хйтмэс, **ин** йивэл-акел тайэм вайэт кела нох сорты тахэрсэллы 'Придвинулась, кисы, которые носил родной дядя, повесила сушить'.

Указание на животных, например:

казымский диалект: *Йа, ин хоптеуэлэв кирэмсэв на йухи джелмсэв* ‘Все, быков запрягли и домой поехали’;

шурышкарский диалект: *Ин войэн хай кутэн хайэмэмал* ‘Эта птица в тальнике спряталась’; *Ин ханшау вой кайнидэлэн-кайнидэлэн, пайдэуэл пидэн маймал, цита муй давэллэт* ‘Этого пятнистого зверя ищут-ищут, с облаками ушел, эти чего ждут’.

Итак, мы рассмотрели некоторые функциональные особенности указательных слов *ци* и *ин/иттам*, можно сделать некоторые выводы:

1. Значение указательного местоимения *ци(т)* содержит указание как на близкий, так и на удаленный предмет, лицо, явление, употребляется в функции пространственно-временного дейксиса.

2. Местоимение *цит* в самостоятельной форме, присоединяя именные показатели числа, падежа, посессивности, словообразовательные аффиксы, наряду с указательной способностью может выполнять и номинативную функцию.

3. Местоимение *ци(т)* сочетается с именами временной семантики; со словами определительной семантики; с послелогами; сочетается с глагольной группой в функции утвердительно-уточняющей частицы.

4. *Ин/иттам* и *ци* в разговорной речи используются в функции указательного местоимения.

5. *Ци, ин/иттам* в функции определенного артикля употребляются в текстах-повествованиях, фольклорных текстах.

6. Определенные артикли *ин, иттам* произошли от указательных местоимений временной локализации так же, как и в мансийском и венгерском языках.

7. Сходство и различия употребления определенных артиклей *ци, ин/иттам* представим в следующей таблице:

	Определенный артиклъ <i>ци</i>	Определенный артиклъ <i>ин/иттам</i>
Указание на человека, наделенного каким-то качеством или имеющего что-то	+	+
Указание на людей, человека	+	+

(н-р: мужчина, женщина, ребенок, национальность человека)		
Указание на социальные роли	+	+
Указание на имена, мифологические существа, сказочные персонажи	+	+
Указание на предметы, объекты	+	+
Указание на животных	+	+
Указание на абстрактные явления	+	+
Указание на географические объекты	+	-

На примере таблицы показано, что определенные артикли *ци*, *ин/иттам* употребляются с одними и теми же именами. Различием является только указание на географические объекты, в рассматриваемых нами текстах мы не обнаружили примеров употребления артикля *ин/иттам* с данными именами. Поэтому можно сделать предварительный вывод, что *ци* в качестве артикля указывает на пространственную локализацию известных лиц, предметов, объектов. *Ин/иттам* указывает на временную локализацию лиц, предметов, объектов.

В настоящей статье мы рассмотрели некоторые функционально-семантические особенности дейктического местоимения *ци(т)* ‘это, этот’, *ин/иттам* ‘это, этот’ в северных диалектах хантыйского языка на примере казымского диалекта в сопоставлении с шурышкарским и приуральским диалектами.

Список литературы и источников

1. Виноградов В. А. Артикль // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Изд-во «Сов. энцикл.», Ин-т языкознания АН СССР, 1990. – С. 45–46.
2. Воробьева В. В. Дейктические слова восточных и северных диалектов хантыйского языка (сопоставительный аспект): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Томск, 2002. – 140 с.

3. Вальгамова С. И., Кошкарева Н. Б., Онина С. В., Шиянова А. А. Диалектологический словарь хантыйского языка (шурышкарский и приуральский диалект) / Под ред. Н. Б. Кошкаревой. – Екатеринбург: Баско, 2011. – 208 с.
4. Каксин А. Д. Казымский диалект хантыйского языка. 2-е изд. доп. – Ханты-Мансийск: ИИЦ ЮГУ, 2010. – 176 с.
5. Каксина Е. Д. Өхэт йухан арэн ими. Поющая женщина из Эхт Югана. – Тюмень: Формат, 2014. – 128 с.
6. Краснощекова С. В. Местоименный дейксис в русской детской речи: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – СПб., 2016. – 273 с.
7. Лельхова Ф. М. Структурно-семантические типы словосочетаний в хантыйском языке (на материале шурышкарского диалекта). – Ханты-Мансийск: Доминус, 2011. – 129 с.
8. Майтинская К. Е. Местоимения в языках разных систем. Изд. 2-е, испр., – М.: Книжный дом «Либроком», 2009. – 312 с.
9. Молданов Т. А. Земля кошачьего локотка. Кань кунш олӓң. Вып. 2. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. – 245 с.
10. Молданов Т. А. Земля кошачьего локотка. Кань Кунш Олӓң. Вып. 3. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. – 230 с.
11. Николаева И. А. Обдорский диалект хантыйского языка. – М.; Гамбург: Herstellung: Copi Shop, 1995. – 258 с.
12. Успенская С. С. Касум мӓв моньшат-путрат. Сказки-рассказы Земли Казымской. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. – 292 с.
13. Ромбандеева Е. И. Современный мансийский язык: лексика, фонетика, морфология, словообразование: монография. 2-е изд. – Тюмень: Формат, 2017. – 318 с.
14. Сенгепов А. М. Рассказы старого ханты. – СПб.: Ленингр. отд-ние изд-ва «Просвещение», 1994. – 175 с.
15. Соловар В. Н., Нахрачева Г. Л., Шиянова А. А. Диалекты хантыйского языка. – Ханты-Мансийск; Ижевск: Принт-2, 2016. – 348 с.
16. Соловар В. Н. Моньшӓт па путрӓт. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 1996. – 68 с.
17. Соловар В. Н. Хантыйско-русский словарь (казымский диалект). – Тюмень: Формат, 2014. – 386 с.

18. Сребрянская Н. А. Нарративный дейксис и его корреляция с категориями художественного текста // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2005. – Вып. 3 (47). – С. 69–74.

19. Талигина А. Р., Соловар В. Н. Семантика и функционирование частиц в хантыйском языке (на материале шурышкарского и казымского диалектов) // Вестник угроведения. – 2014. – № 1 (16). – С. 63–87.

20. Федоркив Л. А. К вопросу об указательных местоимениях в казымском диалекте хантыйского языка // Вестник угроведения. – 2018. – Т. 8. № 3. – С. 479–489.

21. Чепреги М. Сургутский диалект хантыйского языка / Под ред. Н. Б. Кошкаревой. – Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2017. – 275 с.

22. Шиянова А. А. Парные слова хантыйского языка (на материале шурышкарского диалекта). – Тюмень: Формат, 2015. – 156 с.

23. Vértés E. Die ostjakischen Pronomina. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1967. – 272 s.

24. Rédei K. Nord-ostjakische Texte (Kazym-Dialekt) mit Skizze der Grammatik. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1968. – 140 s.

25. Steinitz W. Ostjakologische Arbeiten. Band III. Texte aus Dem Nachlass. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1989. – 641 s.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. Статья посвящена выявлению семантических особенностей имен прилагательных хантыйского языка. В хантыйском языке имена прилагательные, характеризующие человека по внешним качествам, морально-этическим, интеллектуальным признакам, прилагательные, передающие вкусовые ощущения человека, представлены довольно обширно.

Цель нашего исследования заключается в выявлении семантических особенностей прилагательных, характеризующих человека: по внешним качествам, морально-этическим, интеллектуальным признакам, прилагательным, передающим вкусовые ощущения человека.

Материалы исследования. Основным источником при написании данной статьи послужила составленная нами картотека имен прилагательных хантыйского языка на материале шурышкарского, казымского и приуральского диалектов. Собранный картотека состоит из образцов разговорной речи, записанных у информантов, примеров из фольклорных текстов и двуязычных словарей.

Результатом проводимого исследования явилось введение в научный оборот значительного списка новых лексических единиц, передающих семантические особенности имен прилагательных, характеризующих человека по внешним качествам, морально-этическим, интеллектуальным признакам, прилагательных, передающих вкусовые ощущения человека.

Ключевые слова: хантыйский язык, шурышкарский диалект, казымский диалект, приуральский диалект, семантика, лексика, прилагательные, характер человека, внешний вид человека.

Современная лингвистика изучает имя прилагательное в разнообразных аспектах и направлениях. Как заметила Е. М. Вольф, «пути к выявлению и объяснению функционирования прилагательного в разных видах синтаксических и семантических структур лежат в направлении поиска весьма многочисленных факторов, которые, взаимодействуя друг с другом, определяют специфику этого класса слов» [Вольф, 1978: 18].

Актуальность исследования определяется, прежде всего, недостаточной изученностью лексики хантыйского языка, малой

разработанностью проблем лексикологии и лексикографии. Неисследованными остаются многие вопросы лексической семантики, составляющие предмет данной работы.

Исходя из общей цели и задач работы и особенностей изучаемого объекта, в исследовании использовались методы наблюдения, лингвистического описания, привлекались элементы методики сравнительного и структурно-семантического анализа.

Прилагательные – одна из наименее изученных и наиболее сложных для исследования частей речи в хантыйском языке.

Проблема статуса «прилагательного» в системе частей речи уральских языков дискутируется уже долгое время, однако до сих пор нет однозначного ответа на вопрос о том, правомерно ли в этих языках выделять самостоятельную часть речи – имя прилагательное [Шитц, 2006: 67].

Мы придерживаемся точки зрения Н. Б. Кошкаревой, автор подробно пишет о выделении имени прилагательного как самостоятельной части речи в хантыйском языке и выделяет их на основании комплекса критериев: семантического, морфологического, словообразовательного и синтаксического [Кошкарева, 2013: 5–11].

Имя прилагательное – это часть речи, которая обозначает различные признаки предметов (качество, цвет, величину, размер, материал, принадлежность), отвечает на вопрос: шур./каз./приур. – *муй хорти?*/муй *хурасэп?*/мёла *хорти?* ‘какой?’.

Для представления более полной картины лексико-семантических и грамматических особенностей отдельного диалекта (в данном случае шурышкарского) в работе вводятся примеры из близких приуральского и казымского диалектов хантыйского языка, которые в данных аспектах также не рассматривались.

Основным материалом исследования послужили: образцы разговорной речи, записанные автором у информантов, примеры из фольклорных текстов [Шмидт, Пятникова, 2006; Немысова, Каюкова, 2007; Кошкарева, Ковган, Тарасова, Шиянова, Миляхова, 2012; Лонгортowa, 2017], материалы словарей [Steinitz, 1066–1991; Сязи, Скамейко, 2007; Вальгамова, Кошкарева, Онина, Шиянова, 2011; Рандымова, 2011; Рябчикова, Рачинская, 2011; Соловар, 2014], пособие по лексике хантыйского языка

[Кошкарева, Соловар, 2004], а также материалы национальной печати – газет «Јух Ават», «Јылӓн йиҥк», «Хӓнты ясӓн».

Семантику имен прилагательных хантыйского языка на материале казымского диалекта, выраженных именами, обозначающими параметры *aj* ‘маленький’, *wəp* ‘большой’ подробно рассмотрела В. Н. Соловар. Автор определила особую систему значений, которая отличает ее от русской системы значений параметрических прилагательных и от системы подобных прилагательных в тюркских языках [Соловар, 2010: 18, 26].

С. Д. Дядюн, В. Н. Соловар в своей статье рассмотрели особенности образования и функционирования имен прилагательных в хантыйских народных сказках. Наиболее частотно в хантыйских сказках встречаются имена прилагательные с суффиксом *-əŋ/-aŋ*, обозначающие качественную характеристику предметов, явлений, а также человека. Способы формообразования и словообразования имени прилагательного в сказках не отличаются от других прозаических текстов. Имя прилагательное в позиции предиката встречается редко [Дядюн, Соловар, 2015: 38].

В хантыйском языке качественные прилагательные делятся на следующие лексико-семантические группы: прилагательные, называющие цвет, – *нови/нуви/нави* ‘белый’, *питы/питы/путы* ‘черный’, *ўрты/вўрты/вўрты* ‘красный’, *вўсты/вўсты/вўсты* ‘синий, зеленый’, *хопшат/хупшат/хопсат* ‘серый’; обозначающие морально-этические понятия – *сӓмлы-мохӓллы/сӓмлы-мухӓллы/сӓмлы-мохӓллы* ‘жестокый, бессердечный’ (букв.: без сердца, без печени), *шӓк-пӓк/шӓк-пӓк/сӓк-пӓк* ‘аккуратный’, *ошӓн-сацӓн/ушӓн-сацӓн/осӓн-цацӓн* ‘понятливый’ (букв.: понятливый, понимающий); внешние качества человека – *кулы-моры* ‘толстый’ (букв.: толстый, бугристый); *таки-сары* ‘сильный, выносливый’ (букв.: крепкий, выносливый); *кул-вац* ‘широкий, узкий или толстый, тонкий’; *ловӓн-сомӓн* ‘рослый, коренастый, костистый’ (букв.: костлявый, чешуйчатый); *мушӓн-кӓшӓн* ‘имеющий болезни’ (букв.: больной, болеющий); *йошлы-кӓрлы/-йослы-кӓрлы* ‘без рук, без ног’; *сӓмлы-пӓллы* ‘слепой-глухой’; *унӓл-айӓл/вӓнӓл-айӓл/вӓлӓл-айӓл* ‘старый и молодой, большой и маленький’; прилагательные, передающие вкусовые ощущения человека, – *ӓмлӓм* ‘безвкусный’, *мавӓн* ‘вкусный’,

саккарэн ‘сладкий’, *солэн* ‘соленый’, *воцрэм* ‘горький’, *аңлы-вурлы* ‘безвкусный’ (букв.: бесполезно, безвкусно), *Тәм хәтәл Һаһ верты хотэвән аңлы-вурлы Һаһ верәм, солән воллы йнт понәм* ‘Сегодня в пекарне сделали безвкусный хлеб, соль совсем не положили’; обозначающие интеллектуальный признак – *олы-молы* ‘придурковатый’, *Щит олы-молы хоят* ‘Это придурковатый человек’; обозначающие характер, психический склад – *йүләү-Һаҗмән* ‘разговорчивый’ (букв.: рот имеющий, язык имеющий); *ойән-пицән* ‘удачливый’ (букв.: удачливый, с возможностями); *кашлы-послы* ‘унылый, скучный’; *йинтпән-луйән* ‘мастерица’ (букв.: с иголкой, с наперстком), *Щит йинтпән-луйән нә* ‘Это мастерица’ (букв.: это с иголкой, с наперстком женщины); *нәмән-сыйән* ‘известный’ (букв.: именитый, звонкий); *ошлы-улы* ‘неизвестный’ (букв.: непонятный, незнакомый); обозначающие временной признак – *йисән-нуптән* ‘вековой’ (букв.: время, отрезок времени).

Ю. С. Лычкина в своей статье «Лексико-фразеологическая репрезентация концепта “характер” в современном русском языке» пишет, что «изучение концепта “характер человека” помогает лучше понять личностные качества человека, их связь с поведением, установить влияние характера на жизнь, а также обратить внимание на системность средств наименования и оценки характера» [Лычкина, 2012: 84].

Главной задачей нашего исследования является выявление семантических особенностей прилагательных, характеризующих человека: по внешним качествам, морально-этическим, интеллектуальным признакам, прилагательные, передающие вкусовые ощущения человека.

Имена прилагательные, характеризующие внешность человека

К исследуемой теме в сопоставительном аспекте обращалась С. В. Халили-Квасова, она рассмотрела лексическую сочетаемость имен прилагательных, характеризующих внешность человека, в русском и белорусском языках. Автор выявила, что имена прилагательные, характеризующие внешность человека по отдельным атрибутам его наружности, в обоих близкородственных языках сочетаются с существительными – репрезентантами той или иной микрогруппы. Ряд номинативных единиц может также сочетаться с существительными, называющими другие

атрибуты внешности (чаще всего с гипонимами или гиперонимами по отношению к атрибуту, в микрогруппу которого входит рассматриваемая лексическая единица) [Халили-Квасова, 2011].

С. В. Демидович рассматривал национальную специфику в лексико-семантических группах имен прилагательных, характеризующих внешность человека, и пришел к выводу, что в большинстве случаев между лексемами обоих языков наблюдаются семантические соответствия, что обусловлено как единством членения объективной деятельности, так и близостью русского и белорусского языков. Причем среди прилагательных, характеризующих внешность человека как единое целое, соответствий еще больше, чем среди прилагательных, характеризующих внешность человека по отдельным ее атрибутам. Это объясняет тем, что разница в семантике номинативных единиц сопоставляемых языков всегда больше в том фрагменте объективной действительности, который членится более детально [Демидович, 2009: 252].

Е. А. Воробьева [2003] исследовала имена прилагательные, характеризующие внешность человека по физическим особенностям, в ярославских говорах.

Тематическая группа прилагательных, характеризующих человека по внешним признакам или физическим особенностям, в хантыйском языке представлена лексико-семантическими группами, оценивающими лицо по следующим признакам: красивый – некрасивый, высокий – невысокий, толстый – худой, а также по особенностям телосложения, чертам лица, цвета волос, кожи и др.

Широко распространена и весьма употребительна лексико-семантическая группа имен прилагательных, заключающих общую положительную оценку внешности человека с семантикой красивый: *хорасэу/хурасэу/хорасэу* ‘красивый, симпатичный’, *хораспи* ‘имеющий внешний вид, облик, внешность’, *хорам, хорамэу* ‘красивый’, *вантăпсайэу* ‘красивый’, *вещэу* ‘красивый’. Например: шур. *Щит хоты хорасэу нэ* ‘Эта-то красивая девушка’; *Хорамэу эвийе, воллы акаñ хорпи* ‘Красивая девочка, совсем как куколка’, *Сэвэу нэ, вещьэу нэ* ‘С косами женщина, красивая женщина’; каз. *Љўв киньцала хурасэу нэ* ‘Эта женщина красивее

той'; приур. *Хорасэн нын тўвмал* 'На красивой девушке женился (букв.: красивую девушку привез)'.

Прилагательное с противоположным семантическим компонентом, несущим негативную оценку внешности некрасивый, выражается следующими лексемами: *ўқицәм* 'некрасивый, противный, неприятный', *атәм* в значении 'некрасивый', данные лексемы совпадают во всех рассматриваемых диалектах, например: шур. *Ўқицәм хойат* 'Некрасивый, противный человек'; каз. *Ўқишәм хәйнәхо* 'некрасивый человек'; *Љўв атәм хурасән* 'Он некрасивый'; приур. *Ўқицәм нәнхуй* 'некрасивый человек'.

Представим лексико-семантические группы имен прилагательных, описывающих рост человека, значение 'высокий' во всех исследуемых диалектах выражается словами – *пәл* 'высокий', *кәрәц* 'высокий, рослый', например: шур. *пәл хойат* 'высокий человек'; приур. *Сот хопты кўтна пәл нын охәл карытәл, сапләл карытәл* 'Среди ста быков-олений высокая дева головой вертит, шеей вертит'; шур. *кәрәц хойат* 'высокий человек'; *Љўв похәл ищи кәрәц* 'Сын его тоже высокий'; каз. *Кәрәц ики* 'Высокий мужчина'; *Љўв кәрәц нә вәлмәл* 'Она была высокой женщиной'; приур. *Вўл ацәм кәрәц ики ус* 'Дедушка = мой высокий человек был'.

Прилагательное с противоположным значением 'невысокий' выражается словами *ләл* 'низкий', например: шур. *Ләл ху* 'Низкий мужчина'; каз. *Ләл икилс* 'Низкий мужичок'; приур. *Ләл нын* 'низкая женщина'.

Лексико-семантические группы имен прилагательных, описывающих особенности фигуры человека, по значению 'полный, толстый, крепкий': для всех трех диалектов *кўл* 'толстый', *вўтән* 'пухленький', *Љўв цәнк кўл ики* 'Он очень толстый человек', *так-сар* 'крепкого телосложения'; шур. *һохән-лантән* 'толстый, тяжелый (букв.: мясистый-мучной)'; приур. *һохайән* 'полный (букв.: мясистый)', *кўлы-моры* 'упитанный', *Кўлы-моры нәнхуй* 'Толстый человек'; *вўйау* 'полный (жирный)', *Щикем вўйау ими* 'Такая толстая женщина'; каз. *кўлы-муры* 'толстый', *һухән* 'полный (букв.: мясистый)', *вўйау* 'жирный (отрицательная характеристика толстого человека)'; шур. приур. *ловән-сомән* каз. *лўвән-сомән* 'крепкого телосложения (букв.: кости-чешую имеющий)', также для каз. *йөр-кәпәр* 'крепкого телосложения',

њухэу-лүвэу ‘крепкого телосложения (букв.: мясо-кости имеющий)’.

Лексико-семантические группы имен прилагательных со значением ‘худой, худощавый, стройный’ составляют слова: шур. *орэм* ‘худой’, *Орэм венипи* ‘С худым лицом’; *керыйэм* ‘худой’, *Щит волды керыйэм хойат* ‘Он совсем худой человек’; приур. *курыйэм* ‘худой’; каз. *урам* ‘худой, тощий’, для трех диалектов *ващ* ‘стройный’, *ьор-пор* ‘стройный’.

Ряд прилагательных, характеризующих особенности человеческого лица (его форму, дефекты), выражаются следующими словами: *ьоблэу* ‘носатый’, *Щит ун ьоблэу ху* ‘Это с большим носом человек’; *сэмэу* ‘глазастый’, *сэмэу нэнийи* ‘глазастая женщина’; *сэмлы* ‘слепой’, *Лүв сэмлы ими хоца мәнэс* ‘Она к слепой женщине пошла’; *пеукэу* ‘зубастый’, *пеукэу ьавэрэм* ‘зубастый ребенок’; *пеуклы* ‘беззубый’, *пеуклы ики* ‘беззубый старик’; *мормэу* ‘морщинистый’, *мормэу вениш* ‘морщинистое лицо’; *ьосарэу* ‘сморщенный’, *ьосарэу вениш* ‘сморщенное лицо’; *ломарэу* ‘морщинистый’, *ломарэу вениш* ‘морщинистое лицо’; *щякнайэу* ‘с бородавками’, *щякнайэу ьобл* ‘с бородавкой нос’, *щякнайэу йош* ‘с бородавками рука’; *тушэу* ‘бородатый’ *тушэу ики* ‘бородатый мужчина’. Данные прилагательные образуются от существительных при помощи суффиксов обладания или необладания названным основой существительного признаком *-эу* и *-лы*.

Следующую лексико-семантическую группу составляют имена прилагательные, характеризующие качество и цвет волос человека: *нови ох/нуви ух/нави ох* ‘блондин или седой (букв.: белая голова)’, шур. *охэл нови* ‘голова = его белая’; каз. *ухэл нуви* ‘голова = его седая’; приур. *Охэл навийа вотэм* ‘голова седая стала (букв.: голову белым обдуло)’; *нови ох сох/нуви ух сух/нави упэт* ‘светлые волосы’, шур. *Нови упэтлал вотэн ревемэлэт* ‘Светлые волосы на ветру вьются’; *питы ох сох* ‘черные волосы’ *Питы, лавэм хорпи ох сохэт* ‘Черные, на уголь похожие волосы’ в данном примере цвет глаз передается по средствам сравнения с *лавэм хорпи* ‘как уголь’ для более точной передачи цветового признака; *вуркам ох* ‘рыжий’, *щякальэу ох* ‘кудрявая голова’, *вотэм ох* ‘седая голова’, *ьар ох* ‘лысая голова’, *кул*

охсох ‘густой волос’, *вас пун хорпи охсох* ‘мягкие, тонкие волосы (букв.: как утиный пух волосы)’.

Описывая части тела человека и внешний вид, прилагательное, передающее цветовой признак *нови/нуви/нави* ‘белый’, приобретает значения ‘белый’, ‘бледный’, ‘светлый’ ‘седой’, например: шур. *нови вени* ‘бледное лицо (букв.: белое лицо)’, каз. *нуви сэм кэв* ‘белок глаза’, *нувийа лотхэмтты* ‘побледнеть’; приур. *сэм нави а́т* ‘белок глаза’, *нави пенк* ‘белые зубы’, *нави веспи* ‘белая кожа (букв.: с белым лицом)’, *нави эл* ‘белое тело’, *нави по́нам* ‘бледная кожа’, значение ‘бледный’ по отношению к человеку передаётся отсутствием под кожей крови *вениа́л кáлы сэм а́нт тáйáл* ‘об очень бледном человеке (букв.: лицо его капли крови не имеет)’. Цвет глаз передается прилагательными шур. каз. *питэ́нэ́н*, приур. *путэ́нэ́н* ‘черные’, шур. каз. *э́тар хáры ху́расу́нэ́н*, приур. *э́тар хар хорпе́нэ́н* ‘голубые, синие (букв.: как небо)’, шур. приур. *востэ́нэ́н* каз. *вустáну́н* ‘зеленые’, каз. *питка́мну́н* ‘темные’. Цвет глаз пожилого человека передается лексемой *лотхэмтэм* ‘выцветший’, например: шур. *Лотхэмтэм питы дáрахэ́н сэмуйа́л шáвэ́на йису́нэ́н* ‘Выцветшие чёрные круглые глаза дымчатыми стали’.

С помощью прилагательного, обозначающего признак цвета *нави* ‘белый’, в хантыйском языке выражается не только физическое, но и психоэмоциональное состояние человека (чувство страха), например: *навийа щоиха́нты* ‘побледнеть, напугаться’, *Щи а́рат пáйтáмэс, па вениа́л навийа щоихэмтэс* ‘Так сильно испугался (человек), и лицо его побледнело’; *Эна́нты ны́уáл ньаврэ́мáл пи́лна навийи цо́нухамман омэ́стан* ‘Молодая женщина с ребёнком сидят побледневшие’.

Данное прилагательное имеет переносное значение ‘невиновность’, оно отмечено в статье Н. М. Талигиной [1999: 198] на материале шурышкарского диалекта; автор выделила два значения: 1. честное; 2. здоровое: *нови вешн ватты* ‘смотреть белым (честным) лицом’; *нови вешн уйтáнтыты* ‘встретиться белыми лицами (в значении здоровыми, честными, чистыми)’. Цвет имеет огромное значение в жизни современного человека. Зачастую от него напрямую зависит настроение, эмоции и даже физическое самочувствие людей.

При характеристике внешности человека отмечаются общие физические данные: *таксэр* ‘крепкий, здоровый’, *шур. Лүв шэнк таксэр нэнхуй, нэмаспорайна кашан айт уллийга* ‘У него очень крепкий организм, он никогда не болеет’; *вевау* ‘мощный, могучий, сильный’, *Лүв шэнк вевау ики ус* ‘Он очень сильный мужчина был’; *вевлы* ‘слабый’, *Ма вевлы нитсэм* ‘Я обессилел (букв.: я слабым стал)’; *йовра* ‘кривой’, *Нән йовра күр, холта пела мәнлән* ‘Ты, кривая нога, куда пошел’; *какэн* ‘паршивый, покрытый паршой’, *Какэн ох* ‘Паршивая, покрытая коростой голова’; *кулы-моры* ‘толстый’ (букв.: толстый, бугристый), *Мун хоцаев кулы-моры хойат йохталыйс* ‘К нам приезжал толстый человек’; *таки-сары* ‘сильный, выносливый’ (букв.: крепкий, выносливый), *Лүв хоты таки-сары хоят ус, лүв талэн хор уьца алэматы веритсэллы* ‘Он-то был выносливым человеком, он целого хора один мог поднять’; *ловэн-сомэн* ‘рослый, коренастый, костистый’ (букв.: костлявый, чешуйчатый), *Ун ащем ловэн-сомэн ики ус* ‘Дедушка коренастый мужик был’; *йошлы-күрлы* ‘без рук, без ног’, *Лаль пöрайн ар хойат йохы йошлы-күрлы йохйтсэт* ‘Во время войны много людей вернулось домой без рук, без ног’; *сэмлы-пәллы* ‘слепой-глухой’, *Сэмлы-пәллы нитты* ‘Слепым-глухим стать’. К общим физическим данным можно отнести также гибкость человека, в хантыйском языке это качество передается с помощью сравнения *ай сорт хорпи* ‘как маленькая щука’ или еще одно сравнение: *мув лэр хорпи* ‘как дождевой червяк’.

Итак, мы рассмотрели семантические особенности имен прилагательных, характеризующих внешность человека, в хантыйском языке. Данные имена прилагательные представляют собой оригинальную группу слов, выражающих внешность человека по привлекательности, росту, оценивающих особенности фигуры, лица и других частей тела, и создают общее впечатление о его внешних особенностях. Все рассмотренные прилагательные в основном относятся к синонимо-антонимическому ряду и образуются при помощи суффиксов обладания или необладания признаками, а также при помощи сравнения. В семантической структуре слов часто выделяются значения, образованные на

основе метафоризации. Очень часто метафора служит средством образной характеристики человека, его внешнего облика и т. д.

*Имена прилагательные,
характеризующие черты характера человека*

По данной теме был проведен ряд исследований. На материале алтайского языка к этой теме обращалась А. А. Добрина, автор посвятила свою работу выявлению и системному описанию прилагательных современного алтайского языка, обозначающих черты характера человека, в сопоставлении с русскими эквивалентами [Добринина, 2006: 3].

С. Д. Егинова рассматривала прилагательные-синонимы, характеризующие человека. Автор привела материалы диасинхронического изучения семантического развития имен прилагательных. Рассмотрела процесс формирования и развития значений непроемимых имен прилагательных якутского языка, заимствованных из монгольских языков, обозначающих положительные качества человека, в частности скромность [Егинова, 2011: 116].

Ф. Р. Авазбакиева исследовала лингвокультурологический аспект семантики прилагательных, характеризующих человека по уровню воспитанности, на материале татарского, русского и английского языков. Лексико-семантическая группа прилагательных, характеризующих человека по уровню воспитанности, в татарском, русском и английском языках, прежде всего, дифференцируется по аксиологическому принципу, т. е. по знаку оценки: в ней выделяются 2 основные подгруппы – с положительным оценочным знаком и с отрицательным. Внутри лексико-семантической подгруппы также вычленяются на основе общих сем лексико-семантические микрогруппы. Прилагательные с метафорическим значением отражают национально-специфические особенности татарского, русского и английского языков [Авазбакиева, 2012: 6].

Ю. С. Лычкина посвятила статью концепту «Характер человека», автор установила микрополя в структуре семантического поля «Характер человека», выявила ядерную, центральную и периферийные части в современном русском языке [Лычкина, 2012: 84].

Семантическое поле «Отрицательные черты характера человека» (на материале говоров Ивановской области) рассмотрела Ю. С. Шулякина [2012], автор проанализировала лексический состав обозначений отрицательных качеств человека и их оценку в социуме: скупость, жадность, легкомыслие, гордость и зазнайство.

Г. Х. Зиганшина рассмотрела концепт «характер человека» через призму сегодняшнего дня, исследователь дает наиболее важные общеметодологические основы лингвокогнитивного описания концепта [Зиганшина, 2013: 125].

Т. Е. Андреева на материале эвенкийского языка проанализировала национальную специфику прилагательных, обозначающих черты характера человека, в сопоставлении с русскими эквивалентами, выявила общие и специфические их характеристики [Андреева, 2016: 84].

На материале обско-угорских языков к данной теме обращались: В. Н. Соловар, Е. С. Молданова [2011] на материале казымского диалекта хантыйского языка описали номинацию некоторых внутренних качеств человека, его интеллектуальных способностей. Описали языковую оценку человека, которая осмыслена и описана как факт обыденного сознания и национально-образного мышления в универсальных категориях так, как они представлены в языке, в значениях единиц номинации, воссоздав тем самым фрагмент картины мира в сознании языковой личности. Ю. Г. Миляхова, В. Н. Соловар [2013] на материале шурышкарского и казымского диалектов хантыйского языка исследовали основные составляющие картины мира, осознаваемые носителями языка как важнейшие социально-культурные нормы данного общества; исследуется семантика языковых единиц, передающих психическое и эмоциональное состояние человека. О. Ю. Динисламова [2018] рассмотрела языковую репрезентацию характера человека в мансийском и русском языках на материале фразеологических единиц, характеризующих доброго человека.

В своей работе мы будем придерживаться классификации лексико-семантических групп, выделенных А. А. Добриной [2006].

В хантыйском языке имена прилагательные, определяющие черты характера человека, мы распределили на семь лексико-семантических групп:

1) прилагательные, обозначающие характер и выражающие отношение к самому себе:

– прилагательные с положительной семантикой – шур. *йъм хойат* ‘хороший человек’, *лұхсән* ‘дружелюбный (букв.: друга имеющий)’, *нэмән-сыйән* ‘известный (букв.: с именем звучный)’, *ойән* ‘удачливый’, *ойән-пищән* ‘удачливый, с возможностями’, *пәлтаплы* ‘бесстрашный, смелый, отважный, храбрый’, *ошән* ‘понятливый, понимающий’, *умәш* ‘приятный’, *шитам* ‘тихий’, *шўньән* ‘счастливый’; приур. *кесәл пәсты*, *лаймәл пәсты* ‘успешный (букв.: нож = его острый, топор = его острый)’, в данном фразеологизме характер выражается через состояние орудий труда; каз. *шуш-муш* ‘уравновешенный, самостоятельный, хозяин своему слову’, *лөхсән* ‘дружный’, *митрайән* ‘хитроумный’, *пищән* ‘сообразительный’, *ушән-сацән* ‘понятливый (букв.: толк-понимание имеющий)’, *уши-сащи* ‘понятливый’;

Например: шур. *Лјүв йәм хоят ус* ‘Он хорошим человеком был’; *Р. П. Ругин нэмән-сыйән хойат ус* ‘Р. П. Ругин знаменитый человек был’; *Мўн вошэвән йэмән хәтәл кеша ар нэмән-сыйән хойат йохтәлйәс* ‘В наш город в честь праздника много знаменитых людей приезжало’; *Лјүв ойан ху, унта йәүхтална талты әнт йохтәл* ‘Он удачливый мужик, когда в лес ездит, пустым не возвращается’; *Лјүв хоты ойән-пищән хойат* ‘Он-то удачливый человек’; *Муй пишән утыйә* ‘Какой сообразительный’; *Пухән ушәна йис* ‘Сын = твой стал понятливым’; *Лјүв ушән-сацән* ‘Он понятливый’; *Пәлтаплы ики* ‘бесстрашный мужчина’.

– прилагательные с отрицательной семантикой – шур. *йәрау* ‘гордый, важный’, *сытән сәм* ‘завистливый (букв.: желчное сердце)’, характер выражается через сомоним, *атәм* ‘плохой, вредный’, *ойлы-йислы* ‘несчастный (букв.: без везения, без судьбы)’, *отшам* ‘глупый’, *пирлы-вошлы* ‘одинокий, не имеющий близких родственников’, *пәлтап* ‘страшный’, *пәлтапән* ‘боязливый, пугливый’, *шукән* ‘горестный, мучительный’; каз. *уркән* ‘хвастливый’, *кәук* ‘раздражительный’, *кәуки-вауки* ‘раздражи-

тельный', *ньэрэн-сүхэн* 'упрямый (все делает нарочно), капризный, вредный', *оутэн-түрэн* 'рогатый-голосистый (букв.: с рогами-горлом)', *пэлтапэн* 'трусливый', *улы-мулы* 'глупый, легковёрный', *утишам* 'глупый';

например: шур. *Ши нсүнэн ййрау* 'Эта женщина гордая'; *Атэм хойат* 'Плохой человек'; *Ойлы-йислы лэнки мүйсүн хойат* 'Несчастный, бедненький, он заболел'; *Нән ши отишам* 'Ты такой глупый'; *Пирлы-воцлы ики йохы шушэл* 'Одинокий, не имеющий близких родственников, старик домой идет'; каз. *Уркэн хө* 'Хвастливый мужчина'; *Ин акем ики кеңки-ванки хө, имэл нела ши хишэмтэс* 'Дядя мой раздражительный, на жену прикрикнул'; *Лүв оутэн-түрэн, пэлтап венэн ики, вантэ* 'О рогатый-голосистый, страшный зять = твой, видишь ли'; *Ши икэн пэлтапэн* 'Этот мужчина трусливый'; *Улы-мулы хуйат* 'Глупый человек'; *Утишам нэ* 'Глупая женщина'.

2) прилагательные, выражающие манеру поведения человека:

– прилагательные с положительной семантикой – шур. *ньэхэн* 'улыбающийся, смеющийся', *ньэхэн-йянтэн* 'улыбчивый, игривый', *ньалмэн* 'разговорчивый', *няхэн-потрэн* 'со смехом, с разговором', *пурэн* 'разговорчивый', *ром* 'смирный, спокойный', *сыйлы* 'тихий, бесшумный, беззвучный', *тйры-пйры* 'шустрый', *йүлэн* 'разговорчивый', *йүлэн-ньалмэн* 'разговорчивый (букв.: рот имеющий, язык имеющий)'; каз. *кены-маны* 'легкий на подъем', *ньэхэн-йунтэн* 'улыбчивый-игривый', *ньавлак* 'ласковый', *сэми-пйлы* 'смекалистый, сообразительный (букв.: с глазами-с ушами)', *хөры* 'осторожный', *йасэнлы-лавэтлы* 'спокойный (букв.: без слов-без ругани)';

например: *Ньэхэн-йянтэн ньаврэмийи* 'Улыбчивый-игривый ребенок'; *Сыйлы ула* 'Без звука будь'; *Йүлэн нэнийэ* 'Разговорчивая женщина'; *Ши эвийэ пйр унлэн-ньалмэн эви* 'Эта девочка, беда, разговорчивая девочка'; *Пирэц ики ньэхэн венши, йунтэн веншэн кйрыйэл, нух лольэмтэс* 'Старый мужчина с улыбающимся лицом, игривым лицом посиживает, вскочил'; *Ньэхэн-йунтэн ай ики* 'Улыбчивый-игривый мальчик'; *Лүв йасэнлы-лавэтлы хойат* 'Он спокойный человек';

– прилагательные с отрицательной семантикой – шур. *кашлы-пушлы* 'унылый, скучный', *куны-маны* 'бойкий' *мйиша* 'молчаливый', *ньомша* 'молчаливый', *охлы-сэмлы* 'непоследова-

тельный (букв.: без головы-без глаз)’ действует необдуманно, *солэн* ‘шумный’, *сыйэн* ‘шумный, звучный, громкий’, *сыйлы* ‘беззвучный’, *хуры* ‘осторожный’, *щялэн* ‘визгливый’; каз. *лыки-сухи* ‘грубиян, грубый’, *майшам* ‘молчаливый, неразговорчивый’, *митрайэн* ‘находчивый, хитрый’, *ньэрэн-сухэн* ‘упрямый (все делает нарочно)’, *хуци-сухи* ‘ветренный, любит развлекаться’;

например: *Каишлы-пуишлы улты, хун нэмэлт хой айт йохтажыгэл* ‘Унылая, скучная жизнь становится, когда никто не приходит’; *Куны-маны ньаврэм па ци а холта пэла ньохэмтэс* ‘Бойкий ребенок опять куда-то бежит’; *Икэл айл майшиа* ‘Муж = ее просто молчаливый’; *Ньаврэмжан ци солэнэт* ‘Дети твои такие шумные’; *Сыйэн турэн арыты* ‘Звучным голосом поет’; *Ици майтты кэйтэжэн кэсэжэт, хой тюр сыйгэл сыйэншэк* ‘Как будто между собой соревнуются, у кого голос звонче’; *Лүв майшам вэс* ‘Он молчаливый был’; *Лүв митрайэн, пицэн ут ци вөлмал* ‘Он находчивый, оказывается’.

Манера поведения человека выражается через положительные качества – это быть спокойным, тихим, ласковым, разговорчивым; отрицательные качества – быть грубым, ветреным, а также выражена негативным отношением к поведению кого-либо.

3) прилагательные, обозначающие волевые качества человека: шур. *вўрайэн* ‘упрямый, настойчивый, упорный’, *кунишлал такэт* ‘крепкий характер (букв.: когти крепкие)’, в данном фразеологизме воля выражается через крепость его когтей, *тарэм* ‘требовательный’, *ўрайэн* ‘упрямый, вздорный’, *анэрлы* ‘нетерпеливый’, *рэньлы* ‘неуверенный, нетерпеливый’; каз. *вэвлослы* ‘слабый’, например: *Вэвлослы хуйат* ‘слабый человек’.

Волевые качества, прежде всего, выражаются в упрямстве, уверенности, в крепости характера, требовательности, наряду с этим отрицательные черты выражаются антонимами неуверенный, нетерпеливый, слабый.

4) прилагательные, обозначающие отношение человека к другим людям:

– положительные качества – шур. *арэн* ‘веселый (букв.: с песней)’, *арэн-мошчэн* ‘с песней, со сказкой’, *арэн-потрэн* ‘с песней, с рассказом’, *амтэн* ‘радостный’, *сэмэн* ‘сердечный,

добрый', *Лүв мир пэла сэмэу* 'Он добрый к людям (букв.: с сердцем)', *сэмэу* 'внимательный', *щальэу* 'жалостливый'; каз. *рупэт* 'дружный'.

– отрицательные качества – шур. *кйт венипи* 'двуличный' (фразеологизм), *лэпэлтэу* 'обманный', *лыкэу ими* 'злая женщина', *нэлау* 'неуравновешенный', *совэу* 'ревнивый', *сэмлы-пэллы* 'невнимательный', *тарам* 'строгий', *харэх-морэх* 'равнодушный', например: *Харэх-морэх хойат* 'Равнодушный человек', *щащлы сэм* 'бессердечный, безжалостный'; каз. *йуврэн* 'обманчивый', *йунтэу-нэхэу* 'веселый (букв.: игривый-смешливый)', *кйт вэнишэп* 'двуличный' (фразеологизм), *лыкэу ими* 'злая женщина', например: *Ши мурт хйннэхэу лыкэу*, *нёр потэм тунты венишэл мөрийэл* 'До такой степени человек злой, как замерзшая береста, лицо = его ломается'.

5) прилагательные, выражающие отношение человека к труду, к делу:

– положительное отношение к труду выражается лексемами – шур. *апрэн* 'проворный, активный', *йинтпэн-лүйэн* 'умелая (букв.: с иглой, с наперстком)', *йошэу утыйэ* 'умелый (букв.: руки имеющий человек)', *каркам* 'проворный, шустрый, расторопный, бойкий', *кешэн-лаймэн* 'умелый (с ножом, с топором)', *савэр-вавэр* 'проворный, делает что-либо быстро и хорошо', *тарнэн* 'старательный', *тарнэн ху* 'старательный мужчина'; каз. *кэры-пэры* 'расторопный, работающий', *йоши-кэры* 'проворный';

например: *Лүв рупатайэл пэла апрэн* 'Он к работе своей активный'; *Щит йинтпэн-лүйэн нэ* 'Это умелая женщина мастерица' (букв.: это с иглой, с пальцем); *Эвен каркам* 'дочь = твоя проворная'; *Икел каркам, мола аса верэл, имел лэн* 'Муж трудолюбивый, все умеет делать, жена ленивая'.

В хантыйском языке о трудолюбивой женщине зафиксировано большое количество лексем, это мы объясняем тем, что женщина на стойбище выполняет разные виды работ и ее труд чаще виден в процессе выполнения, а труд мужчины виден меньше, так как чаще мы наблюдаем только результат труда. Трудолюбивая женщина: приур. *каркам ныу* 'бойкая / трудолюбивая женщина', *савры-вавры* 'шустрая, проворная, расторопная', *и тахана омасты ан веритал* 'на одном месте не сидит ни минуты', *сулылыман йонтэм сохлал* 'между делами сшила одежду'.

(букв.: на ходу сшитая одежда)'. Трудолюбивый мужчина: приур. *каркам хуй* 'трудолюбивый / бойкий мужчина'.

– отрицательное отношение к труду выражается лексемами – шур. *лосы-хулы от* 'безалаберный', *йошлы-лонлы* 'ленивый' (букв.: без рук, без жил), *кашлы* 'без желания', *лень* 'ленивый'; каз. *катлы-потлы* 'без желания', *рунән* 'медлительный';

например: *Муяа нән щимәщ йошлы-лонлы* 'Почему ты такой ленивый (букв.: без рук-без жил)'; *Мәта йүх йоши-күры алтсә, анәм ил ши павәтсәм* 'Неловкий, неуклюжий (букв.: какие деревянные руки-ноги), чашку уронила'. О ленивом мужчине говорят: приур. *Имел ики иты рупитәл, икел йәдән хуйәл* 'Жена как мужчина работает, муж дома лежит'.

В казымском диалекте хантыйского языка парное слово *йоши-күры* в зависимости от сочетаемости имеет и положительную и отрицательную семантику.

б) прилагательные, обозначающие нравственную сущность человека:

– положительная черта – шур. *вещкат* 'честный, открытый, надежный, верный, правдивый, порядочный', например: *Щит вещькат хойат* 'Это честный человек';

– отрицательные черты – шур. *охсар ики* 'хитрый', *сәмлы* 'жестокий (букв.: без сердца)', *сәмлы-мохәллы* 'жестокий, бессердечный (букв.: без сердца, без печени)', *сылка* 'плохой, сволочной', *сылка хойат* 'негодяй', *сынән сәм тайты* 'завидовать, завистливый (букв.: желчное сердце иметь)', *тарәм* 'лютый', *унавәт* 'виноватый', *Сәмлы-мохәллы хон* 'Жестокий царь'; приур. *Сәмлы-мохәллы Пор нын имина суппи навәрмәлайән* (устойчивое выражение) 'Бессердечная женщина Пор перепрыгнет через тебя (букв.: без сердца, без печени женщина Пор)'; каз. *нәултәш-картәш* 'пронырливый', *ропхән* 'обманчивый', *сәмлы-мухәллы* 'бесчувственный, жестокий (букв.: без сердца-без печени)'; *улмайән* 'хитрый', *ушмарән* 'хитрый', *Ушмарән йох* 'Хитрые люди'.

Положительную оценку имеют честность, правдивость, верность, которая по материалам нашей картотеки выражается одной лексемой, тогда как отрицательные черты выражаются целым рядом слов, где не приветствуются зависть, ложь, обманчивость, жестокость и др.

7) прилагательные, выражающие отношение человека к вещам:

– прилагательные с положительной семантикой – шур. *аңэу* ‘экономный’, *шйк-пйк* ‘аккуратный’, например: *Аукаукэм шэук шйк-пйк хойат ус* ‘Бабушка очень аккуратным человеком была’; каз. *лйткэши* ‘щедрый’;

– прилагательные с отрицательной семантикой – шур. *аңлы* ‘неэкономный, расточительный’, *күйи-каш* ‘жадный’, *лосы-хулы* ‘безалаберный’, *нытан* ‘требовательный к чему-либо’, например: *Эвен ши нытан, тамиты дүвел атэм, тумиты па атэм* ‘Твоя дочь такая требовательная, и это ей не так и то не так’, *нэлан* ‘жадный’, *тарэм* ‘скупой, жадный’; каз. *ирњи* ‘жадный’, *кйли-вулийа* ‘небрежно’, *нэлэу* ‘жадный’, *таки-наки* ‘скупой, прижимистый, не тратит лишних денег’, *щйкэр* ‘скупой’, например: *Щйкэр ики* ‘Скупой мужчина’.

Итак, в хантыйском языке мы выявили 92 прилагательных, обозначающих характер человека, которые делятся на две группы эмоционально-оценочных прилагательных:

1) характеризует положительные качества и трудовую деятельность человека, например: ‘очень трудолюбивый, работающий, имеющий привычку трудиться постоянно, без отдыха’, ‘неумелый, неискусный’, ‘показной, недобросовестный’ и др., таких в нашей картотеке 42 лексемы;

2) характеризует различные отрицательные черты характера человека, например: ‘проявляющий грубость, обидчивость, раздражительность по малейшему поводу’, ‘дерзкий, очень резкий; наглый’, ‘чрезвычайно упрямый, дурной’, ‘несговорчивый, упрямый’ и др. – 50 лексем.

Картина мира, отражаемая именами прилагательными хантыйского языка, дает представления хантыйского человека о своем мире, о нравственных ценностях, об общих чертах характера, которые выражаются через поведение; отношение человека к другим людям; волевые качества человека; отношение к труду, делу; отношение к вещам, так обладание или отсутствие какого-либо признака выражается с помощью суффикса *-эу*, означающего обладание признаком, и суффикса *-лы*, имеющего значение отсутствия признака.

Главным среди указанных семантических полей является поле «нравственная сущность человека», оно содержит большее количество единиц по сравнению с другими семантическими полями. Это объясняется тем, что характер человека (ханты) зависит от его нравственных черт.

Таким образом, мы рассмотрели семантические особенности имен прилагательных хантыйского языка, характеризующих человека по внешним качествам, морально-этическим, интеллектуальным признакам; прилагательных, передающих вкусовые ощущения человека. В хантыйском языке преобладает модель метафорического переноса. Нами введен в научный оборот значительный список новых лексических единиц, характеризующих внешность и черты характера человека.

Список литературы и источников

1. Авазбакиева Ф. Р. Лингвоаксиологический аспект семантики прилагательных, характеризующих человека по уровню воспитанности (на материале татарского, русского и английского языков): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Тобольск, 2012. – 24 с.
2. Андреева Т. Е. Прилагательные, обозначающие черты характера человека в эвенкийском языке // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2016. – № 1 (14). – С. 84–87.
3. Вальгамова С. И., Кошкарева Н. Б., Онина С. В., Шиянова А. А. Диалектологический словарь хантыйского языка (шурьшкарский и приуральский диалект) / Под ред. Н. Б. Кошкаревой. – Екатеринбург: Баско, 2011. – 208 с.
4. Вольф Е. М. Грамматика и семантика прилагательного (на материале иберо-романских языков). – М.: Наука, 1978. – 200 с.
5. Воробьева Е. А. Имена прилагательные, характеризующие внешность человека по физическим особенностям, в ярославских говорах // Ярославский педагогический вестник. – 2003. – № 4 (37). – С. 168–171.
6. Демидович С. В. Национальная специфика в ЛСГ имен прилагательных, характеризующих внешность человека // Русский язык: система и функционирование (к 70-летию филологического факультета): сб. материалов IV Междунар. науч. конф.,

г. Минск, 5–6 мая 2009 г. В 2 ч. Ч. 2 / Белорус. гос. ун-т; редкол.: И.С. Ровдо (отв. ред.) [и др.]. – Минск: РИВШ, 2009. – С. 251–254.

7. Динисламова О. Ю. Языковая репрезентация характера человека в мансийском и русском языках (на материале фразеологических единиц, характеризующих доброго человека) // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2018. – Т. 12. № 3. – С. 6–21.

8. Добринина А. А. Прилагательные современного алтайского языка, обозначающие черты характера человека (в сопоставительном аспекте): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Новосибирск, 2006. – 20 с.

9. Дядюн С. Д., Соловар В. Н. Имя прилагательное в хантыйской сказке // Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: традиции и инновации: материалы дистанционной научно-практической конференции XIII Югорские чтения (20 декабря 2014 г., Ханты-Мансийск). – Воронеж: Макс-принт, 2015. – С. 33–38.

10. Егинова С. Д. Прилагательные-синонимы, характеризующие человека: семантический анализ // Вестник СВФУ. – 2011. – Т. 8, № 1. – С. 116–122.

11. Зиганшина Г. Х. Концепт «характер человека» через призму сегодняшнего дня // Вестник Башкирского университета. – 2013. – Т. 18. № 1. – С. 125–131.

12. Кошкарева Н. Б. Имя прилагательное в хантыйском языке (на материале западных диалектов) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2013. – Том 11, Вып. 1. – С. 5–11.

13. Кошкарева Н. Б., Ковган Е. В., Тарасова Ф. Г., Шиянова А. А., Миляхова Ю. Г. Образцы текстов на шурышкарском диалекте хантыйского языка // Экспедиционные материалы по языкам народов Сибири (1995–2012 гг.) / Отв. ред. Н. Н. Широбокова. – Новосибирск: Изд-во Открытый квадрат, 2012. – С. 261–291.

14. Кошкарева Н. Б., Соловар В. Н. Хӱнты ясаӱн пӱтӱртлӱв. Поговорим по-хантыйски. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2004. – 282 с.

15. Лонгортова З. В. Ими Хилы. Литературно-художественное издание. – Салехард: Северное издательство, 2017. – 132 с.

16. Лычкина Ю. С. Лексико-фразеологическая репрезентация концепта «характер человека» в русском языке // Известия ЮФУ. Филологические науки. – 2012. – № 1. – С. 84–89.

17. Миляхова Ю. Г., Соловар В. Н. Национально-культурные особенности языковых единиц сферы психоэмоционального состояния и поведения человека (на материале шурышкарского и казымского диалектов хантыйского языка) // Вестник угроведения. – 2013. – № 2 (12). – С. 44–49.

18. Нёмысова Е. А., Каюкова Л. Н. Хантыйские загадки (казымский и сургутский диалекты). – Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2007. – 88 с.

19. Рандымова З. И. Хантыйско-русский словарь (приуральский диалект). – Салехард: Изд-во «Красный Север», 2011. – 96 с.

20. Рябчикова З. С., Рачинская М. А. Словарь образных слов и выражений хантыйского языка (казымский и шурышкарский диалекты): 5–9 кл.: учеб. пособие для общеобраз. учрежд. – СПб.: Алмаз-Граф, 2011. – 80 с.

21. Соловар В. Н. Семантика прилагательных общего размера в хантыйском языке // Теоретические вопросы лексикологии и синтаксиса хантыйского языка: избранные труды. – Ханты-Мансийск: Типография «Печатное дело», 2010. – С. 18–27.

22. Соловар В. Н. Хантыйско-русский словарь (казымский диалект). – Тюмень: Формат, 2014. – 386 с.

23. Соловар В. Н., Молданова Е. С. Номинации человека по внутренним параметрам (на материале казымского диалекта хантыйского языка) // Вестник угроведения. – 2011. – № 3 (6). – С. 33–37.

24. Сязи З. И., Скамейко Р. Р. Словарь хантыйско-русский и русско-хантыйский (шурыш. диал.): учеб. пособие для уч-ся 5–9 кл. общеобраз. учрежд. 3-е изд., дораб. – СПб.: Просвещение, 2007. – 192 с.

25. Талигина Н. М. Цветовая классификация у хантов // Обские угры. Материалы II Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск; Омск: ОмГПУ, 1999. – С. 197–199.

26.Халили-Квасова С. В. Лексическая сочетаемость имен прилагательных, характеризующих внешность человека, в русском и белорусском языках // Русский язык: система и функционирование (к 90-летию БГУ и 85-летию профессора П. П. Шубы): сб. материалов V Междунар. науч. конф., 11–12 окт. 2011 г., Минск / редкол.: И. С. Ровдо (отв. ред.) [и др.]. – Минск: Изд. центр БГУ, 2011. – С. 259–261.

27.Шитц О. А. «Прилагательные» в уральских языках (на материале финского, венгерского, удмуртского, коми и мордовских языков) // Вестник ТГПУ. Серия: Гуманитарные науки (филология). – 2006. – Вып. 9 (60). – С. 67–70.

28.Шмидт Е., Пятникова Т. Р. Арӓн моньщӓт (Моньщ-Арӓт). Песни-сказки. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. – 164 с.

29.Шулякина Ю. С. Семантическое поле «Отрицательные черты характера человека» (на материале говоров Ивановской области) // Ярославский педагогический вестник. – 2012. – Том I (Гуманитарные науки). № 4. – С. 207–210.

30.Steinitz W. Dialektologisches und Etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Akademie Verlag. T. I–XV. – Berlin, 1966–1991. – 2023 p.

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

Бурыкин Алексей Алексеевич – доктор филологических наук, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела диалектной лексикографии и лингвогеографии русского языка Института лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Герляк Наталья Андреевна – научный сотрудник научно-исследовательского отдела хантыйской филологии бюджетного учреждения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок», г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация.

Динисламова Оксана Юрисовна – научный сотрудник научно-исследовательского отдела мансийской филологии и фольклористики бюджетного учреждения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок», г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация.

Дядюн Светлана Даниловна – старший научный сотрудник фольклорного центра бюджетного учреждения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок», г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация.

Ерныхова Ольга Даниловна – начальник фольклорного центра бюджетного учреждения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок», г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация.

Каксин Андрей Данилович – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан, Российская Федерация.

Нахрачева Галина Леонидовна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского отдела хантыйской филологии бюджетного учреждения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок», г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация.

Соловар Валентина Николаевна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник научно-исследовательского отдела хантыйской филологии бюджетного учреждения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок», г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация.

Федоркив Любовь Алексеевна – научный сотрудник научно-исследовательского отдела хантыйской филологии бюджетного учреждения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок», г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация.

Шиянова Анастасия Антоновна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского отдела хантыйской филологии бюджетного учреждения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок», г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация.

Научное издание

**ХАНТЫЙСКИЙ МИР ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ
РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКОВ**

Дизайн обложки Д. Г. Соловар

Подписано в печать 27.12.2019 г.